

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВА И ПРОЦЕССА

Монография

Рекомендовано к изданию ученым советом
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Оренбургский государственный университет»

Оренбург
2023

УДК 347
ББК 67.404
Ю70

Рецензент:

заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО
«Оренбургский государственный университет», к.ю.н., доцент Л.И. Носенко

Ю70 Юридическая ответственность и цифровизация: проблемы права и
процесса: монография / под ред. Т.В. Летута. – Оренбург:
Оренбургский гос. ун-т, 2023. – 200 с.
ISBN 978-5-7410-2940-4

В монографии, подготовленной по итогам международной научно-практической конференции «Общество, право и ответственность в условиях цифровой экономики», проведённой 24-25 ноября 2022 г. в Оренбургском государственном университете в рамках программы «Приоритет-2030», освещены основные проблемы развития теории и практики применения мер юридической ответственности в различных отраслях права и процесса в условиях цифровизации. Авторы акцентируют внимание на тенденциях, связанных с системным подходом к исследованию проблем ответственности в условиях цифровизации, на проблемах нормативных оснований ответственности и определения субъектов ответственности, на особенностях реализации общих положений о деликтной ответственности и специфике деликтной ответственности отдельных субъектов, на планировании хозяйственной деятельности в русле теории позитивной (социальной) ответственности в условиях цифровой экономики, на истории и перспективах цифровизации уголовного судопроизводства.

Монография адресована широкому кругу читателей: научным работникам, преподавателям, практикующим юристам.

Авторы глав несут ответственность за их содержание, за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, названий, ссылок и прочих сведений.

ISBN 978-5-7410-2940-4

© Летута Т.В., 2022
© Коллектив авторов, 2022
© ОГУ, 2022

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Долинская Владимира Владимировна, д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, г. Москва – § 2.1 гл. 2

Ефимцева Татьяна Владимировна, д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) ФГБОУ ВО «Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Оренбург – гл. 4

Мищенко Елена Валерьевна, д.ю.н., доцент, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Оренбургского государственного университета», г. Оренбург – гл. 5

Примак Татьяна Клавдиевна, д.ю.н., профессор Образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» ФГАОУ ВО «Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта», г. Калининград – § 2.2 гл. 2

Чердаков Олег Иванович, д.ю.н., профессор, проректор по научной и инновационной работе ОЧУ ВО «Международного юридического института», г. Москва – гл. 1

Агибалова Елена Николаевна, к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Волгоград – § 3.2 гл. 3

Летута Татьяна Владимировна, к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Оренбургского государственного университета», г. Оренбург – введение, § 3.1 гл. 3

Максименко Елена Ивановна, к.п.н., доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности ФГБОУ ВО «Оренбургского государственного университета» г. Оренбург – гл. 1

Усенко Юлиан Николаевич, старший преподаватель Образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» ФГАОУ ВО «Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта», г. Калининград – § 2.2 гл. 2

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Глава 1. Цифровизация: аспекты обеспечения прав и свобод человека.....	8
Глава 2. Юридическая ответственность: проблемы современного правопонимания	37
2.1 Проблемы ответственности в условиях цифровизации.....	37
2.1.1 Системный подход к исследованию проблем ответственности в условиях цифровизации	37
2.1.2 Проблемы нормативных оснований ответственности в условиях цифровизации	43
2.1.3 Проблемы правосубъектных оснований ответственности в условиях цифровизации	47
2.1.4. Проблемы юридико-фактических оснований ответственности в условиях цифровизации.....	53
2.2 Субъекты ответственности, наделённые властными полномочиями: вопросы юридической ответственности.....	57
Глава 3. Проблемы деликтной ответственности в условиях цифровизации	88
3.1 Общие положения о деликтной ответственности в условиях цифровой экономики	88
3.2 Специфика деликтной ответственности нотариуса в Российской Федерации: основные выводы из анализа судебной практики	111
Глава 4. Планирование хозяйственной деятельности в условиях цифровизации и позитивная (социальная) ответственность субъектов.....	136

Глава 5 Цифровизация уголовного судопроизводства: история, зарубежный опыт, проблемы и перспективы	147
5.1 Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве зарубежных стран	147
5.2 Развитие уголовного судопроизводства России в условиях современных цифровых технологий.....	166
Библиографический список.....	185

Введение

Проблемы юридической ответственности различных отраслей права занимали и занимают ведущие позиции в перечне актуальных тем научных исследований, поскольку характеризуют ключевые критерии: добра и зла, преступления и наказания, кары, эквивалентности, предупреждения, профилактики¹.

К разнообразию аргументированных подходов к определению ответственности как правового феномена, к перечню мер ответственности и мер защиты в последнее десятилетие прибавляется разнообразие форм проявлений, распространения цифровизации и проблем правового регулирования как самого процесса цифровизации, так и правового статуса субъектов, участвующих в правоотношениях посредством цифровых платформ, услуг, и правового режима объектов, в том числе, порождаемых цифровизацией. В результате отрасли как материального, так и процессуального права сталкиваются с вопросами правового оформления юридических фактов, определения законности конкретных действий субъектов в тех или иных условиях. Соответственно, юриспруденция нуждается в разработке адекватных современным потребностям положений, обеспечивающих системное взаимодействие норм права и единообразное применение мер ответственности и профилактики правонарушений.

Цифровизация охватила все сферы жизнедеятельности общества и вне зависимости от внешнеполитических условий

¹ Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985.; Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. Социологический и юридический аспекты. Л., 1983.; Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Система права и система юридической ответственности: некоторые проблемы взаимосвязей и соотношения // Право и политика. – 2019. – № 9. – С. 29 – 47. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.9.30581

остаётся неотъемлемым элементом отечественной экономики. Обозначенные в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»² цели и задачи могут найти своё эффективное решение лишь при условии глубокой проработки отраслевого законодательства, обеспечивающего правомерное применение цифровых технологий и создающих условия для справедливого применения соответствующих нарушениям санкций. Поэтому в настоящей монографии представлены труды, охватывающие основные аспекты, требующие своей первоочередной проработки.

К таким аспектам относятся: обеспечение прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровизации, фундаментальные положения о юридической ответственности, в том числе о правовом статусе отдельных категорий субъектов, о деликтной ответственности, вопросы планирования хозяйственной деятельности в условиях цифровизации, цифровизация уголовного судопроизводства. Затрагиваемые авторами проблемы охватывают не только вопросы оптимизации законодательства, но и правоприменения норм частного и публичного права. В связи с этим, в монографии раскрываются как общие, так и конкретные проявления реализации правовых норм о юридической ответственности в условиях цифровизации.

² Цифровая экономика РФ. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата доступа 23.11.2022).

Глава 1. Цифровизация: аспекты обеспечения прав и свобод человека

Основной закон Российской Федерации – Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., закрепляя в ст. 2 права человека, определяет их как высшую ценность и главный объект охраны и защиты государства.

Права человека относятся к общечеловеческим ценностям, и, следовательно, государство призвано обеспечивать гарантирование прав и свобод для всех независимо от физиологических, этнокультурных, социально-политических, имущественных и иных обстоятельств.

Это означает, что государство обязано создавать равные для всех гарантии прав и свобод. Оно должно проводить активную целенаправленную деятельность институтов власти по организации посредством системы правовых, политических, экономических, идеологических и организационных мер соответствующей социальной среды, в которой бы граждане могли иметь реальные возможности наравне с другими членами общества воспользоваться признаваемыми в Российской Федерации правами и свободами и реализовать их эффективную защиту. Это, в частности, касается как прав на доступ к цифровым технологиям и средствам цифровой коммуникации, так и обеспечения «цифровой» безопасности граждан, а также защита их прав в цифровом пространстве.

Действительно, формирование цифрового пространства и развитие цифровых технологий затрагивает право и законодательство как инструмент, реализующий основные приоритетные направления государственной политики в данной

области. Так, в качестве примера можно привести российскую национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», включающую в себя шесть федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление»³.

Следует отметить, что одним из флагманов правового урегулирования вопросов цифровой безопасности является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ⁴. Настоящий закон регулирует отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации в процессе применения информационных технологий для обеспечения защиты информации.

Как подчеркивают Т.Е. Колосова анализируя работу Ю.Н. Лебедевой значение правового регулирования указанных отношений в настоящее время возрос настолько, что нашло отражение при работе над изменениями и дополнениями в Конституцию России. Так, например, законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной

³ Более подробно преодолении «цифрового разрыва» и конституционных гарантия «цифрового равенства» см: С.Т. Артемова, Н.А. Жильцов, О.И. Чердаков «Цифровой разрыв» и конституционные гарантии «цифрового равенства» // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 10. – С. 41.

⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448

власти»⁵ пункт «м» статьи 71 Конституции, очерчивающий предмет ведения Российской Федерации в области обороны и безопасности, был дополнен положением на то, что в предмет ведения государства в указанной сфере включено обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных⁶.

Переоценить значимость данного законодательного решения вряд ли возможно, поскольку риски для граждан с точки зрения прав человека, связанные с цифровизацией, развитием информационных технологий и их проникновением во все сферы жизни человека, с каждым годом неизменно повышаются, и, соответственно, актуализируется вопрос их снижения, повышения уровня технологической и юридической защиты цифровых данных, а также роли в этом государства⁷.

Следует согласиться с Т.Е. Колосовой, что «чрезвычайно важным направлением реализации охранительной функции современного российского государства является обеспечение «цифровой» безопасности граждан, а также защита их прав в цифровом пространстве»⁸.

Личность гражданина России, его суверенитет, достоинство и неприкосновенность частной жизни обеспечивают и оберегают

⁵ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ, 16.03.2020. № 11, ст. 1416

⁶ Колосова Т. Е. Проблемы реализации охранительной функции государства в сфере защиты прав человека в цифровом пространстве. // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – Т. 6. – № 2. – С. 151-157; Лебедева Ю.Н. Новое в разграничении вопросов ведения России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 9. – С. 20 – 21

⁷ Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. 240 с.

⁸ Колосова Т. Е. Проблемы реализации охранительной функции государства в сфере защиты прав человека в цифровом пространстве. Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 151-157.

указанные в Конституции Российской Федерации, а также в ратифицированных Российской Федерацией международно-правовых актах, положения об основных правах и свободах человека и гражданина.

В цифровом пространстве эти основные права и свободы имеют соответствующие цифровые «преломления»: право на защиту цифровой идентичности, право на доступ или отказ от доступа к цифровым технологиям, право на защиту ментальной неприкосновенности личности и защиту от манипуляции, право на защиту биометрических и других персональных данных, право на забвение и так далее.

Такие термины, как «цифровые права» и «права в Интернете», в настоящее время занимают видное место в политических и академических дебатах по всему миру. Хотя не так давно можно было утверждать, что проблематике прав человека уделялось лишь незначительное внимание в дебатах о глобальном информационном обществе, сейчас кажется, что права личности составляют центральную нормативную основу для подхода к вопросам политики, связанным с новыми цифровыми технологиями и Интернетом.

Призывы к защите цифровых прав привели к появлению ряда докладов, проектов и политических деклараций. Всемирный саммит по информационному обществу (ВВУИО) Организации Объединенных Наций (2003-2005) часто рассматривается как первая глобальная попытка утвердить статус принципов прав человека в развитии информационного общества и глобальном управлении им.

Хотя мнения о его результатах в продвижении прав человека были неоднозначными, в последние годы риторика цифровых прав приобрела еще большее значение, поскольку несколько

правительств и международных организаций подготовили свои собственные декларации о правах и свободах в эпоху цифровых технологий, Россия не является исключением.

Цифровые права также стали важной причиной политической активности и организаций гражданского общества как на национальном, так и на глобальном уровнях.

Однако, сами по себе декларации не означают, что права человека реализуются на практике или что нынешняя политика в области коммуникации и информации действительно будет руководствоваться соображениями прав человека в большей степени, чем раньше.

Важность прав может также отражать восприятие того, что права человека все больше подвергаются угрозе в цифровую эпоху, о чем свидетельствуют сохраняющиеся опасения по поводу новых архитектур контроля и разоблачения широко распространенных методов слежки в Интернете.

Мало кто станет отрицать, что политический и нормативный выбор, связанный с цифровыми технологиями, оказывает глубокое влияние на свободу выражения мнений, доступ к информации, неприкосновенность частной жизни и ряд других прав человека, связанных с развитием, культурой и социальным равенством среди других областей. Существует целый ряд конкретных политических и юридических вопросов, которые в настоящее время вызывают озабоченность в области прав человека, связанную с такими вопросами, как сетевой нейтралитет, авторское право и пиратство, наблюдение и конфиденциальность, защита данных и фильтрация контента.

Помимо конкретных юридических вопросов, принципы прав человека также затрагивают более широкие проблемы, связанные с будущим развитием цифровых медиа и управлением ими, такие как

равный доступ к Интернету или “структурная власть” доминирующих интернет-платформ и корпораций, которые все больше контролируют потоки данных.

Будучи широко признанной и институционализированной нормативной базой, права человека, несомненно, представляют собой полезную нормативную основу для этих дебатов.

Однако текущие дебаты о цифровых правах не представляют собой единого подхода к конкретным политическим проблемам. Можно утверждать, что цифровая трансформация только усугубила разногласия по поводу значения и толкования соответствующих прав, средств, с помощью которых они могут быть реализованы, и того, как они должны быть сбалансированы с другими проблемами, такими как безопасность или экономическая эффективность.

Конвергенция цифровых медиа через границы и отраслевые секторы поставила под сомнение существующие нормативные рамки в области коммуникационной политики и породила новые проблемы, напряженность и арены политического противостояния. Создает ли новая цифровая среда потребность в новых правах человека, и какие институты необходимы для защиты и обеспечения соблюдения этих прав в нетерриториальной, не поддающейся регулированию и быстро меняющейся цифровой среде?

К взаимосвязи между правами человека и новыми цифровыми технологиями можно подходить с разных точек зрения и на разных уровнях, включая философские дебаты, конкретный правовой и политический анализ, исследования общественных движений и активизма, а также ряд более конкретных тем, связанных, например, с развитием, гендером, защитой детей или культурной права меньшинств.

Кроме того, права могут относиться к существующим формальным, юридически обязывающим нормам, но, особенно в неправовых дискурсах, они также используются в более широком смысле для обозначения нормативных принципов или этических идеалов, в соответствии с которыми оцениваются события в реальном мире. Чтобы лучше понять различные уровни дебатов, я выделяю здесь четыре различные точки зрения в дебатах о цифровых правах.

Первая и, возможно, доминирующая точка зрения, с которой обсуждались все новые медиа-технологии, касается того, как цифровые технологии расширяют и бросают вызов существующим правам и свободам, связанным с коммуникацией, в частности свободе выражения мнений. Как в академических дебатах, так и в популярных комментариях много было написано о том, как цифровые технологии способствуют свободе общения и демократии, открывая новые возможности для самовыражения и участия в политической жизни для новых голосов.

Тем не менее, многие критически настроенные ученые напоминают нам, что те же цифровые инструменты могут также использоваться для цензуры и слежки, а также для новых форм коммуникативного неравенства и концентрации власти. Помимо огромного внимания, уделяемого спорам между цифровыми оптимистами и пессимистами и их взглядам на реализацию коммуникативных прав и свобод, новые цифровые технологии, по крайней мере, оживили и переполитизировали юридические, политические и философские дебаты о значении и интерпретации свободы слова и ее нормативных последствиях.

Помимо споров о доступе в Интернет как праве человека, новые технологии породили требования других, более конкретных новых прав человека. Хорошим примером является право на

защиту данных, включая владение и добросовестное использование персональных данных.

Например, право на защиту данных, защищенное в настоящее время Хартией основных прав ЕС, можно рассматривать как новое право, которое отличается от устоявшихся толкований неприкосновенности частной жизни как установленного права человека. Другим спорным примером является “право быть забытым”, которое позволяет отдельным лицам запрашивать удаление устаревшей или не относящейся к делу информации о них из результатов поиска. Как и в случае со всеми другими новыми правами человека, можно утверждать, что распространение новых прав может привести к раздуванию и фрагментации системы прав человека.

Однако рамки прав человека исторически не являются неизменными или замкнутыми, и, как показывает нынешняя волна деклараций о правах в Интернете, новые права возникают в ответ на новые контексты и вызовы.

Наконец, к взаимодействию между правами человека и цифровой средой также можно подходить с точки зрения регулирующих режимов или институтов, необходимых для защиты и обеспечения соблюдения прав. Помимо их влияния на общественные коммуникации, цифровая конвергенция и глобализация информационных потоков повлияли на способность государств осуществлять политику, направленную на реализацию прав граждан на общение.

Глобальный и распределенный характер цифровых медиа-сетей, таким образом, поднимает вопросы о том, “кто обладает полномочиями и способностью управлять и в соответствии с какими целями”, и есть ли необходимость в новых глобальных

институтах или нормативно-правовой базе для обеспечения соблюдения политики, основанной на принципах прав человека.

В контексте управления Интернетом, в частности, новые формы глобальной политики и транснациональных институтов часто обсуждаются с использованием таких терминов, как многосторонность или сетевое управление, которые, по-видимому, подразумевают, что центр регулирования фундаментально сместился с государств и договоров между государствами в сторону негосударственных субъектов и различных типов сетей. мягкое управление.

Хотя эти перспективы ни в коем случае не являются исчерпывающими, они иллюстрируют целый ряд проблем в области прав человека, которые поднимают цифровые технологии.

Отдельной проблемой является обеспечение с точки зрения права возможности охраны персональных, биометрических данных человека, находящихся в цифровом пространстве. Главная проблема заключается в том, что владелец соответствующих данных, которые идентифицируют его, предположительно должен иметь возможность самостоятельно контролировать их состояние попытки их взлома или «утечки» данных третьим лицам. Но это право, вернее сказать, техническая возможность таких действий в настоящий момент не находят своей реализации, либо существенно ограничено.

Между тем, рассматриваемые новые подходы, провозглашающие цифровизацию и влекущие разработку подобных «Государству-как-Платформе» концепций, создают побочный эффект не только в виде асоциальности человека, его отчуждённости, но и в виде опасности нарушения фундаментальных прав человека – прав и свобод, закреплённых в Конституции РФ. Речь идёт о таких правах, как право на тайну

личной (частной), семейной жизни, тайну переписки, право на изображение, защиту иных персональных данных.

«На заре развития техники никто, наверное, не думал и не ставил такую цель, чтобы высокие технологии привели к эпохе «конца анонимности» и полной транспарентности человеческого существования»⁹.

Однако выявленная закономерность стирания границ личной жизни и свободы слова, мысли, распространении личных сведений неограниченному кругу лиц влекут чрезмерную включённость общества в семейные, личные вопросы, что безусловно ставит перед юриспруденцией новые вопросы о дозволенном поведении, о критериях или условиях ответственности за нарушение конституционных прав.

Развитие цифровой техники и автоматизация процессов сами по себе обусловлены не поддержанием практики социализации, не сохранением социальных ценностей и традиций путем продумывания социальной структуры общества, а целями исключительно увеличения производительности и прибыли, занятие преимущественного положения в конкуренции за потребителя на том или ином рынке. Поэтому технологические процессы могут содействовать десоциализации населения, выражающейся в значительном количестве безработных граждан.

В связи с этим на конституционном (законодательном) уровне требуется признание права на участие в информационной среде (право на доступ в интернет) в качестве одного из основных,

⁹ Павлов В. И. Человек – право – государство – техника: трансформация ценностных оснований правового регулирования в современном мире. // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сборник научных трудов / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. – Минск : Академия МВД, 2019. – С. 170.

фундаментальных прав человека, обеспечивающего полную реализацию основных прав и свобод в виртуальном пространстве.

Право на доступ в интернет как новое основное право человека получило международное признание, а также закрепление, например, в современной Конституции Непала (2015) и решениях органов конституционного контроля. Так, в одном из зарубежных правовых порядков Конституционный Суд отнес доступ в интернет к основным правам и свободам человека, а в отдельных странах действуют комплексные законы «О цифровой экономике», обеспечивающий защиту интеллектуальной собственности. Таким образом, назревает необходимость в дальнейшей законодательной охране и защите прав человека (например, интеллектуальных), субъектов гражданского оборота.

С появлением «цифровой личности» под сетевым именем в виртуальном пространстве, «умных роботов» (электронных лиц), применением робототехники, нетипичных объектов правового регулирования – виртуальных вещей, существующих только в процессе работы компьютерных программ и не имеющих материально-вещественных прототипов (например, криптовалют), возникли новые общественные отношения с новыми субъектами, регулируемые правом, что повлекло трансформацию сферы правового регулирования, расширило ее географические границы в силу появления цифровой реальности, усложнило содержание правовых отношений.

Рассмотрим негативные и позитивные права в цифровой среде.

Различие между негативными правами, которые защищают отдельных лиц от неоправданного вмешательства правительства, и позитивными правами, которые обязывают государства гарантировать отдельным лицам некоторые основные товары, дает

один из способов изучить основополагающие идеалы дебатов о цифровых правах.

Исторически сложилось так, что в дебатах о свободе выражения мнений и правах человека в новой цифровой среде доминировала негативная правозащитная точка зрения. Как академические, так и ранние дебаты активистов в основном были сосредоточены на противодействии попыткам правительств ввести законы и ограничения на свободу слова и неприкосновенность частной жизни в Интернете, вместо того, чтобы сосредоточиться на более широкой международной повестке дня в области прав человека и связанных с ней вопросах, таких как права на развитие, гендерное равенство, недискриминация или право принимать участие в культурной жизни. В ранних работах о новых коммуникационных технологиях, вопрос заключался в том, «смогут ли электронные ресурсы для коммуникаций в будущем быть такими же свободными от государственного регулирования, какими были платформа и печатный станок в прошлом», или «будет ли это великое достижение утрачено в будущем»¹⁰.

Эта часто слышимая либеральная утопия задумывала новые цифровые технологии как независимые от привычных политических, экономических и правовых систем и как естественно эгалитарное и неконтролируемое пространство для обмена информацией и свободного общения.

Идея о том, что правительства не должны вмешиваться в развитие цифровых технологий, поскольку это неизбежно подавляет инновации, творчество и права личности, все еще хорошо знакома в текущих политических дебатах. С другой стороны, идея о том, что цифровые медиа каким-то естественным

¹⁰ Akrivopoulou, C. & Garipidis, N. (eds.), 2012, Human Rights and Risks in the Digital Era. Globalization and the Effects of Information Technologies, IGI Global, Hershey, PA.

образом находятся за пределами политики и ее методов принуждения, в значительной степени утратила свою убедительность за последние два десятилетия.

Мало кто сейчас станет отрицать, что новые цифровые технологии тесно связаны с отношениями экономической власти и правительственными и регулируемыми структурами. Хотя это, безусловно, имеет место в авторитарных обществах, таких как Китай, утечки Сноудена и другие разоблачения массовой слежки все чаще показывают, как государства, часто в сотрудничестве с могущественными корпорациями, стремятся установить контроль также и в западных либеральных демократиях.

Работа многих групп по защите цифровых прав по-прежнему отражает идеалы ранних движений за кибер-свободу, которые в значительной степени мобилизовались против нарушений прав правительствами по всему миру. С другой стороны, новые движения за цифровые права, такие как Пиратские партии, зародившиеся в Северной Европе, приняли другой тип мышления, который сочетает кибер-либеральные идеалы с «культурным экологизмом» и понятием «общего достояния» для защиты интернет-культуры как от корпоративной, так и от государственной колонизации.

Тем не менее, другие направления правозащитной деятельности в области коммуникации больше сосредоточены на демократических целях и целях участия, связанных с цифровыми технологиями. Например, кампания «Коммуникационные права в информационном обществе» (CRIS), которая мобилизовала ряд организаций гражданского общества вокруг процесса ВВИО в начале 2000-х годов, защищала более широкую концепцию "коммуникационных прав", которая включала не только негативные свободы, но и позитивные права отдельных лиц на

доступ к информации и ее эффективное использование и знания для содействия демократическому участию и разнообразию культур и идентичностей в Интернете.

Различные группы и движения с меньшим организационным единством и более свободными формами деятельности, и целями, такие как Wikileaks, Anonymous и даже отдельные активисты, появились для защиты прав человека и свободы информации от различных форм ограничений в цифровом мире. Многие из них рассматривались как разрушительные силы, которые привлекают внимание к целому ряду несправедливостей и политических проблем, не обязательно следуя какой-либо конкретной политической программе или манифесту.

Хотя все эти группы утверждают, что продвигают права человека, их деятельность также подвергается критике. Например, некоторые критикуют средства и формы Wikileaks и Anonymous за отсутствие прозрачности, произвольный выбор причин и отсутствие заботы о правах их «целей», что может сделать их деятельность даже «подрывной по отношению к основным принципам прав человека».

Таким образом, цифровые права можно понимать не как конкретную структуру или парадигму, а как широкую рамочную основу для множества нормативных идеалов. Помимо их статуса существующих юридических обязательств, права могут быть сформулированы с помощью различных структур и ассоциаций, используемых различными субъектами для различных целей. С этой точки зрения, одной из важнейших задач исследований в области прав человека и в цифровом контексте является прояснение конкретных политических и практических последствий этих различных альтернативных видений.

В докладе ЮНЕСКО о новой тенденции свободы выражения мнений делается вывод: «Контроль над информацией в Интернете и паутине, безусловно, возможен, и поэтому технический прогресс не гарантирует большей свободы слова»¹¹.

Аналогичным образом Совет Организации объединённых наций по правам человека отметил, что: «Государства все чаще подвергают цензуре информацию в Интернете, а именно посредством: произвольной блокировки или фильтрации контента; криминализации законного выражения мнений; введения ответственности за посредничество; отключения пользователей от доступа в Интернет, в том числе на основе закона о правах интеллектуальной собственности; кибератак; и неадекватная защита права на неприкосновенность частной жизни и защиту данных»¹².

В качестве еще одного признака растущей значимости этих проблем Совет по правам человека ООН назначил в 2015 году первого специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в эпоху цифровых технологий.

Несмотря на повторяющиеся прогнозы об уменьшении роли государств в коммуникационной политике, национальная политика, таким образом, остается ключевым фактором, влияющим на развитие и использование цифровых медиа.

С одной стороны, это указывает на сохраняющуюся актуальность негативной правозащитной перспективы и на

¹¹ Доклад ЮНЕСКО «Глобальные тенденции в области свободы выражения мнений и развития средств массовой информации: Глобальный доклад 2021/2022». URL: <https://www.unesco.org/ru/world-media-trends> (дата обращения: 15.11.2022).

¹² Совет по правам человека Тридцать вторая сессия Пункт 3 повестки дня «Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие». URL:

https://spring96.org/files/misc/hrc-resolution_human_rights_on_the-internet-ru.pdf?ysclid=lcthoj492f321378966 (дата обращения: 15.11.2022).

основную функцию прав человека – вертикальную защиту отдельных лиц от злоупотреблений властью со стороны государств. С другой стороны, исключительный акцент на правительственной цензуре игнорирует то, как коммерческие и другие виды властных отношений также могут ограничивать цифровые права и свободы.

В частности, небольшое число крупных компаний обладают «структурной властью» для формирования доступа к информации в цифровой сфере. Несколько избранных поисковых систем и платформ контента и их алгоритмы определяют, что мы можем делать, с возможностью отслеживать поведение пользователей, контролировать личные данные и отдавать предпочтение определенному контенту или даже блокировать его.

Эти новые алгоритмические архитектуры контроля, или «регулирование с помощью кода», теперь вызывают широкий спектр проблем в области прав человека, связанных со свободой выражения мнений, неприкосновенностью частной жизни и другими потенциальными формами дискриминации и манипуляций. Как следствие, предположение о том, что свобода выражения мнений и другие права человека существуют при отсутствии вмешательства правительства, является очень узким подходом к взаимодействию между правами человека и цифровыми медиа.

В отличие от ранней риторики, в которой подчеркивалась свобода от государства, в нынешних политических дебатах вокруг авторского права и доступа к знаниям, сетевого нейтралитета и защиты данных, например, выбор обычно не стоит между регулированием и отсутствием регулирования вообще.

В отличие от воображаемого неконтролируемого виртуального пространства, цифровые медиа регулируются постоянно, хотя и не всегда демократически подотчетным образом,

и они тесно связаны с обычными экономическими и политическими структурами власти. Вместо выбора между свободой и несвободой цифровая политика связана с конфликтами между различными интересами и целями, а также различными способами регулирования, продвигающими разные ценности.

С точки зрения позитивных прав регулирование рассматривается не только как препятствие на пути реализации прав человека. Вместо этого можно утверждать, что реализация прав человека в широком понимании создает обязательства для директивных органов по содействию равенству доступа, ограничению концентрации власти в руках немногих, введению ограничений на коммерческие формы наблюдения и цензуры и созданию других средств для защиты уязвимых и слабых онлайн.

Таким образом, перспектива позитивных прав представляет собой более сложный дискурс цифровых прав как противовеса новому неравенству и формам контроля и доминирования в цифровой среде. Вместо дихотомии между правами личности и государственным контролем политика, основанная на правах человека, все чаще рассматривается как альтернатива промышленному контролю и более закрытым экосистемам, управляемым рынком.

Как в академических дискурсах, так и в дискурсах активистов в области цифровых прав такие негосударственные угрозы цифровым правам включают коммерциализацию коммуникаций, создание новых олигополий и другие силы, которые могут создавать или усугублять социальное и культурное неравенство.

Что касается свободы выражения мнений, то подход, основанный на позитивных правах, таким образом, подчеркивает структурные предпосылки для равного и эффективного использования гражданами публичной речи. Кроме того, права

человека второго и третьего поколений, такие как право на развитие или право на участие в культурной жизни, еще более четко связаны с равными условиями и возможностями использования цифровых инструментов. Вместо невмешательства они поднимают вопросы о нормативных и институциональных механизмах, необходимых для реальной защиты и осуществления этих прав.

С точки зрения этого более широкого понимания прав человека, невмешательства и правовой защиты негативных прав отдельных лиц недостаточно для поддержания реализации прав человека. Вместо этого воображаемая антирегулируемость, унаследованная от ранних дебатов о свободе Интернета, на самом деле благоприятствовала устоявшимся структурам власти и позволяла продолжать концентрировать власть в цифровых медиа.

В 2021 году Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в своем докладе «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве» сформулировал основные принципы-императивы обеспечения прав человека и гражданина в цифровом государстве, которые должны быть соотнесены с действующими правовыми принципами в различных отраслях права¹³.

Авторы доклада отмечают, что «цифровая трансформация является одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года.

Цифровая трансформация, согласно принятому и утверждённому подходу, должна содействовать:

– прорывному развитию страны,

¹³ О коллизиях принципов различных отраслей права и способах их преодолении см.: Летута Т.В. О коллизии принципов гражданского и корпоративного права // Журнал российского права. 2012. – 2012. – № 11.– С. 100.

- повышению уровня жизни граждан, созданию комфортных условий для их проживания,
- раскрытию таланта каждого человека»¹⁴.

Разработка и принятие нормативных правовых актов, подзаконных актов, документов стратегического планирования и иных документов в рамках цифровой трансформации, внедрение новых цифровых технологий не должны отменять или умалять права и свободы человека и гражданина, закрепленные действующим законодательством Российской Федерации.

По мнению Е.В. Алферовой, анализ воздействия цифровых технологий на права человека предопределяет необходимость учета таких аспектов, как адаптации для деятельности человека в историческом срезе и глобальности цифровых процессов, фактического отсутствия территориальных границ цифровизации.

Первый аспект обусловлен эволюционным промежутком времени, который разделяет достижения технического прогресса и их юридическое оформление. Адаптация и национальных, и международных правил к достижениям науки и техники часто воспринимается как слишком медленная в решении вопросов правового регулирования достижений цифровизации.

Второй аспект отражает тенденции цифрового развития на международном и национальном уровнях¹⁵. Он связан с глобальным измерением рассматриваемых технологических явлений: соединение компьютерных сетей и человека подвергает

¹⁴ Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: доклад Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – М., 2021. – 124 с.

¹⁵ Современное конституционное право: отечественные и зарубежные исследования: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. правоведения; Рос. гос. ун-т правосудия. Отдел конституционно-правовых исследований; отв. ред. Е.В. Алферова, И.А. Умнова (Конюхова). – М., 2019. – С. 90.

его права негативным последствиям, прежде всего вызванным поведением людей, действующих в разных юрисдикциях.

В свете этих двух подходов выделяют два ключевых вопроса:

1) развитие традиционных прав человека в свете технологических инноваций;

2) формирование новых видов прав человека, которые определяются как поколение цифровых прав.

Развитие традиционных прав человека и демократии в цифровом пространстве. Российская Федерация, согласно ст. 1 Конституции РФ – демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Само понятие «демократия» предусматривает, что власть в Российской Федерации осуществляется ее гражданами в равных правах и на основании закрепления этих прав в Конституции РФ. Граждане Российской Федерации согласно ст. 20–32 Конституции РФ имеют следующие основные политические права:

– право на свободу мысли и слова;

– право получать и распространять информацию;

– право на объединения, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов;

– право собираться мирно;

– право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей;

– право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, участвовать в референдуме;

– право участвовать в отправлении правосудия и равный доступ к государственной службе;

– право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Основные политические права и свободы граждан в Российской Федерации, переплетаются с основными личными, социально-экономическими и культурными правами и свободами.

Современные цифровые технологии позволяют по-новому интерпретировать фундаментальные права человека. Они актуализируют прежде всего проблемы защиты права на достоинство человека, предусмотренного ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, и свободы мнения, включающей свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ (ст. 29); права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 22, 23) и др.

Так, Конституции РФ в ч. 4. ст. 29 гарантирует каждому право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; при этом перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Эта норма во взаимосвязи с положениями Конституции РФ о прирожденных, неотчуждаемых правах человека, осуществляемых на основе равенства и справедливости (ст. 2, ч. 3 ст. 17, ст. 19, ч. 3 ст. 55), означает, что законодатель обязан гарантировать указанное конституционное право и может вводить лишь такие ограничения, которые в России необходимы для защиты конституционных ценностей, с соблюдением баланса частных и публичных интересов.

Например, требует своего дальнейшего развития и оценки новое явление «электронная демократия» – новую форму демократии, при которой граждане участвуют в процессе государственного управления с помощью информационных технологий¹⁶.

Исследователи прогнозируют трансформацию современных политических режимов и переход от классической модели представительной демократии к моделям демократии соучастия и совместного действия, что может быть обеспечено посредством внедрения в современную политическую практику интерактивных форм информационно-коммуникационного взаимодействия государства и общества, позволяющих активно включаться в процессы обсуждения и выработки политических решений большим группам населения.

При этом, как отмечает, например, С.В. Володенков, существует возможность организации подобного взаимодействия не только на национальном, но и на глобальном уровне. Демократия соучастия, полагает он, под влиянием новых информационных технологий должна заменить представительную форму демократии, значительно снизить роль представительства профессионалов в сфере политики и сделать политическое управление, осуществляемое экспертами и бюрократами, бесполезным¹⁷.

Цифровые технологии не только создали новые способы реализации традиционных прав человека, но и способствовали появлению таких прав и свобод, которые еще требуют

¹⁶ Афанасьев М.Н. Императив постиндустриальной демократии – информационная открытость власти // *Общественные науки и современность*. – 2010. – № 3. – С. 111.

¹⁷ Володенков С.В. Роль информационно-коммуникационных технологий в современной политике // *Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд. РАН*. – Екатеринбург, 2018. – Т. 18, вып. 2. – С. 78–79.

конституционного закрепления и дальнейшего регулирования со стороны правительств. Так, определение категории цифровых прав, сформулированное в ч. 1 ст. 141.1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (введена ФЗ от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ), законодатель дал определение цифровым правам, но оно определяет данный вопрос в очень узком и специфичном контексте: цифровыми правами признаны обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что это специальное отраслевое понятие, которое совершенно не затрагивает вопрос о сущности цифровых прав человека и их отличительных особенностях.

«Цифровые права человека, – отмечает В.Д. Зорькин, – это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, – применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации. Задача государства – на основе Конституции и с учетом указанных международных документов – признавать и защищать цифровые права граждан от всевозможных нарушений, обеспечивая при этом конституционно-правовую безопасность личности, общества и государства»¹⁸.

Под цифровыми правами ученый понимает: права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых

¹⁸ Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>

произведений; на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности сети Интернет; право свободно общаться и выражать мнения в Сети и право на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность (обезличенность) его уже оцифрованной персональной информации.

О защите цифровых прав упоминается в ряде актов международного характера, например, в Хартии глобального информационного общества (Окинава, 22 июля 2000 г.)¹⁹, которая была принята представителями 8 государств, включая Российскую Федерацию.

Данная хартия провозглашает необходимость укрепления соответствующей политики и нормативной базы, содействующих сотрудничеству по оптимизации глобальных сетей, борьбе со злоупотреблениями, которые подрывают целостность сети, по сокращению разрыва в цифровых технологиях, инвестированию в людей и обеспечению глобального доступа и участия в этом процессе.

В качестве основополагающих правил Хартия предусматривает:

– развитие эффективного механизма защиты частной жизни потребителя, а также защиты частной жизни при обработке личных данных, обеспечивая при этом свободный поток информации;

– дальнейшее развитие и эффективное функционирование электронной идентификации, электронной подписи, криптографии и других средств обеспечения безопасности и достоверности операций.

¹⁹ Окинавская хартия глобального информационного общества: принята 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8.

Многие российские и зарубежные ученые детально изучают проблему формирования новых прав человека по мере развития цифровых технологий, а также тех специфических прав, которые считаются важнейшими в цифровую эпоху. Речь идет о праве на защиту персональных данных, праве на использование достижений науки и техники, праве на доступ в Интернет²⁰.

В отношении прав на защиту персональных данных, на доступ к сети Интернет, следует вести речь о формировании новых элементов правоотношения, отличающихся от традиционной модели. И если, согласно традиционным представлениям, правоотношения раскрывались через субъект, субъективное право, объект, обязанность. То, в цифровом контексте правоотношения каждый из указанных элементов должны дополняться включенностью в информационную систему.

Таким образом, субъект, например, гражданин, будет характеризоваться как пользователь информационной системы с самостоятельным набором информационных прав и обязанностей, вытекающих из информационного законодательства.

Но, что характерно, сами цифровые права, предоставляемые субъектам, могут использоваться лишь для реализации иных прав, при этом сами технологии никакого значения для определения объема цифровых прав человека не имеют.

Ещё раз отметим, что согласно положениям доклада «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве»²¹ «беспорядочная, хаотичная и бесконтрольная

²⁰ Coccoli J. The challenges of new technologies in the implementation of human rights: An analysis of some critical issues in the digital era // Peace human rights governance (PHRG). – Venice, 2017. – Vol. 1, N 2. – P. 223–250

²¹ Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: доклад Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – М., 2021. – 124 с.

цифровизация создаёт огромные риски для прав граждан и суверенитета страны.

Необходимо выработать и закреплять в законодательстве российскую модель цифровизации, защищающую права граждан и национальный суверенитет, обеспечивать её общественную поддержку и институциональную базу».

Совет при Президенте РФ предлагает следующие пути развития защиты прав человека в цифровом пространстве:

- совершенствование и развитие законодательства в сфере обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации;

- институциональное развитие цифрового пространства Российской Федерации, а также развитие саморегулирования в данной сфере;

- формирование устойчивой и достаточной для безопасного развития цифровой грамотности граждан Российской Федерации;

- правозащитная и общественная деятельность, гражданские инициативы в области развития цифрового пространства;

- научные исследования процессов формирования и развития цифрового пространства.

Вместо того чтобы сосредоточиться на правах человека как институционализированной правовой базе, внимание ученых в последнее время уделяется дискуссиям о цифровых правах как выражении различных политических и идеологических взглядов и интересов.

Акцент на оспариваемом характере прав не означает преуменьшения важности прав человека как установленной, юридически определенной и международно– признанной основы, на которую можно ссылаться, чтобы бросить вызов

государственному и коммерческому надзору, цифровой цензуре и различным другим формам дискриминации и нарушений прав.

В противовес другим интересам, которые стимулируют разработку цифровой политики, таким как государственная безопасность, наблюдение и корпоративное влияние, соблюдение принципов прав человека в качестве существующих правовых норм, безусловно, является центральной задачей для политиков и исследователей.

Однако, помимо этой задачи, права человека играют и другую роль в обеспечении долгосрочного нормативного видения формирующейся информационно-коммуникационной политики. В этом более широком смысле текущие академические и политические дебаты о цифровых правах и их значении сводятся к обсуждению и оспариванию ценностей и принципов, которыми руководствуется будущая политика. Это ничем не отличается от старых средств массовой информации, где постоянно оспариваются вопросы о значении и реализации прав на общение, а также о том, должны ли политики воздерживаться от вмешательства или активно продвигать права граждан на разнообразную информацию.

В цифровом контексте количество политических вопросов и их сложность только возросли, а это означает, что дебаты о «цифровых правах» и их последствиях для регулирования, скорее всего, не будут урегулированы в ближайшее время.

Однако, с учётом обозначенных вызовов и угроз реализации прав и свобод человека, и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации, наиболее актуальными представляются следующие меры по совершенствованию и развитию российского законодательства:

– форсированное развитие законодательной базы по обеспечению защиты отечественного национального суверенитета в цифровом пространстве;

– развитие идеи формирования кодифицированного акта в сфере цифровизации, который способствовал бы интеграции большого количества нормативных актов, разрозненного содержания в силу многоотраслевой направленности процесса цифровизации;

– сохранение традиционного бумажного документооборота в критически значимых сферах жизнедеятельности общества;

– предупреждение создания интегральных баз данных, содержащих все персональные данные граждан в ненадёжных источниках и другие меры.

Авторы доклада «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве» отмечают, что Россия, как демократическое правовое государство, может предложить миру привлекательную модель цифровой трансформации экономики и механизма государственного управления²²:

– защита в цифровом пространстве Российской Федерации весь объем прав и свобод человека и гражданина;

– защита традиционные духовно-нравственные ценности общества;

– решая задачи минимизации угроз, рисков ущемления прав и свобод человека и гражданина, возникающих при цифровизация экономики, социальной сферы, государственного и муниципального управления.

²² Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: доклад Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – М., 2021. – 124 с.

Все это говорит о необходимости гармонизации требований соблюдения прав и свобод человека и гражданина, обеспечения национальной безопасности, обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Глава 2. Юридическая ответственность: проблемы современного правопонимания

2.1 Проблемы ответственности в условиях цифровизации

2.1.1 Системный подход к исследованию проблем ответственности в условиях цифровизации

В ст. 2 Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. (далее по тексту – Конституция РФ) провозглашено, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Генетически связанный с конституционными положениями о свободе экономической деятельности (ч. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 34 Конституции РФ) принцип беспрепятственного осуществления прав (п.1 ст. 1, ст. 9 и др. Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (далее по тексту – ГК РФ), восстановления и защиты нарушенных прав (п. 1 ст.1, ст.ст. 11, 12 и др. ГК РФ) выходит на вопросы ответственности за правонарушения²³.

Не углубляясь в смежные вопросы, отметим все же, что беспрепятственное осуществление субъективных прав означает, что любые третьи лица, в т. ч. государство не будут чинить препятствий в реализации этих прав.

Под препятствием понимают то, что преграждает путь, мешает действию или развитию чего-нибудь, задерживает движение, осуществление чего-либо, помеху, затруднение²⁴.

²³ См., например: Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей // Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М., 2001. С.292. См. также: Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. – М., 1972.

²⁴ См., например: Ефремова Т.Ф. Толковый словарь. 2000 // <dic.academic.ru> Толковый словарь Ефремовой Т.Ф.; Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. М., 2016.

Представляется, что для права значимы характер и основание возникновения препятствия.

Препятствие может полностью или частично исключать осуществление лицом своего субъективного гражданского права.

Препятствия, как факты действительности, могут быть правомерными и противоправными. В первом случае речь идет о пределах осуществления и ограничениях субъективных прав²⁵. Во втором следует задействовать механизм защиты.

Препятствия, как факты действительности, могут относиться к событиям (например, наводнение), действиям, срокам и состояниям²⁶. Из этой классификации только действия подлежат правовому воздействию и, следовательно, могут предотвращаться или пресекаться на основании рассматриваемого принципа.

Таким образом, принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав предполагает устранение необоснованных, неправомерных помех в виде действий (бездействий) каких-либо лиц. Налицо связь с принципом недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (п.п. 2 и 3 ст.1, ст.10, п.п. 2, 3 ст. 209, п. 2 ст.235, ст.ст. 240, 241, 286 и др. ГК РФ).

Устранение неправомерных, необоснованных препятствий влечет за собой защиту гражданских прав от правонарушений.

Ст. 2 Конституции РФ возлагает на государство обязанность по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина.

В рамках реализации права на защиту обращение к компетентным государственным или общественным органам с

²⁵ См.: Грибанов В.П. Указ.соч.; Долинская В.В. Субъективные права, их осуществление и защита // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. №11.

²⁶ См. подробнее: Гражданское право: юридические факты: учеб. пособ. / отв. ред. В.В. Долинская, В.Л. Слесарев. (Сер. «Гражданское право» / науч. ред. В.Л. Слесарев). – М.: Проспект, 2017.

требованием применить к правонарушителю меры государственно-принудительного характера, в т. ч. задействовать механизм гражданско-правовой ответственности развивает такую характеристику метода гражданского права как равенство сторон, т.к. споры между ними разрешает орган, не связанный в административном отношении ни с одной из сторон.

Особо отметим, что защита прав осуществляется от всех третьих лиц, в т. ч. от государства. Нормы ГК РФ по этому вопросу производны от ст. 32 Декларации прав и свобод человека и гражданина, ст. 46 Конституции РФ, в соответствии с которыми каждому гарантируется право на обжалование в суде действий государственных органов, общественных организаций и должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан.

Систему нормативных связей мы вкратце обрисовали. Переходим к доктрине.

Несмотря на большое количество фундаментальных работ по этой теме²⁷ до сих пор отсутствует единая концепция ответственности, развитие исследований идут больше по отраслевому принципу и даже по конкретным составам правонарушений.

²⁷ См., например: Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. – Красноярск: Изд-во Красноярск.ун-та, 1985; Боброва Н.А. Общетеоретические и межотраслевые аспекты юридической ответственности: монография. – М: Юрлитинформ, 2019; Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность: очерк теории. – М., 1976; Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд. – М., 2009; Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. – М., 1972; Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. – М., 1991; Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву – М., 1981; Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. – М., 1968; Собчак А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Известия вузов: Правоведение. 1968. №1. С.49-57; Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2007; Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: Дисс. ... д.ю.н. – Самара, 1998; Черепяхин Б.Б. Об ответственности за вред, причиненный правомерной деятельностью // Известия вузов: Правоведение. 1994. № 5-6 и др.

В теории права называют ряд признаков юридической ответственности. Она рассматривается и в качестве формы государственного принуждения к соблюдению норм права, характеризуется нормативной обоснованностью (круг оснований применения, реакция государства, меры ответственности, применяющие их органы установлены законом или иным источником права); основанием применения (нарушение или его элементы, необходимые и достаточные, с точки зрения законодателя, для акта применения); применяется уполномоченными на то государственными или общественными органами в пределах установленной законом компетенции.

Применение отдельных мер имущественной ответственности к правонарушителю может поручаться одному из участников правоотношения, общества, но сама гарантированность действий последних возникает лишь в рамках сформированных государством механизмов принуждения.

Кроме того, к признакам ответственности относятся: применение её к лицам, совершившим правонарушение, деяние, влекущее за собой ответственность, или иным лицам, ответственным за их действия; она так же состоит в применении предусмотренных законом санкций, являющихся определенной мерой юридической ответственности и влекущих за собой неблагоприятные для правонарушителя (ответственного за его действия лица) или его имущественной сферы последствия²⁸.

По данным основаниям не могут быть отнесены к мерам ответственности, например, входящие в варианты реализации права

²⁸ См.: Долинская В.В. Предпринимательское право: Учебник (Допущено Министерством образования РФ в качестве учебника для студентов, обучающихся по специальности 0201 «Правоведение», 0202 «Право и организация социального обеспечения», 0603 «Финансы» (по отраслям). – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Издательский центр «Академия»; Мастерство, 2004. §7.1.

на защиту меры оперативного воздействия, которые применяются участниками обязательственных отношений друг к другу и направлены на обеспечение исполнения обязательства; способы защиты права типа признания права, изменения правоотношения (раздел имущества, перенос исполнения при восполнении недопоставки) как не являющиеся однопорядковыми с ответственностью явлениями и не всегда связанные с правонарушением.

В современной литературе нет однозначного определения и понятия цифровизации, информационного общества²⁹.

Автор обосновала понимание цифровизации как одного из средств хранения, поиска и передачи информации, т. е. информационной технологии³⁰.

Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203, цифровая экономика определяется через критерий повышения эффективности за счёт обмена данными в цифровом формате: «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»³¹.

²⁹ См.: Долинская В.В. Информационное общество, информационные отношения и право // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Том 3. №3; Bell D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., Basic Books, Inc., 1973.

³⁰ См.: Vasily V. Tarakanov, Agnessa O. Inshakova and Vladimira V. Dolinskaya. Information Society, Digital Economy and Law // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / Editor Elena G. Popkova (Studies in Computational Intelligence). – Springer, 2019. P.3-15.

³¹ Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на

С позиций экономики процесс цифровизации характеризуется как новая реальность³², с позиций права также возникают тяготеющие к системе элементы, требующие адекватного оформления новой рыночной инфраструктуры.

В состав национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» входят 9 федеральных проектов, включая «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура». Среди поставленных задач – создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере, внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий³³.

Основной целью направления, касающегося нормативного регулирования, является формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием (цифровой экономики).

В доктринальной литературе³⁴ в целях определения применимых правовых форм организации общественных отношений при изучении сущности цифровой экономики выделяют такие проблемные блоки как:

правовое положение субъектов (агрегаторов, операторов, пользователей, посредников и т. д.);

2017 – 2030 годы, утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. №20. Ст. 2901.

³² См.: Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. №10. С.5-29.

³³ См., например: Долинская В.В. Гражданский оборот: понятие и проблемы в условиях цифровой экономики: §8 гл. II // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / Под ред. И.В. Воронцовой. – Казань: Отечество, 2020.

³⁴ См., например: Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. №6. С.29-36.

основания возникновения, изменения и прекращения правоотношений (взаимосвязь с получением кодов доступа, блокировками и т. д.);

правовой режим объектов (цифровое имущество, цифровые права);

содержание правоотношений и др.

В силу динамического взаимодействия формы и содержания к проблемам собственно ответственности добавляются связанные с цифровизацией и касающиеся оснований, субъектного состава отношений, мер и форм ответственности³⁵.

Различают основания применения ответственности тройкого рода: нормативные, правосубъектные, юридико-фактические.

2.1.2 Проблемы нормативных оснований ответственности в условиях цифровизации

Во-первых, выделим проблемы именно источников права, косвенным образом влияющие и на ответственность.

При общем согласии с тем, что Интернет является только способом передачи и получения информации, автор всё же считает необходимым развитие и модернизацию источников права, регулирующих отношения в сфере цифровизации, виртуального пространства.

С одной стороны, порочна, на наш взгляд, практика подмены правовых актов техническими регламентами, регулирование общественных [выделено мной – В.Д.] отношений на основе алгоритмического кода (*lex informatica*), смарт-код контракта,

³⁵ См., например: Летута Т.В. Тенденции развития деликтного права в условиях цифровизации // Конституционализация отраслевого законодательства Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с иностранным участием. – Тюмень, 2022. С.404-414.

который стороны самостоятельно в большинстве случаев не могут воспринимать.

С другой стороны, принципы алгоритмизации могут быть использованы в качестве средства борьбы с дефектами права³⁶.

Кроме того, формируется *lex electronica*, пока воспринимаемые, в первую очередь, как правила, которые могут принимать форму обычаев, используемых в условиях заключаемых в киберпространстве договоров (например, Типовой закон ЮНСИТРАЛ 1996 г. «Об электронной торговле»).

Не определена природа стандартов, разрабатываемых самими «создателями» цифровой инфраструктуры, в т. ч., так называемого, «искусственного интеллекта» (далее – ИИ). Юристы скорее квалифицируют это как технические регламенты, производные от предложенного Ю.А. Тихомировым понятия технико-юридических актов. IT-специалисты и их организации, например, Институт инженеров электротехники и электроники – международная некоммерческая ассоциация специалистов в области техники, – разрабатывающий подобные стандарты, говорят об этических (!) правилах для систем ИИ, т. е. не только подменяют его характеристику как комплекса технологических решений³⁷ квалификацией в качестве актора взаимодействия, субъекта, но и

³⁶ О дефектах права см., например: «Информация "Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013 – 2015 годов)», одобр. решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 г. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

³⁷ Федеральный закон от 24.04.2020 г. №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. №17. Ст.2701; Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. №41. Ст.5700.

выводят их из правового поля, подрывая тем самым нормативные основания ответственности.

Что касается классических источников права, примечательно использование в потребительских отношениях понятия «законодательство» в отличие от ст. 5 ГК РФ не в узком – гражданско-правовом (п. 2 ст. 3 ГК РФ), а в широком смысле, и правовые обычаи, например, в электронной торговле, в интернет-пространстве, договоры и локальное правотворчество владельца агрегатора поставлены по юридической силе ниже не только федеральных законов, но и иных правовых актов: Правительство РФ с целью усиления правовых гарантий защиты прав потребителей, приобретающих товары в сети Интернет, вправе издавать для потребителя и продавца, в т. ч. владельца агрегатора, правила, обязательные при заключении и исполнении публичных договоров (договоров розничной купли-продажи, энергоснабжения, о выполнении работ и об оказании услуг (ч. 2 п. 2 ст. 1 Закона РФ от 07.02.1992 г. №2300-1 «О защите прав потребителей»³⁸).

Также применительно к системе источников отметим проблему локальных правовых актов в сфере информационных отношений. В ст.18.1 Федерального закона от 27.07.2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных»³⁹ (далее – ФЗ О персональных данных) предусмотрено, что оператор обязан принимать меры по защите персональных данных, но при этом перечень таких мер он вправе определять самостоятельно. Получается, что сам потенциальный нарушитель решает, за что он готов отвечать.

³⁸ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. №15. Ст.766; СЗ РФ. 1996. №3. Ст.140 (с изм.). Федеральный закон от 24.04.2020 г. №144-ФЗ "О внесении изменения в статью 1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей». – URL: <<http://www.pravo.gov.ru>>, 24.04.2020; СЗ РФ. 2020. №17. Ст.2722.

³⁹ Федеральный закон от 27.07.2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. №31 (1 ч.). Ст.3451 (с изм.).

В ряде случаев наличие или отсутствие соответствующего источника влияет на признание объекта в праве, как, например, в случае с цифровыми правами, включенными с 01.10.2019 г. в число имущественных прав (ст.ст.128, 141.1 ГК РФ). Среди недостатков этой новеллы мы отмечаем:

а) обусловленность «содержания и условий осуществления» соответствием правилам информационной системы, т. е. содержания – способом фиксации;

б) соответствие информационной системы установленным законом признакам.

Дело в том, что закон⁴⁰ содержит незначительный перечень обязательных требований и только к государственным и муниципальным информационным системам, в отношении иных информационных систем порядок создания и эксплуатации определяется операторами таких систем. Если отсутствует норма, признающая нечто объектом прав, то и посягательство на него, их умаление не будут квалифицироваться как правонарушение.

Во-вторых, нормы об ответственности в настоящее время условно можно разделить на две группы:

1) классические, регулирующие материально-правовые отношения вне зависимости от реальной или виртуальной их формы (например, ст. 495 ГК РФ «Предоставление покупателю информации о товаре», ст. 13.14 КоАП РФ «Разглашение информации с ограниченным доступом»);

2) учитывающие специфику именно цифровой информации, хранения, поиска и передачи информации, информационных отношений (например, ст.13.19.1 КоАП РФ «Нарушение порядка

⁴⁰ Федеральный закон от 27.07.2006 г. №149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // СЗ РФ. 2006. №31. Ст.3448 (с изм.).

размещения информации в государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»).

Статьей 17 Федерального закона от 27.07.2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴¹ (далее – ФЗ Об информации) установлены общие основания ответственности за правонарушения в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, а конкретные составы содержатся в специальных законах с определением характера ответственности: административная, гражданско-правовая, дисциплинарная, уголовная. Редкое исключение – ст.24 ФЗ О персональных данных, устанавливающая ответственность за причинение морального вреда в результате нарушения правил обработки персональных данных, т. е. гражданско-правовую ответственность.

Нигде не решается проблема соотношения норм, содержащихся в разных законах: специальные – общие – частные.

В целом, специализация соответствующих норм недостаточна.

2.1.3 Проблемы правосубъектных оснований ответственности в условиях цифровизации

Ответственность носит индивидуальный, персонифицированный характер.

Помимо классического подхода для возложения ответственности на конкретное лицо необходимо, чтобы оно обладало правосубъектностью в полном объеме, в частности, было деликтоспособно, должны быть установлены потерпевший, причинитель вреда и лицо, на которое будет возложена

⁴¹ Федеральный закон от 27.07.2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. №31. Ст.3448 (с изм.).

ответственность. Напомним о трех моделях субъектной композиции: контрагентской, когда ответственность одного контрагента наступает перед другим; трансделиктной, когда за деяния лица ответственность несет третье лицо; пресекательно-штрафной (конфискационной), когда правонарушитель отвечает за свои действия, но не перед контрагентом, а перед государством⁴².

Информация об ответственном субъекте черпается из данных, предоставляемых контрагентом, либо из общедоступных ресурсов, фиксирующих такую информацию, например, реестр ЕГРЮЛ, реестр участников ООО в Единой информационной системе нотариата. К таким ресурсам доступ публично-правовых образований неограничен, иные субъекты имеют возможность получить интересующую их информацию на платной основе. При этом логика обеспечения доступа оставляет желать лучшего.

Например, для информации из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния (ст.13.1 Федерального закона от 15.11.1997 г. №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»⁴³) устанавливается режим ограниченного доступа, а сведения о лицах, к которым применено взыскание в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения⁴⁴, являются общедоступными через Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия.

Данный реестр находится в открытом доступе на официальном сайте федеральной государственной информационной системы в области государственной службы⁴⁵.

⁴² См.: Долинская В.В. Предпринимательское право. §7.4.

⁴³ СЗ РФ. 1997. №47. Ст.5340 (с изм.).

⁴⁴ Ст.15 Федерального закона от 25.12.2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. №52 (ч.1). Ст.6228 (с изм.).

⁴⁵ П.22 Положения о реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия, утв.

При этом возникает важный вопрос о том, что входит в необходимую и достаточную информацию о субъекте. Если речь идёт о гражданах, то необходимо вести речь о персональных данных. Но формулировка п.1 ст.3 ФЗ О персональных данных порождает противоречивую судебную практику, когда к этим данным относят наряду с классическими средствами индивидуализации – имя, место жительства (фамилия, имя, отчество; адрес места регистрации и места проживания) такую информацию, как: дата и место рождения; семейное, социальное, имущественное положение; образование, профессия, доходы⁴⁶ и IP-адрес⁴⁷.

В последнем случае необходимо различать презумпцию и факт. При заключении договора на оказание услуг доступа к сети Интернет, где указываются реквизиты сторон, оператор связи назначает и закрепляет за пользовательским оборудованием IP-адрес. Но существует возможность использования чужих гаджетов, оборудования. То есть презумпция может быть опровергнута. Однако сложность доказательственной базы (в т.ч. в силу технических причин) увеличивает срок рассмотрения спора в суде.

Постановлением Правительства РФ от 05.03.2018 г. №228 // www.pravo.gov.ru, 07.03.2018 г.; СЗ РФ. 2018. №12. Ст.1678 (с изм.).

⁴⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.10.2018 г. №Ф04-4286/2018 по делу №А27-5719/2017; Постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03.04.2019 г. №Ф08-1028/2019 по делу №А53-26369/2018; от 29.05.2020 г. №Ф08-1324/2020 по делу №А53-11417/2019; Определения Московского городского суда от 29.02.2012 г. по делу №33-6709; от 17.09.2012 г. № 4г/6-7692.

⁴⁷ В пользу отнесения IP-адрес к персональным данным свидетельствуют, например: Приказ ФГУП "Почта России" от 21.02.2019 N 73-п "Об утверждении Политики по защите персональных данных клиентов – физических лиц ФГУП "Почта России" и дочерних организаций ФГУП "Почта России", зарегистрированных на территории Европейского союза"; Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 08.08.2019 г. №02АП-5517/2019 по делу №А31-3955/2019; Решение Октябрьского районного суда г.Самары от 24.09.2015 г. по делу №2-5354/2015. Против – Постановление 13-го арбитражного апелляционного суда от 01.06.2015 г. по делу №А56-75017/2014; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.04.2017 г. №18АП-2210/2017 по делу №А07-24090/2016.

Кроме того, если для гражданско-правовой ответственности допустим регрессный иск, то, как именно решать вопрос о дисциплинарной или уголовной ответственности?

Наконец, для значительного числа лиц затруднительно идентифицировать контрагента в связи с отсутствием средств дешифровизации электронной цифровой подписи.

В период постиндустриального информационного общества⁴⁸, одним из признаков которого является массовое применение персональных компьютеров и широкое распространение вычислительной техники, когда, по данным на 2019 г., около 2/3 населения земного шара владеют мобильными телефонами и свыше 55 % населения земного шара подключено к сети Интернет, цена элементарных гаджетов в России в ряде случаев сопоставима и больше ежемесячного дохода и прожиточного минимума на душу населения. Ряд государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, не говоря уж о гражданах до сих пор не оснащены средствами распознавания электронной цифровой подписи.

Обзор норм права приводит к выводу, что специфика правового статуса участников гражданского оборота в условиях цифровизации сводится к повышению требований (например, более высокий размер уставного капитала), эксклюзивности видов их деятельности (например, лиц, обеспечивающих функционирование цифровой инфраструктуры) и цифровизации информации об этих субъектах⁴⁹.

⁴⁸ См.: Алексеева И.Ю. Возникновение идеологии информационного общества // Информационное общество. 1999. №1; Bell D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., Basic Books, Inc., 1973.

⁴⁹ См.: Ст.ст.5-10 Федерального закона от 31.07.2020 г. №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <<http://www.pravo.gov.ru>>(дата обращения: 15.11.2022).; СЗ РФ. 2020. №31 (ч.1). Ст.5018; Постановление Правительства 50

Кроме того, в целях создания условий безопасности и успешной идентификации потенциально ответственных лиц, к характеристике правосубъектности относится расширяющееся по кругу лиц требование о наличии сайта и требование о раскрытии информации в сети «Интернет».

Безусловно, это влечет рост затрат и себестоимости товаров и услуг, а также требует детализации норм об ответственности за нарушение таких требований.

С другой стороны, встает угроза потери виртуальной идентичности субъекта права, когда с помощью технологии синтеза видеоизображений объединяют фотографии конкретного человека, создают его видеообраз с разными мимикой и движениями, затем осуществляют видео-имитацию действий и речи, которые человек фактически не осуществлял.

Кроме прочего определённые проблемы возникают в связи с распространением систем искусственного интеллекта.

Даже сторонники признания его квази-субъектом отдают себе отчет, что ответственность должно нести конкретное лицо, а не компьютерная программа. И здесь подходы сильно различаются: от проецирования условий об ответственности раба по римскому праву; через возложения на первоначального собственника (чего?) обязательства по страхованию рисков причинения вреда с последующим осуществлением страховых выплат в пользу пострадавшей стороны; до установления категорий лиц, несущих ответственность за причиненный вред. В последнем случае

Российской Федерации от 08.06.2018 г. №656 «О требованиях к операторам электронных площадок, операторам специализированных электронных площадок, электронным площадкам, специализированным электронным площадкам и функционированию электронных площадок, специализированных электронных площадок, подтверждении соответствия таким требованиям, об утрате юридическим лицом статуса оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки». URL: <<http://www.pravo.gov.ru>>, 19.06.2018; СЗ РФ. 2018. №26. Ст.3843 (с изм.). (дата обращения: 15.11.2022).

предлагаются такие фигуры как изобретатель (т. е. создатель), программист (лицо, осуществляющее информационное заполнение, или разработку конкретного блока, ошибка в котором могла привести к причинению вреда), собственник или третье лицо, владеющее и пользующееся на каком-либо правовом титуле или завладевшее неправомерно.

С целью применения по аналогии обращаются к правовым актам в сфере создания, использования результатов творческой (интеллектуальной) деятельности и отчуждения прав на них. Например, в п. 3 раздела 9 Закона Соединенного Королевства Великобритании 1988 г. Об авторском праве, промышленных образцах и патентах (оригинальное название значительно длиннее, известен как CDPA) установлено, что автором произведений, созданных компьютерной программой, признается лицо, предпринявшее меры по обеспечению условий для их создания. Аналогичный подход обнаруживаем в судебных решениях: например, в деле *Nova Productions v. Mazooma Games* было указано, что автором признается разработчик программы, которой впоследствии было создано произведение⁵⁰. Однако, право интеллектуальной собственности не охватывает все случаи использования ИИ и тем более причинение с его помощью/участием вреда.

Сопоставление проблем социально-экономического развития, регулирования информационных отношений⁵¹ и цифровизации приводит нас к выделению в качестве универсальных (для всех субъектов): недостаточной цифровой

⁵⁰ По: Ролинсон П., Ариевич Е.А., Ермолина Д.Е. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового режима в России и за рубежом // Закон. 2018. №5. С.63-71.

⁵¹ О них см.: Долинская В.В. Информационные отношения в гражданском обороте // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. №4.

грамотности; недостаточных обеспечения техническими средствами связи и доступности информационно-телекоммуникационных услуг; информационной безопасности; поиска баланса между законными интересами отдельных лиц, общества в целом в режимах информации, в т. ч. цифровой.

2.1.4. Проблемы юридико-фактических оснований ответственности в условиях цифровизации

Совокупность предусмотренных в правовых нормах условий, при фактическом наличии которых деликтоспособное лицо привлекается к ответственности, является юридико-фактическим основанием, и внимание исследователей обычно сконцентрировано именно на этом основании ответственности.

Несмотря на некоторые терминологические разногласия в литературе сформировалась позиция, согласно которой различают четыре элемента правонарушения:

- 1) противоправность поведения;
- 2) наличие вреда или убытков;
- 3) причинная связь между противоправным поведением нарушителя и наступившими вредоносными последствиями;
- 4) вина правонарушителя.

Два первых элемента связаны с проблемами объектов прав, умаляемых благ. Применительно к объектам мы выявили тенденции:

- 1) изменение правового режима классических объектов;
- 2) появление новых объектов прав.

Гражданский оборот ряда объектов требует подтверждения их существования и учета прав на них. Например, Единый государственный реестр недвижимости, кадастровые карты и книги

учета документов ведутся, а реестровые дела хранятся – в электронной форме⁵². Что касается ценных бумаг, записи по лицевым счетам (иным счетам), записи в учетных регистрах, записи в регистрационном журнале, записи в системе учета документов – учетные записи, должны содержаться и храниться в электронных базах данных⁵³.

В отношении нематериальных благ значима Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.2013 г. №68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век»⁵⁴. В ней подтверждается необходимость защиты прав, которыми человек обладает в оффлайн среде, также и в онлайн-среде, в т. ч. в контексте цифровой коммуникации, включая право на неприкосновенность личной жизни.

Новеллой ГК РФ является включение с 01.10.2019 г. в число имущественных прав цифровых прав (ст.ст. 128, 141.1). ФЗ Об информации содержит незначительный перечень обязательных требований к государственным и муниципальным информационным системам, в отношении иных информационных систем порядок создания и эксплуатации определяется операторами таких систем, следовательно, опять участник отношений сам определяет, за что он готов нести ответственность.

Следующим этапом явилась легализация видов цифровых прав – выпуск, учет и обращение которых связаны исключительно с базами данных и алгоритмами – в качестве цифровых финансовых

⁵² П.3 ст.7 Федерального закона от 13.07.2015 г. №218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости" // <<http://www.pravo.gov.ru>>, 14.07.2015; СЗ РФ. 2015. №29 (ч.1). Ст.4344 (с изм.).

⁵³ П.4.1. Положения Банка России от 27.12.2016 г. №572-П "О требованиях к осуществлению деятельности по ведению реестра владельцев ценных бумаг" // <<http://www.cbr.ru/>>, 20.02.2017; Вестник Банка России. 2017. №25 (с изм.).

⁵⁴ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 18.12.2013 г. [по докладу Третьего комитета (A/68/456/Add.2)] 68/167. Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век // http://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013_UN_68_167.pdf.

активов и еще дальше отстоящей от реальных объектов прав цифровой валюты⁵⁵, а также утилитарных цифровых прав и цифровых свидетельств – неэмиссионных бездокументарных ценных бумаг, не имеющих номинальной стоимости, удостоверяющих принадлежность их владельцу утилитарного цифрового права, причем последний может только требовать оказания определенных услуг, а распоряжаться им имеет обязанное лицо – депозитарий, осуществляющий учет этого права⁵⁶.

Девятый Арбитражный апелляционный суд признал криптовалюту объектом гражданских прав и отнес ее к категории иного имущества⁵⁷, но это не решает вопрос о ее природе. Легализованная цифровая валюта демонстрирует то же свойство, что и такие результаты интеллектуальной деятельности, как виртуальные объекты и виртуальные миры – имитация свойств реальных объектов и миров. В авторском видении реальности и/или в создании и использовании программ для ЭВМ можно обнаружить творческий элемент. Но это еще одна фикция в праве.

Неоднозначные тенденции мы обнаруживаем в отношении четвертого элемента – вины.

ГК РФ устанавливает ответственность информационного посредника только при наличии вины (ст.1253.1 ГК РФ). Практически такой же подход мы наблюдаем в ст.12 Закона о защите прав потребителей в отношении владельцев агрегаторов.

⁵⁵ Федеральный закон от 31.07.2020 г. №259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2022).; СЗ РФ. 2020. №31 (ч.I). Ст.5018.

⁵⁶ Ст.ст.8 и 9 Федерального закона от 02.08.2019 г. №259-ФЗ "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // <<http://www.pravo.gov.ru>>, 02.08.2019; СЗ РФ. 2019. №31. Ст.4418 (с изм.).

⁵⁷ Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017. URL: <http://ras.arbitr.ru/>.(дата обращения: 20.11.2022).

Но, во-первых, решение вопроса о том, является ли конкретное лицо информационным посредником, принимается судом с учетом характера осуществляемой таким лицом деятельности⁵⁸. А когда провайдеры платформ, разработчики контента и все пользователи играют определенную роль в нарушении авторских прав, привлечение кого-либо к ответственности становится сложной задачей⁵⁹. Во-вторых, виртуальная реальность часто нивелирует фигуры участников отношений, которые в состоянии влиять фактически, технически, юридически на конечный результат. В-третьих (и это особенно значимо применительно к т. н. искусственному интеллекту), если обычное автотранспортное средство (его «деятельность») без каких-либо способностей к самообучению и самоизменению закон квалифицирует как источник повышенной опасности и возлагает на его владельца повышенную ответственность, то почему для администраторов, владельцев, операторов и т. п. участников виртуальной, цифровой «реальности» устанавливается другой подход?

К сожалению, в сфере ответственности в условиях цифровизации больше вопросов, чем ответов. И мы можем присоединиться к выводу в тематическом докладе Комиссара Совета Европы по правам человека: вопрос об обеспечении верховенства закона в сети Интернет и в более широком цифровом мире является одним из наиболее актуальных на сегодняшний день⁶⁰.

⁵⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 г. №10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. №7.

⁵⁹ См.: Nwaneri C. Ready Lawyer One: Legal Issues in the Innovation of Virtual Reality // Harvard Journal of Law & Technology. 2017. Vol.30. P.601-627.

⁶⁰ См.: Верховенство закона в Интернете и в остальном цифровом мире: Тематический доклад, опубликованный Комиссаром Совета Европы по правам человека. Основные положения доклада и рекомендации Комиссара. URL: <https://rm.coe.int/16806da6be> (дата обращения: 20.11.2022).

2.2 Субъекты ответственности, наделённые властными полномочиями: вопросы юридической ответственности

От деятельности органов и их должностных лиц, представляющих публичную власть, зависит поступательное стабильное развитие общества, обеспечение безопасности, качества жизни населения, состояние окружающей среды и т. д. Несмотря на столь высокую значимость, проблема ответственности этой категории субъектов является практически не исследованной, поскольку дискуссии ведутся в рамках традиционных представлений – обосновывается необходимость законодательного введения новых норм, видов, санкций, оснований негативной юридической ответственности⁶¹. Такой подход не учитывает многих обстоятельств, содержит спорные положения.

Запреты совершения должностных преступлений субъектами, представляющими публичную власть, устанавливались с незапамятных времен, прежде всего в уголовно-правовом аспекте.

Так, в дореволюционной России понятие «должность» включало полномочия власти, по сути рассматривалось в качестве статусной характеристики правосубъектности чиновников, определяющей правовые условия их привлечения к ответственности и специфику наказания за совершение должностных правонарушений. Следует отметить, что легальной дефиниции должности тогда еще в законодательстве не было, поэтому довольно сложно было квалифицировать по своей направленности личные и должностные противоправные деяния чиновников. В научной литературе на этот счет справедливо отмечается, что правовые основы ответственности должностных

⁶¹ Чалых, И. С., Леонтьев, С. О. Юридическая ответственность депутатов Государственной Думы за нарушение процедуры голосования / И. С. Чалых, С. О. Леонтьев // Современное право. – 2018. – № 1. – С. 34–39.

лиц были довольно слабо проработаны в законодательстве Российской Империи, а зависимость от произвола начальствующих лиц служила основным фактором неудач государства в стремлении исправить ситуацию и усовершенствовать институт ответственности должностных лиц⁶².

В законодательстве советского периода первоначально круг должностных лиц был значительно расширен, так как их статус определялся не наделением властных полномочий или функций, а выполнением общегосударственных задач, чем занимались многочисленные учреждения и организации, в том числе коммерческие. В середине 30-х годов XX века стал применяться функциональный критерий, в соответствии с которым природа полномочий должностного лица определялась функциями административно-хозяйственного или оперативно-распорядительного характера⁶³, что закономерно привело в правовом регулировании к сужению круга лиц, признаваемых должностными.

В 1960 году разработчики УК РСФСР определили признаки должностного лица через полномочия и функции (организационно-распорядительные, административно-хозяйственные, властные), что было впоследствии воспринято и в УК РФ 1996 г. Но не был снят вопрос о неоднозначности понятия должностного лица, решить который попыталась судебная практика на уровне Пленума Верховного Суда РФ от 30 марта 1990 года №4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебными

⁶² Гущева Н.В. Ответственность чиновников за должностные проступки и преступления по русскому дореволюционному законодательству в XIX-начале XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве/Н.В. Гущева. – Нижний Новгород, 2006. – С. 10.

⁶³ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27 марта 1935 года «О судебной репрессии в отношении должностных лиц на селе»//Электронный ресурс: режим доступа: <http://istmat.info/node/40363>. Дата обращения: 25.07.2022 г.

полномочиями, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге»⁶⁴. Главная тенденция 90-х гг. XX века – начала 20-х гг. XXI века заключалась в том, что понятие «должностное лицо» постепенно стало ограничиваться, охватывать собой только тех субъектов, которые непосредственно участвовали в государственном (публичном) управлении (осуществляли государственную, муниципальную власть, находились на государственной, в том числе и воинской, муниципальной службе).

Вместе с тем, сегодня дискуссии по понятию «должностное лицо» продолжаются, предметом споров выступают признаки, функции, полномочия, расширение оснований привлечения к ответственности и круга субъектов. Законодатель также постоянно вносит изменения, расширяя основания ответственности и круг должностных лиц, которые могут быть привлечены к юридической ответственности.

Так, например, в статью 2.4. «Административная ответственность должностных лиц» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2022)⁶⁵ изменения вносились 22 раза, значительно расширились основания привлечения к административной ответственности и перечень субъектов. Например, субъектами административной ответственности как должностные лица выступают арбитражные управляющие, члены советов директоров (наблюдательных советов), коллегиальных исполнительных органов (правлений, дирекций), счетных

⁶⁴ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 года №4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге»//Электронный ресурс: режим доступа: <http://ппвс.пф/1990-postanovlenie-plenuma-vs-rf.html>. Дата обращения: 25.07.2022 г.

⁶⁵ Примечание к ст. 2.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.11.2022)

комиссий, физические лица, являющиеся учредителями (участниками) юридических лиц и т. д.⁶⁶

Не остается в стороне от подобных динамических корректировок и уголовное законодательство, хотя и в гораздо меньших масштабах, чем административное. Так, например, в соответствии с примечанием 1 ст. 285 УК РФ в редакции 2016 года должностные лица определялись как лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти, либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации⁶⁷. В редакции от 24 сентября 2022 г. текст статьи претерпел изменения, в частности в том, что понятие должностного лица уже распространяется и на лиц, осуществляющих соответствующие функции (представителя власти, организационно-распорядительные, административно-хозяйственные) в

⁶⁶ В ред. Федеральных законов от 09.02.2009 № 9-ФЗ, от 17.07.2009 № 160-ФЗ, от 08.05.2010 № 83-ФЗ, от 28.06.2013 № 134-ФЗ, от 02.12.2013 № 326-ФЗ, от 21.12.2013 № 363-ФЗ, от 21.12.2013 № 375-ФЗ, от 28.12.2013 № 396-ФЗ, от 05.05.2014 № 122-ФЗ, от 21.07.2014 № 255-ФЗ, от 30.03.2015 № 67-ФЗ, от 05.10.2015 № 275-ФЗ, от 03.11.2015 № 307-ФЗ, от 28.11.2015 № 344-ФЗ, от 03.07.2016 № 231-ФЗ, от 03.07.2016 № 372-ФЗ, от 28.05.2017 № 100-ФЗ, от 26.07.2017 № 189-ФЗ, от 14.11.2017 № 325-ФЗ, от 27.12.2018 № 510-ФЗ, от 06.02.2019 № 7-ФЗ, от 05.04.2021 № 76-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 05.11.2022).

⁶⁷ Примечание 1 к ст. 285 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СПС Консультант Плюс. Дата обращения: 24.07.2022 г.

государственных внебюджетных фондах, публично-правовых компаниях.

Таким образом, государственная политика в отношении субъектов, обладающих статусом должностных лиц и привлечения их к юридической ответственности меняется. Во многом это связано с тем, что государство не дистанцируется от решения хозяйственных задач в сфере предпринимательства и корпоративного управления, а наоборот всячески расширяет сферу публичного управления и, как следствие, раздвигает границы применения механизмов правового принуждения и контроля в отношении более широкого круга уполномоченных субъектов права.

Признавая все многообразие мнений по поводу должностного лица, отметим, что логично, на наш взгляд, придерживаться позиции, в соответствии с которой должностными лицами следует признавать лишь те категории людей, которые непосредственно осуществляют властные полномочия в государственном и муниципальном управлении. В противном случае государство будет неоправданно вмешиваться в сферы предпринимательства и корпоративного управления, которые не могут развиваться без определенной достаточной зоны свободы.

Вместе с тем, с одной стороны, не все государственные и муниципальные служащие являются должностными лицами, но при этом выступают субъектами, представляющими публичную власть, с другой – круг субъектов, осуществляющих властные полномочия, стремительно расширяется, так как государство передает часть своих полномочий, в том числе и в корпоративную среду (лицензирование, регулирование).

Иными словами, в относительно привычный круг субъектов публичной власти, состоящий из ее органов и их должностных лиц, в процессе реализации государственной политики делегирования

публично-властных полномочий вливаются их новые носители, правосубъектная природа которых (коммерческие банки, саморегулируемые организации, корпорации, владеющие цифровыми платформами и др.) значительно отличается от классических структурных властных коллективных и индивидуальных субъектов государственного (муниципального) аппарата. Очевидно, что данная проблематика объективно порождает необходимость ее теоретико-правового осмысления и выработки соответствующих подходов к исследованию ответственности, рассматриваемых субъектов. Поэтому приобретает значение общее понимание сущности юридической ответственности, что требует анализа и обобщения различных позиций с целью определения базовых характеристик.

Юридическая ответственность – самое эффективное и действенное средство государственного управления, поэтому вопросам выявления ее признаков, принципов, сущности посвящено немало работ. Так, одни авторы на основе существующих определений пытаются сконструировать свое собственное, включив как можно больше признаков, другие опровергают все известные определения, констатируют невозможность найти общие знаменатели, третьи пытаются выйти за пределы позитивизма и рассматривать юридическую ответственность в более широком плане⁶⁸.

Следует отметить, что эти тенденции в научном дискурсе одновременно носят как негативный, так и позитивный характер: с одной стороны, ставятся под сомнения традиционные понятия, деструктивное воздействие оказывается на комплексное восприятие

⁶⁸ См., например: Геворгян, Карен Микаелович. Принцип целесообразности в механизме реализации юридической ответственности: Автореф диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Геворгян Карен Микаелович; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. – Самара, 2012. – С. 9-27.

права, его системности, что отрицательно влияет на законодательную и правоприменительную деятельность, с другой – мотивируется выявление новых признаков и формулирование общих дефиниций. В основе этого лежит диалектическое понимание того факта корреляции, что насколько эффективно нормативно смоделирована и применяется юридическая ответственность в управлении, настолько удачны и плодотворны могут быть осуществляемые реформы в стране.

Сегодня трудности в понимании юридической ответственности просматриваются не только в соотношении с другими правовыми явлениями, например, с государственным принуждением, санкциями, но и в контексте позитивной юридической ответственности. Так, предпринимаются попытки сформулировать единое универсальное определение, используя концепции ретроспективной (негативной) и перспективной (позитивной) ответственности. Но в целом доминируют два направления, в рамках которых юридическая ответственность как понятие трактуется по смысловому объему узко либо широко.

В первом случае ученые рассматривают юридическую ответственность в ретроспективном ракурсе через призму таких понятий как правонарушение, противоправное поведение, наказание, государственное принуждение, соответственно при таком подходе правомерное поведение не принимается во внимание в качестве составляющего элемента ответственности. Однако нет и единого определения ретроспективной (негативной) ответственности, что во многом связано с отсутствием единого мнения в отношении ее основного родового признака. Представители широкого подхода трактуют юридическую ответственность как правовое явление, включающее и негативный аспект, и позитивный аспект, связанный с активными

правомерными действиями, предполагающий сознательное, ответственное отношение индивидов к своим поступкам, чувство долга и т. д. Иными словами, суть юридической ответственности понимается не в государственном принуждении и наказании, а в обеспечении должного поведения физических, юридических лиц, а также других субъектов права.

Широкое понимание юридической ответственности соответствует ее восприятию как вида социальной ответственности, что отражает действительность и позволяет считать приемлемым рассматривать юридическую ответственность как ретроспективную и перспективную. Однако следует учитывать, что, во-первых, ответственность, закрепленная в законодательстве в большинстве случаев, носит ретроспективный характер, во-вторых, несмотря на то, что в исследовании перспективной (позитивной) ответственности учеными пройден еще сравнительно небольшой путь ее теоретического осмысления, а практическая реализация ее в правовом регулировании общественных отношений пока не носит системного характера, необходимо переработать существующий понятийный аппарат прямо или косвенно, касающийся этого аспекта ответственности, например, исследовать вопросы, связанные с правомерным поведением⁶⁹ и определенные шаги в этом направлении предпринимаются. Например, Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ в ГК РФ введена статья 16.1. «Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления». В данном случае не идет речь о негативной юридической ответственности, потому что право на компенсацию возникает вследствие совершения правомерных действий, а целью выступает

⁶⁹ Теория государства и права: учебник для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – С. 523-524.

не наказание, а возмещение ущерба, т. е. превалирует восстановительная функция права.

Следует отметить, что в целом разработка вопросов юридической ответственности идет в контексте споров о позитивной юридической ответственности. Факт существования последней обосновывается многими авторами, среди них: Н.В. Витрук, Т.Д. Зражевская, В.Н. Кудрявцев, Д.А. Липинский, Н.И. Матузов, П.Е. Недбайло, Т.Н. Радько, Р.Л. Хачатуров и др.

Ее отличительные признаки – носит постоянный, добровольный характер; значение имеет психическое отношение лица к содеянному в соответствии с долгом, моралью, совестью; основывается на ответственном (сознательном) отношении лиц к праву и закону, долженствовании поступать правомерно; обеспечивает будущее правомерное поведение субъектов права; детерминирована правосознанием субъекта права; проявляется в поощрительных (позитивно мотивирующих, стимулирующих) последствиях (санкциях) активного или сверхактивного правомерного поведения. Иными словами, позитивная юридическая ответственность сближается с социальной ответственностью, выступая формой правомерного поведения, отражая моральные ценности и их реализацию⁷⁰.

В таком контексте позитивную юридическую ответственность довольно трудно идентифицировать, так как, во-первых, ее объективно сложно выявить, поскольку возможностей использования лишь правовых средств недостаточно, чтобы регламентировать составляющие ее автономности-гетерономности в поведении субъектов, во-вторых, отграничить от правомерного поведения, форм реализации права, в-третьих, установить и

⁷⁰ См.: Липинский Д.А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. – №6. – 2014. – С. 37-51.

формализовать основания возникновения, так как осознание долга, мораль, добросовестность не являются юридическими фактами.

Несмотря на отмеченные недостатки, можно согласиться с тем, что позитивная юридическая ответственность субъектов, наделенных властными полномочиями, имеет под собой именно моральную основу, что сегодня наглядно проявляется, например, в принятии различных этических кодексов, стандартов поведения.

В то же время мораль – явление сложное и многогранное. Так, есть три основные семантические трактовки слова «мораль»:

- 1) совокупность правил поведения людей по отношению друг к другу и к социуму; нравственность;
- 2) нравственный вывод из чего-либо;
- 3) наставление, нравоучение, принцип для воли, совести человека⁷¹.

В философском этическом ракурсе мораль представляется как:

- 1) особый вид упорядочения отношений людей, направленный на их гуманизацию;
- 2) сочетание принятых в том или ином обществе правил поведения, общения⁷²;
- 3) особая форма социального сознания, регулирующая поведение человека – нравственную деятельность⁷³.

Самой природой общественного регулирования детерминировано, что право и мораль функционируют в тесном взаимодействии. По нашему мнению, в тех государственно-правовых системах, где такое взаимодействие максимально гармонизировано, где деятельность государственного аппарата

⁷¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка/под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., срететип. М., 1989. С. 291-292; Большой толковый словарь русского языка/сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2003. С. 556; Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1998. Т. 2. – С. 345.

⁷² Новейший философский словарь. 3-е изд., исправл. – Мн., 2003. – С. 390.

⁷³ Философский словарь. – М., 1983. – С. 454.

базируется не только на правовой, но и на моральной основе, обеспечение правопорядка и законности намного эффективнее. Сказанное в полной мере относится к правомерному и ответственному поведению индивидов, представляющих органы государственной (публичной) власти.

К сожалению, реалии российской действительности показывают, что субъекты, наделенные властными полномочиями, чаще видят в основе своей деятельности, в том числе и ответственности, юридические, а не моральные положения. Например, должностные лица органов публичной власти нередко забывают, что они как представители народа, олицетворяют государственную власть. Зачастую властный должностной статус субъекта, его гарантии воспринимаются как привилегированное средство защиты, прикрытие от законных требований компетентных правоохранительных органов. Такой подход очень негативно сказывается на общей легитимности государственной власти, значительно снижает авторитет ее субъектов и этическую основу публичного управления. Поэтому, представляется, что деятельность всех субъектов, обладающих властными полномочиями, остро нуждается в единой духовной и нравственной основе.

На фоне заявлений о декларативном характере ответственности органов и должностных лиц публичной власти, призывов установить реальную ответственность для всего «служивого люда», трансформировать статус чиновников из «привилегированного» в действительно «обслуживающий» гражданское общество и личность, ретроспективная (негативная) ответственность приобретает особое значение, так как она выступает стрелом современного законодательства, обеспечивает реализацию правовых норм. Попытки сформулировать ее понятие сводятся к дискуссиям относительно признаков – можно ли

выделить такие родовые признаки, которые носили бы универсальный характер. Разрешить этот вопрос не так просто.

Во-первых, отраслевой критерий классификации юридической ответственности, учитывающий предмет и метод правового регулирования остается основным, что обеспечивает ее связь с системой права и системой законодательства. Но отраслевая классификация может как совпадать с отраслевой структурой права, так и не совпадать, видов юридической ответственности может быть меньше или больше, чем отраслей права (О.Э. Лейст, А.Г. Мартиросян и др.).

Во-вторых, еще в литературе советского периода в трудах С.С. Алексеева, С.Н. Братуся, С.В. Курылева и др. отстаивался тезис о специфике различных видов юридической ответственности, подчеркивались важные отличия дисциплинарной, административной, уголовной ответственности от гражданской ответственности как по функциям, так и по порядку реализации, основаниям нормативного, фактического, правоприменительного характера. Подмечалось, что свойства ответственности карательной (штрафной) направленности, преобладающие в административном и уголовном праве, нецелесообразно экстраполировать на социальные отношения, регулируемые трудовым, гражданским, семейным правом.

Следует отметить, что сегодня ситуация в этой части усугубилась. Система российского права отличается неустойчивостью, идет ее обновление, подчеркивается неприемлемость единой теоретической объяснительной модели для уголовного и гражданского права⁷⁴, что сводит усилия по поиску

⁷⁴ Параскевова Светлана Андреевна. Понятие и социальная сущность гражданского правонарушения: теоретические проблемы: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Параскевова Светлана Андреевна; [Место защиты: Рос. акад. правосудия]. – Москва, 2006. – С. 5.

единого определения или родовых признаков юридической ответственности на нет, делается вывод, что либо неверно определение юридической ответственности в целом, либо то явление, которое обозначается термином «гражданско-правовая ответственность», не является ответственностью⁷⁵. Например, обращается внимание, что ряд родовых признаков юридической ответственности применительно к гражданско-правовому ее виду в определенной степени редуцируются или вовсе исчезают (отрицательные последствия, принудительность). Так, например, ответственность владельца источника повышенной опасности допускается без учета его вины, что стирает грани персонализации осуждения поступка (поведения) и расширяет границы объективного вменения. Или добровольность уплаты убытков, неустойки отводит фактор принудительность взыскания на второй план.

Полагаем, что пока в условиях отсутствия общепризнанной универсальной методологически выверенной концепции ответственности целесообразно выделить следующие наиболее часто встречающихся и широко распространенных в различных исследованиях признаков ретроспективной юридической ответственности в качестве родовых, единых для всех ее видов: основанием возникновения выступает правонарушение или причиненный вред; реализуется в рамках охранительного правоотношения, в котором правонарушитель выступает обязанной стороной; заключается в принуждении или возможности принуждения.

Основная проблема понимания ответственности субъектов, наделенных властными полномочиями, заключается в том, что доминирует направление, представители которого пытаются до

⁷⁵ Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М., 2008. – С. 868

неограниченных пределов расширить в этой сфере юридическую ответственность с помощью введения новых видов ответственности или признание приоритета конституционной ответственности.

Первый аспект четко проявляется в исследованиях, обосновывающих разработку новых видов ответственности в связи с увеличением количества оснований ответственности, ее мер и форм, реализуемых в сфере правового регулирования деятельности органов публичной власти и их должностных лиц. Например, введено понятие управленческой ответственности, природа которой имеет позитивную направленность, выделены три ее формы: конституционная, функциональная, персональная⁷⁶. Представлено понятие позитивной ответственности, включающее: конституционную ответственность как обязанность отчета субъекта права перед соответствующим органом; функциональную ответственность как определение круга общественно важных дел, относящихся к компетенции органа, наделение его полномочиями, достаточными для достижения этих целей; персональную ответственность как строгую определенность круга дел сотрудника, порученных ему заданий, операций⁷⁷.

Полагаем, что выделение управленческой ответственности и вышеизложенное понимание позитивной ответственности, несмотря на серьезное обоснование такой необходимости, в силу ряда обстоятельств не представляется возможным отнести к числу достаточно выверенных предложений:

– управленческая работа является творческой, связана с рисками, ее надлежащее исполнение невозможно обеспечить под страхом наказания, так как он неизбежно сковывает инициативу;

⁷⁶ Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. – М., 1981. – С. 230–233.

⁷⁷ Комаров С.А., Чепус А.В. Позитивная юридическая ответственность: проблемы классификации // Юридическая мысль. – 2015. – № 5 (91). С. 35-42.

– в государственном управлении эффективность института ответственности определяется не введением новых видов и форм ответственности, а наличием реальных механизмов, обеспечивающих его реализацию не только в интересах органов государственной власти, но и всего общества в целом;

– в той или иной мере управление присутствует во всех сферах социальной жизни, а не только в государственных органах, сегодня – это общая технология, которая выводит социум, различные сферы общественной деятельности на новый уровень развития;

– многие развитые государства заимствуют корпоративные модели управления, так как по эффективности традиционные механизмы государственного управления уступают развитым формам менеджмента в частных корпорациях.

Кроме того, в научной литературе нередко встречаются попытки обоснования необходимости введения в научный оборот публично-правовой и частноправовой ответственности на основании их различий по субъектам, целям, функциям, основаниям, принципам и т. д. При этом основное значение придается публично-правовой ответственности, которая проявляется в том, что в содержание ее оснований включаются правовые, моральные и политические нормы; субъекты ответственности несут ее перед основными источниками публичной власти – народом, гражданином, населением; распространяется на отношения, регулируемые административным, конституционным, экологическим, финансовым и иными отраслями права, посредством которых определяются и регулируются предметы ведения и полномочия законодательных (представительных) и исполнительных органов публичной власти, их взаимоотношений с

надзорными и судебными органами в ходе реализации задач и функций государственной власти и т. д.⁷⁸

На наш взгляд, представленное разграничение моделей публично-правовой и частноправовой ответственности не выглядит убедительным:

– сторонники классификации ответственности на частно-правовую и публично-правовую исходят из идеи размежевания публичных и частных интересов, деления права на частное и публичное, однако подчас установить строгие критерии этого крайне затруднительно; в том числе некоторые отрасли достаточно условно можно отнести к частноправовым⁷⁹, например, основная составляющая частного права – гражданское право защищает не только частные, но и публичные интересы, в результате частноправовые аспекты тесно переплетаются с публично-правовыми и т. д.;

– выделение частноправовой ответственности в чистом виде вряд ли возможно даже теоретически, так как юридическая ответственность во всем своем общем и особенном многообразии определяется не индивидуальными правилами частных лиц, а нормами права и в конечном счете обеспечивается механизмами государственного (публичного) принуждения в установленных правовых пределах, что, следовательно, позволяет предположить,

⁷⁸ См.: Умнова И.А. Конституционные законы современного российского федерализма. М., 1998. С. 219–224.; Савин В.Н. Ответственность государственной власти перед обществом // Государство и право. 2000. № 12. С. 66; Авдеенкова М.П. Конституционно-правовые санкции и конституционная ответственность // Государство и право. – 2005.-№7. – С. 85. С. 85-89; Прокопович Г. А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. 12.00.01 – М., 2010. – С. 14.

⁷⁹ Например, в трудовом праве частноправовое начало имеет место до момента издания приказа работодателем о приеме на работу, после чего взаимоотношения работодателя и работника трудно назвать равноправными.

что все виды юридической ответственности так или иначе носят публично-правовой характер;

– системе юридической ответственности по природе свойственно скорее наличие не комбинированной межотраслевой ответственности, а отраслевой ответственности, реалистичность которой многократно подтверждается теорией и практикой существующего правового регулирования общественных отношений; при этом каждая из отраслей характеризуется собственным набором средств принудительного воздействия⁸⁰.

Критического осмысления, на наш взгляд, также заслуживает утверждение, что главенствующая роль в ответственности органов публичной власти и их должностных лиц принадлежит конституционно-правовой ответственности, которая определяет правила применения к субъектам, обладающим властными полномочиями, мер иных видов юридической ответственности – административной, уголовной, дисциплинарной, гражданско-правовой. Сторонники данной позиции полагают, что конституционно-правовая ответственность является ключевой формой юридической ответственности для органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц, позволяющая основательно определять меры ответственности как для коллективных субъектов, так и индивидуальных субъектов власти; именно в ее рамках осуществляются и конкретизируются положения других видов юридической ответственности в рассматриваемой сфере: административной, уголовной, дисциплинарной, гражданско-правовой⁸¹.

⁸⁰ См.: Рунец С.В. Публично-правовая ответственность // Бизнес в законе. – №3. – 2010. – С.11-12.

⁸¹ Кушхова Б. З. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект. Автореф. дисс. канд. юрид. н. 12.00.01. Краснодар, 2009. – С. 4.

Представляется, что такой подход не выдерживает критики из-за четко обозначенного приоритета конституционно-правовой ответственности над остальными видами юридической ответственности. Следует подчеркнуть, что система права – это не иерархически выстроенная пирамида отраслей, ее не стоит путать с системой законодательства; диалектика социального регулирования априори и апостериори позволяет понять, что частное право должно быть равным публичному, а не производным от него. Например, в плане реализации идеи правового государства велика роль материальной (имущественной) ответственности, которая своими межотраслевыми связями в той или иной степени консолидирует разнообразнейшие правовые явления. Так, возмещение вреда, причинённого действиями должностных лиц, затрагивает и конституционные, и гражданско-правовые, и бюджетные, и процессуальные аспекты. На конституционном уровне устанавливаются и закрепляются базовые принципы, идеи, в силу чего нормы имеют во многом общий, абстрактный характер, постулируются основы государственного строя, общественно-политические институты и принципы их взаимодействия, практическая реализация которых невозможна без отраслевой, межотраслевой специфики норм ответственности, прежде всего материальной, выступающей важным механизмом претворения в жизнь идеалов правового государства.

Таким образом, признавая значение конституционно-правовой ответственности, все же следует сказать, что в правоприменительном процессе основную роль играет отраслевое законодательство, конституционные принципы, нормы учитываются, иногда применяются в силу их прямого действия, но не более того. Сегодня систему права не стоит представлять в виде пирамиды отраслей, на вершине которой находится

конституционное право, так, с позиции деления права на публичное и частное, система права определяет частное право равным публичному, а не производным от него.

Вместе с тем, следует отметить, что собственно отраслевой потенциал конституционно-правовой ответственности далеко еще не раскрыт ни в теории, ни на практике. Пристального внимания, на наш взгляд, заслуживают вопросы делегирования ответственности в случае передачи значимых публично-властных полномочий, проблемы регулирования роспуска органов, отрешения от должности выборных должностных лиц или их отзыва. Так, например, институт отзыва выборного должностного лица сильно ограничен в рамках действующего конституционно-правового законодательства, в результате, существуя, что называется «на бумаге», на практике он фактически не реализуется, а в ведь эта особая мера ответственности берет свое начало из прямого народовластия и в комплексе с другими ее формами могла бы позитивно использоваться в целях дальнейшего развития гражданского общества и правового государства.

В целом, на наш взгляд, количество выделяемых видов юридической ответственности и так превышает разумные пределы; наличие комбинированной ответственности противоречит природе юридической ответственности, которая имеет ярко выраженный отраслевой характер, а также организационные механизмы ее реализации; недопустимо произвольное деление на формы и виды, внесистемное введение новых форм и видов, подмена, смешение критериев отграничения одних форм и видов от других, приоритет того или иного вида юридической ответственности.

В том числе опасно введение новых норм и видов юридической ответственности без учета сложившихся реалий, потребностей и интересов государства и общества, просчета

обеспеченности материальными, организационными, людскими и иными ресурсами, соразмерности объема прав, обязанностей, ответственности и т. д. Например, государственные служащие – это специальные субъекты права, их правовой статус (права, обязанности, ответственность) дополняется стимулами и ограничениями. Как правило, для этой категории введение новых норм или видов ответственности связано с установлением ограничений в реализации прав и свобод человека и гражданина, что должно уравниваться стимулами (поощрениями). В целом, правовое положение всех субъектов права требует сбалансированности применения правовых средств, носители властных полномочий не исключение. Преобладание ограничений без стимулов делает малопривлекательным их статус, преобладание же стимулов ведет к обесцениванию социального значения их деятельности.

Бездумное, внесистемное конструирование новых норм и видов ответственности может приводить к рассогласованности системы права и системы законодательства. В частности, таким образом сегодня формируется законодательство, регламентирующее привлечение к ответственности за совершение антикоррупционных правонарушений, что порождает правовую неопределенность, трудности в правоприменении, сложности, связанные с увольнением государственных служащих с государственной службы и т. д.

Как следствие противодействие коррупции тормозится, успехи носят лишь локальный характер. Увеличение количества составов антикоррупционных правонарушений, внедрение большого числа требований, запретов и ограничений, закрепленных в законодательстве в целях противодействия коррупции, за невыполнение и несоблюдение которых наступает дисциплинарная

ответственность вплоть до увольнения, с одной стороны, очевидно, должно быть позитивно воспринято, а с другой – не менее очевидное понимание того, сколь много ресурсов и усилий (организационных, кадровых, финансовых) требуется в масштабах всего государственного аппарата для установления всех малозначительных дисциплинарных проступков, совершенных государственными служащими и процедурного реагирования на них. В условиях недостаточности четкого разграничения коррупционных правонарушений по степени вредности их последствий, непроработанности механизмов дифференциации самих правонарушителей, противодействие коррупции при таком подходе может свестись к расследованию многочисленных незначительных дел и профанации идей обеспечения законности и правопорядка.

Полагаем, что в научных целях возможно выделение новых направлений исследования феномена ответственности. В частности, несмотря на стремление создать четкую, непротиворечивую систему права, эта проблема далека от своего разрешения, развитие общественных отношений влечет появление новых отраслей права и законодательных норм, в том числе, регламентирующих ответственность. Но юридическое закрепление ответственности должно быть увязано с системными свойствами права и законодательства. Сама ответственность как структурная составляющая правовой нормы обладает системными свойствами. Понимание и учет этих свойств требуют детальной проработки взаимосвязей и комплексности подхода в правотворческой деятельности по принятию новых норм, регулирующих вопросы юридической ответственности, т. е. в том числе качественного предварительного, текущего и последующего правового мониторинга, рассматриваемых отношений, что позволит избежать

коллизий норм права, поможет своевременно понять необходимость внесения изменений и дополнений и т. п., что существенно повышает требования к организации правотворческого процесса в целом. Следует учитывать, что правоприменительный способ правового воздействия на общественные отношения продолжает нормативную дифференциацию их регулирования, проводит ее в рамках применяемых норм и в соответствии с индивидуальными особенностями каждой конкретной ситуации⁸². Внимание к вопросам системности свойств ответственности в правоприменительной деятельности раскрывает возможности оперативного и грамотного поиска справедливой и эффективной реализации норм права, регулирующих ответственность рассматриваемых субъектов.

Общие представления о юридической ответственности субъектов, наделенных властными полномочиями, должны формироваться в структуре взаимосвязей:

- а) понятия и сущности права;
- б) системы права и системы законодательства;
- в) нормы права и правоотношения;
- г) прав и обязанностей.

А) Нормативное понимание права самое пригодное для отражения роли и места ретроспективной (негативной) ответственности – есть общие установленные правила, принятые в надлежащем порядке, которыми следуют руководствоваться, в случае их нарушения применяются фиксированные средства принуждения. Чтобы ответственность не представлялась в виде самодовлеющей позитивистской конструкции как следствие возведенной в закон господствующей воли, законодатель при

⁸² Дюрюгин И.Я. Право и управление. – М.: Юрид. лит., 1981. – С. 94.

осуществлении правотворческой деятельности должен исследовать различные социальные факторы, выявлять и учитывать многообразные интересы, системные взаимосвязи, руководствоваться принципами справедливости, научности, законности и т. д.⁸³

Сущность ответственности – это сущность самого права⁸⁴. Основную причину многочисленных споров вокруг определения ответственности следует искать в особенностях права, которое, с одной стороны, упорядочивает разные позитивные и конфликтные общественные отношения, с другой – выступает их единой формой. Различия во взглядах в значительной степени определяются тем, какая из этих черт рассматривается⁸⁵. Так, предметом регулирования ретроспективной юридической ответственности выступают конфликтные общественные отношения, анализируя охранительные нормы, исследователи недооценивают значение регулятивных правовых предписаний.

Б) Институт юридической ответственности все чаще оценивается как критерий деления права на отрасли, подвергается систематизации, что приемлемо при научных изысканиях⁸⁶. Однако при всей значимости он должен быть встроен в систему права и систему законодательства. Оптимальным можно считать положение, когда система законодательства находится в точном соответствии с системой права, что позволяет по предмету и методу правового регулирования установить отраслевую

⁸³ См., подробнее: Керимов Д.А. Культура и техника правотворчества. – М. 1991. – С. 23.

⁸⁴ Булатов, А. С. Юридическая ответственность и правообразовательный процесс /А. С. Булатов. //Правоведение. – 1985. – № 2. – С. 61. С. 57 – 61

⁸⁵ Сабо И. Основы теории права. – М., 1970. – С. 71

⁸⁶ См., например: Кожевников О. А. Юридическая ответственность в системе права: Автореф. дисс. к.ю.н. 12.00.01 – Саратов, 2003. – 20 с.

принадлежность, определить меры и формы ответственности для соответствующей однородной группы общественных отношений.

Исследователи и законодатель, предлагая новые нормативные конструкции юридической ответственности, должны четко представлять, каким образом они будут интегрированы в системы, есть ли соответствующая объективная необходимость, не приведет ли их введение к рассогласованности норм и т. д. Как излишнее количество, так и недостаток норм ответственности могут приводить к негативным последствиям.

В) Сущность юридической ответственности логично изучать с помощью конструкции правоотношения как связь «право-обязанность», что воплощает и реализовывает социальное назначение права как регулятора общественной жизни. Правоотношение надо рассматривать в единстве с правовой нормой, как форму реализации правовой нормы, синтез нормы права и общественного отношения, которое подвержено воздействию права⁸⁷.

Принято выделять регулятивные и охранительные правоотношения. Регулятивное правоотношение реализуется, если интерес управомоченного удовлетворяется исполнением обязанности, если нет, то регулятивное правоотношение «парализуется», «замораживается» либо уничтожается, на смену приходит охранительное правоотношение, в котором возможно принудительное осуществление права⁸⁸. Следует отметить, что юридическая ответственность выступает элементом любого правоотношения, так как является гарантией исполнения

⁸⁷ Кечекьян С.Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 22.; Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М: Юрид. лит., 1974. – С. 40.

⁸⁸ Мотовиловкер Е.Я. Основное разделение охранительных правоотношений // Вопросы теории охранительных правоотношений. – Ярославль, 1991. – С. 25.

юридической обязанности, а осуществление ответственности имеет ретроспективный характер, так как она реализуется после наступления факта правонарушения в рамках специального охранительного правоотношения.

Г) Ответственность выступает в качестве условия, обеспечивающего единство реализации взаимосвязи «право-обязанность». При этом ответственность не тождественна способу закрепления обязанности⁸⁹. Ответственность связана с санкцией, мерой принуждения, последствием нарушения права, а обязанность определяется диспозицией нормы права, ее регулятивной юридической природы.

«Право-обязанность-ответственность» – это устойчивая взаимосвязь логического отображения правовой действительности и суть права, это краткая логическая модель регулятивного механизма права. Ответственность имманентно коррелирует с обязанностью в логической модели общеобязательного правила поведения. Ее предназначение – обеспечение исполнения обязанности⁹⁰.

Современные тенденции понимания ответственности, в том числе в юридической сфере, направлены на изучение особенностей субъекта. Большинство авторов сходятся во мнении, что ответственность присуща субъекту деятельного поведения, находит отражение в социальном взаимодействии. Условно можно выделить несколько направлений.

Первое направление подчеркивает важность субъективной стороны ответственности (способности, умений, ощущений,

⁸⁹ Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: Монография. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – С. 172.

⁹⁰ Маркин А.В. Ответственность и обязанность в структуре нормы права // Вектор науки ТГУ. – № 3(13), – 2010. – С. 258.

качеств, готовности, формы), ответственность проявляется в виде сознательного волевого контроля, активности при выполнении определенной деятельности, в способности отвечать за результаты этой деятельности.

Второе направление развивает первое, сосредоточено на осознанности поведения человека, его способности воспринимать себя как творца, оценке самого себя как причины происходящих с ним изменений. Учитывается, что человек проявляет себя в мире, исходя из своих собственных представлений, поэтому важно определить как человек воспринимает, интерпретирует окружающий мир, насколько он хочет влиять на него, в какой степени он готов брать ответственность на себя, осознать последствия своих совершенных и не совершенных действий.

Третье направление занимается изучением проявления объективной стороны ответственности: активности человека во взаимодействии с другими людьми, определением параметров оценки его деятельности в социальной системе, путей возложения ответственности на человека, разрешая вопросы об обязательствах, формах контроля, моральных принципах, правовых норм и т. д. Таким образом, во всех случаях ответственность рассматривается с точки зрения субъекта, его поведенческой составляющей, проявляется во внешних и внутренних изменениях непосредственно человека или при его контакте со средой. Таким образом, проблемы субъекта выходят на первый план, основная идея ответственности о необходимости соответствовать нормам и правилам, избегании наказания извне (нормативная сторона) отходит на второй план.

Социум в условиях государственной организации приобретает дополнительные черты упорядоченности как общественного организма. Усложнение связей, структур, состава активных

участников общественных отношений не может не влиять на развитие горизонтальных и вертикальных отношений в сфере государственного регулирования различными сферами общественной жизни. Влияние тех или иных факторов и тенденций на развитие государства закономерно может привести к ослаблению или усилению субординационных, координационных и реординационных связей в публичном управлении. В силу этого для современной государственности характерно расширение круга субъектов, наделенных властными полномочиями, так как процессу публичного управления помимо органов власти и должностных лиц, подключаются все новые участники, которым активно делегируются различные полномочия для реализации, например, в корпоративной и цифровой среде (лицензирование, регулирование, распределение бюджетных средств, нормотворчество и т. д.).

В связи с этим задача заключается в создании системы юридической ответственности, ее распределении между участниками, а не только в привлечении тех или иных субъектов, обладающих властными полномочиями к отраслевым видам юридической ответственности. То есть, ответственность за состояние дел в стране несет не только Президент РФ или Правительство РФ, но и институты гражданского общества, предприниматели. Основная задача заключается в распределении ответственности между ними на основе оптимального сочетания всех форм (видов) социальной ответственности (политической, экономической, правовой, нравственной), что предусматривает активное правовое воздействие на формирование и реализацию социальной ответственности (введение поощрений, стимулов), устранение дисбалансов путем ограничений распространения новых норм, видов негативной юридической ответственности, что позволит сократить расходы на содержание аппарата принуждения, обеспечить более эффективное

применение уже существующих санкций, воспитать у граждан чувство гражданской ответственности, сопричастности к происходящим в стране преобразованиям.

При этом не следует забывать о возможных рисках размывания юридической ответственности, ее деперсонализации, ослабления ее обеспечительного и регулятивного потенциала в условиях проведения тех или иных социально-экономических реформ, цифровизации общественных отношений. Исходя из того, что применение мер юридической ответственности обладает существенной организующей силой, повышенное внимание должно быть уделено гарантиям, обеспечивающим осуществление функций ответственности в соответствии с требованиями законности.

Следует отметить, что одной из ключевых идей доктрины правового государства остается принцип ответственности государства перед личностью. В Конституции РФ этот принцип нашел свое выражение в статьях 2, 18, 45, 46, 52, 53, 55. Данный принцип получил развитие в текущем отраслевом законодательстве, созданы процессуальные механизмы административного и судебного обжалования практически всех действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц. Закреплены и получили реализацию материальные правовые нормы о возмещении вреда, причиненного незаконными деяниями органов государства, муниципальной власти.

Однако, надо констатировать, что в современной России реализация принципа взаимной ответственности государства и личности переживает сложные времена. Это проявляет в целом ряде обстоятельств:

а) чрезвычайно сложно рассчитывать пострадавшим на быстрое и полное возмещение вреда, причиненного в результате

противоправных действий субъектов, наделенных публично-властными полномочиями;

б) отмечается тенденция увеличения объема выплат из бюджетов разных уровней по фактам возмещения вреда, но это никак не сказывается на уменьшении общего большого количества нарушений законных интересов и прав частных лиц в результате деяний органов публичной власти и их должностных лиц;

в) высокий уровень коррупции затрудняет развитие экономики и иных важнейших сфер деятельности государства и общества, тормозит полноценное осуществление прав и законных интересов субъектов права;

г) получают распространение такие негативные явления, как использование «административного ресурса», «заказные» уголовные дела, административное преследование в личных противоправных целях;

д) органы судебной власти вместо защиты прав и законных интересов граждан, сами иногда становятся их нарушителями.

Между тем, как отмечал Р. Йеринг: «Никакая несправедливость, выпадающая на долю человека, как бы она велика ни была, не может сравниться с той, которую совершает установленная власть, когда она сама нарушает права, ибо в этом случае страж и блюститель закона превращается в его убийцу»⁹¹.

В сфере юридической ответственности субъектов, представляющих публичную власть, остается много проблем (несовершенство законодательства, механизмов привлечения к ответственности, рассогласованность норм и т. д.), разрешения которых требует системного подхода и нормативной унификации. Недопустимо не основанное на объективных реалиях установление повышенной или ограниченной ответственности данной категории

⁹¹ Йеринг Р. Борьба за право. – М., 1991. – С. 64.

субъектов, так как увлечение каким-либо одним из этих инструментов, может привести или к злоупотреблению особым правовым статусом, или к его обесцениванию.

Но, в целом можно отметить положительную тенденцию, которая проявляется в повышении степени, уровней, объема ответственности субъектов, представляющих публичную власть. Так, в XX веке Российской Федерацией был введен институт негативной (ретроспективной) ответственности государства в соответствии с закрепленными ценностями (правовое государство). Это означало признание концепции прав человека, свидетельствовало о приоритете интересов личности, гарантированности обеспечения прав, новом уровне развития общества. Следует отметить, что юридическая ответственность государства и его органов в этих условиях определялась на схожих с юридической ответственностью личности (в ретроспективном смысле) основаниях как наложение санкций публичными институтами за ненадлежащее исполнение своих полномочий, за превышение полномочий, нарушение запретов, неотвратимость наказания виновных субъектов публичной власти, гарантии восстановления нарушенных прав пострадавших лиц и возмещения им вреда.

По мере развития выдвигаются новые требования, что находит отражение в следующих положениях:

- негативная (ретроспективная) ответственность не может охватить всего разнообразия социальных взаимодействий, уже не в полной мере отвечает задачам общественного развития;

- все чаще ответственность характеризуется нравственными составляющими, осознанием субъектом своего долга перед обществом и государством, в том числе законодательно вводится

ответственность за нарушение моральных норм, правомерное поведение, повлекшее причинение вреда и т. д.;

– ответственность органов государственной власти понимается не как абстрактная, а как конкретная, материализующаяся в деятельности «профессиональных» или «публичных» представителей государства категория (органов, должностных лиц, государственных служащих, других субъектов, которые наделяются публичными полномочиями);

– на основе признания принципа взаимной ответственности государства и личности (взаимные права, обязанности, ответственность), ответственность государства рассматривается как правоотношение между государством и гражданином (лицом), права которого нарушены.

Глава 3. Проблемы деликтной ответственности в условиях цифровизации

3.1 Общие положения о деликтной ответственности в условиях цифровой экономики

Цифровизация в спорах о возмещении вреда может затрагивать вопросы компенсации морального вреда и возмещения ущерба при нарушении абсолютных прав потерпевших на жизнь и/или здоровье (при применении объектов, созданных или приобретённых с использованием цифровых технологий, не поддающихся полному контролю со стороны человека), права на честь, достоинство, деловую репутацию, на частную жизнь, на изображение в связи с возможностью распространения персональных данных посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также в связи с дистанционной биометрической идентификацией.

Ряд учёных обращают внимание на то, что всеобщая цифровизация вызывает опасения точности функционирования систем искусственного интеллекта, несанкционированного распространения персональных данных, создания списков неблагонадёжных личностей и т.п.⁹² Возможные технические сбои в работе любых автономных и полуавтономных систем, получающих развитие в условиях цифровизации, могут затрагивать конституционные права не только отдельных индивидов, но и значительной части общества. Между тем, нормы гражданского законодательства, регулирующие деликтную ответственность,

⁹² Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Алексеевич Л.В., Зенин С.С. Неприкосновенность частной жизни в условиях использования систем искусственного интеллекта для удаленной биометрической идентификации личности. *Lex russica* (Русский закон). 2022;75(2). С. 129. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.183.2.121-131>

остаются неизменными. Опасность активного внедрения в сферу государственного управления систем искусственного интеллекта и робототехники, и, в целом, цифровизации экономики, видится в значимости юридических последствий технических ошибок, не зависящих от людей, иными словами – не вызванных дефектами производства или несанкционированным вмешательством.

Соответственно вопросы защиты прав потерпевших в условиях цифровой экономики следует разделить на блоки:

– защита прав участников торгового оборота, прежде всего, потребителей;

– защита прав граждан и коллективных образований в связи с предоставлением государственных услуг и в связи с осуществлением правоохранительной функции государства с задействованием автономных технических средств.

Деликтная ответственность лиц, нарушивших права потребителей, регламентируется § 3 гл. 59 ГК РФ и Законом РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1 (далее по тексту – Закон о защите прав потребителей). Массовость, беспрепятственность вступления субъектов права в различные виды онлайн-договоров, приводят не только к расширению возможностей каждого отдельно взятого потребителя, но и к колоссальным рискам заключения и исполнения обязательств в цифровой среде и потенциальной опасности отсутствия реального восстановления нарушенных прав. По этому поводу А. В. Габов совершенно точно отмечает, что дистанционное взаимодействие субъектов права предполагает возникновение в любых правоотношениях кого-то третьего, «который будет предоставлять сервис для взаимодействия сторон, видеть результаты этого взаимодействия, личные и иные данные участников, иметь

возможность агрегировать их разным образом и т. д.»⁹³. Доминирующим направлением деятельности юридических лиц, как правило, является посредничество между продавцами и покупателями, которое может сопровождаться навязыванием невыгодных условий сбора и обработки личных данных потребителей⁹⁴.

Для предотвращения незаконного сбора информации введена ст. 783.1 ГК РФ, которая предусматривает возможную при согласовании сторонами обязанность исполнителя и заказчика по договору о предоставлении информации не совершать в течение определенного периода времени действий, в результате которых информация может стать доступной для третьих лиц. Однако, всё же использование участниками онлайн-торговли цифровых платформ, функционирующих на основе программ для ЭВМ, баз данных, включающих техническую информацию и соответствующие средства, представляют собой достаточно широкую сферу деятельности, способную оказывать влияние на участников гражданского оборота и, создавать опасность причинения вреда и в случае отсутствия заключенного между конкретным участником торговли и цифровой платформой или владельцем программы для ЭВМ договора.

«Возникновение кого-то третьего» – цифрового посредника активно используется в решениях судов зарубежных стран в качестве обоснования возможности предъявления исков потребителей о возмещении вреда к субъектам, хотя формально не являющихся ответчиками, исходя из легитимного перечня

⁹³ Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. №4. С. 74.

⁹⁴ Истомина В. Г. Антимонопольное регулирование деятельности цифровых компаний и функционирования интернет-платформ в России и Европейском Союзе // Law Enforcement Review. 2022. Выпуск 6. № 2. С.122, 123.

субъектов торговли, но создавшим условия для цифровой торговли и понимаемого в качестве продавца для потребителя-потерпевшего⁹⁵. Данный опыт подталкивает на мысль о возможности расширения понимания делинквента применительно к цифровым отношениям по обязательственным отношениям. Внедрение практики предъявления требований о возмещении вреда покупателем непосредственно к тому субъекту, кто предоставлял возможность онлайн-покупки, было бы гарантией быстроты и эффективности компенсации вреда в условиях цифровой экономики. В связи с этим, необходимо отметить проблему определения ответственных субъектов в гражданском законодательстве и согласования норм Закона о защите прав потребителей и ГК РФ. Так, например, в ст. 13 Закона о защите прав потребителей содержится перечень ответственных субъектов, который вовсе не удовлетворяет требованиям конкретики определения ответчика исходя из многообразия современных участников экономического оборота, предполагающего реализацию товаров посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Например, различный функционал цифровых платформ и Интернет-площадок может предполагать как наличие посреднических функций у владельца соответствующей площадки или платформы, так и иных функций, фактически свидетельствующих о правовом положении продавца по сделке. Гл. 59 ГК РФ не конкретизирует делинквентов в договорных

⁹⁵指导案例83号

威海嘉易烤生活家电有限公司诉永康市金仕德工贸有限公司、浙江天猫网络有限公司侵害发明专利权纠纷案

最高人民法院审判委员会讨论通过2017年3月6日发布) 关键词民事/侵害发明专利权/有效通知/必要措施/网络服务提供者/连带责任 16.03.2017. URL: <http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-37662.html> (дата обращения: 05.11.2022).

отношениях, ограничиваясь лишь указанием на статус продавца и изготовителя. Соответственно с расширением количества и разнообразия участников цифровой торговли требуется решение вопроса о необходимости или об отсутствии необходимости точного перечисления в Законе о защите прав потребителей всех их разновидностей и согласовании такого подхода с положениями гл. 59 ГК РФ.

Представляется, что формирование исчерпывающего перечня субъектов отношений цифровой торговли нецелесообразно, поскольку включение в цифровую среду новых участников, новая терминологическая составляющая «цифрового законодательства» будут всегда обуславливать отставание дефиниций, содержащихся в гражданском законодательстве от количества и функционала посредников в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Поэтому активное развитие соответствующих идей о функционале конкретного субъекта, способном однозначно декларировать возможность определения его в качестве делинквента в спорах с потребителями должно происходить именно на уровне правоприменения, посредством определения такой возможности в каждом конкретном случае, в ряде случаев, выходящим за пределы уже имеющегося в Законе о защите прав потребителей перечня.

Цифровая экономика предполагает значительное расширение возможностей оказания услуг посредством использования различных программ, технических средств, работающих в автономном режиме, также, как и оперативного заключения договоров купли-продажи⁹⁶. Расширение таких возможностей происходит во всех сферах и также предполагает в дальнейшем

⁹⁶ Михайлов С. В., Пономарева Н. В., Прудникова Л. Б. Блокчейн в современном правоприменении // Философия права. 2019. № 1 (88). С. 60-64.

адекватное применение норм права, к спорным отношениям. В таком случае вопросы определения качества оказываемых услуг и причинённого в силу их дефектности вреда должны находить быстрое решение с опорой на принятые стандарты качества и надёжности товаров и услуг. Например, Н.А. Усольцева и Ю.М. Усольцев отмечают, что использование чат-ботов, в особенности, в сфере юриспруденции чревато высокими рисками причинения вреда пользователю: ошибочно сгенерированный документ, пропуск срока исковой давности⁹⁷. По мнению указанных авторов, ответственность в таких случаях должен нести собственник (владелец) чат-бота. Однако, сложность состоит в том, что потерпевшему придётся доказывать противоправность деяний собственника программы ЭВМ, посредством которой оказывалась услуга, что, как представляется, весьма затруднительно. Противоправным может быть несанкционированное вмешательство в функционирование соответствующей программы или программирование, изначально совершённое в преступных целях. Но для потерпевшего не имеет значение, каким образом осуществлялось вмешательство или кто именно осуществлял программирование, важным является исключительно быстрота и полнота возмещения вреда, причинённого соответствующим объектом. К сожалению, на сегодняшний день ряд случаев, в которых потребитель пытался воспользоваться нормами о деликтной ответственности, испытывая лишения имущественного характера, образовавшихся в силу использования объектов с элементами искусственного интеллекта, нашли своё справедливое разрешение лишь на уровне высшей судебной инстанции. Например, в одном из дел потерпевшая пыталась компенсировать

⁹⁷ Усольцева Н.А., Усольцев Ю.М. Чат-бот как элемент правовой реальности // Юридическая наука. 2020. № 9. С.73.

моральный вред, сославшись на то, что, приобретая смарт-устройства, функционирующие через соответствующий онлайн-сервис, не могла предположить, что будет отключен данный электронный сервис в связи с переходом изготовителя на другое программное обеспечение, не поддерживаемое смарт-устройствами истца в России. В результате товар стал не пригодным для использования, а именно, для учёта и контроля физической нагрузки потребителя⁹⁸. Отказывая в удовлетворении заявленного иска суды различных инстанций отмечали, что гарантийный срок на купленный товар уже истёк, а срок службы не устанавливался зарубежным производителем. Кроме того, суды обратили внимание на тот факт, что истец не обращался ранее к производителю с требованием о безвозмездном устранении проблем с программным обеспечением. Верховный Суд Российской Федерации отменяя акты нижестоящих инстанций, отметил, что согласно п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 требования к программному обеспечению следует рассматривать как требования к качеству товара по ст. 469 ГК РФ, соответственно утрата возможности использования товара в течение десяти лет со дня передачи товара предоставляет право потребителю предъявить требования по ст. 19, 18 Закона о защите прав потребителей и компенсировать вред. Как видим не только различный функционал участников торговли, но и принадлежность различным правовым системам может препятствовать быстрому восстановлению имущественных прав потерпевшего – потребителя. Но учитывая широту охвата современной Интернет-торговли, рост числа деликтов, совершаемых в рамках договорных конструкций

⁹⁸ П. 3 Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей, утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 20 октября 2021 г. Определение Судебной коллегии Верховного Суда от 15 декабря 2020 г. № 46-КГ20-19-К6. // СПС Консультант Плюс.

между гражданами и продавцами (посредниками) из разных стран будет неизменно увеличиваться.

В современном законодательстве действует правило, согласно которому, если ожидается результат в виде вещи (мебель, одежда, недвижимость) центральное значение имеет гарантия качества получаемого объекта. Если результат – не овеществлённая вещь – действует правило о невозможности гарантии со стороны исполнителя определённого результата. Но последнее правило весьма опасно, если речь будет идти о действиях по оказанию услуг самим автономным роботом. Юридическим исполнителем услуги будет являться законный владелец автономного объекта, который в отличие от «привычного» исполнителя – физического лица, не осваивал специальных знаний, навыков для её оказания, а лишь приобрёл автономный объект, очевидно, в целях извлечения прибыли. В таком случае правовой статус владельца такого объекта сравним с правовым статусом владельца механизированного транспорта, как источника повышенной опасности, который обязывает нести деликтную ответственность вне зависимости от вины, за исключением лишь случаев непреодолимой силы и умысла потерпевшего (ст. 1079 ГК РФ).

В связи с большой вовлеченностью субъектов в цифровую реальность особое значение приобретают права на информацию о товаре, предоставляемую посредниками, продавцами и иными участниками Интернет-торговли.

Полагаем требования к качеству такой информации должны выходить на иной уровень. Качество услуг, которые предоставляют различные интернет-посредники, провайдеры посредством использования, например, чат-ботов, должно оцениваться так же, как и качество товара или качество работы, иными словами, оно должно гарантироваться исполнителем. В своём исследовании

А.В. Никитин обратил внимание на то, что в силу выявленных им признаков, правовое регулирование оказания услуг и производства работ должно осуществляться разными правовыми нормами, а сами услуги в силу специфики цифровой торговли должны разделяться на виды и регламентироваться дифференцированно⁹⁹. Действительно услуги, которые изначально трактовались в качестве обязательства, выполняемого исполнителем – профессиональным субъектом, оказываемые неправосубъектным участником – системами искусственного интеллекта, должны выделяться в отдельную разновидность. Важнейшим для деликтных отношений моментом является ужесточение требований к качеству таких услуг. Полагаем в ст. 779 ГК РФ следует внести дополнительное положение в п. 1: «Качество услуг, оказываемых посредством программ для ЭВМ, определяется в соответствии с правилами о договоре подряда». Такое изменение позволит ссылаться потребителям, например, на имевшие место погрешности в работе соответствующих программ, которые привели впоследствии не к ожидаемому результату а, в конечном итоге, причинили вред. Предлагаемая трактовка качества услуг, фактически оказываемых системами искусственного интеллекта, создаст условия для гарантированности качества, что применительно к классическому возмездному оказанию услуги не применимо (ст. 779 ГК РФ). Очевидно, что задействование высокотехнологических программ, например, в сфере оказания юридических услуг, позволяет оптимизировать процессы консультирования, составления типовых документов, но владелец таки программ (цифровых платформ) не должен устраниваться от

⁹⁹ Никитин А. В. Применение общих положений о подряде к договорам возмездного оказания услуг // Российский юридический журнал. 2018. № 4 (121). С. 94-100.

бремени возмещения вреда, поскольку использование новых объектов, не полностью подконтрольных человеку, в любом случае должно отражаться на степени предъявляемых государством повышенных требований к такому владельцу.

Соответственно приведённому ранее примеру, при причинении вреда потребителю – пользователю программы, в результате ошибочно сгенерированного документа или пропуска срока исковой давности, согласно предлагаемым изменениям ст. 779 ГК РФ, потерпевший может предъявлять иск о возмещении вреда, обосновывая его некачественным выполнением соответствующего задания.

Вопрос о качестве и безопасности как товаров, работ, услуг, реализуемых посредством сети «Интернет», так и товаров, базирующихся на использовании различных систем искусственного интеллекта должен выходить на новый уровень и в связи с новыми возможностями современных автономных объектов, которые могут свободно искать, получать и использовать практически любую информацию в связи с их способностью к самообучению и «доступом в цифровое пространство». Качество не должно ограничиваться в таком случае категорией «безопасность» с точки зрения возможности или невозможности причинения вреда жизни и/или здоровью. Как мы отмечали в своём раннем исследовании, любые объекты (программы, обеспечивающие функционирование различных цифровых платформ, чат-боты, автономные автомобили, беспилотные летательные аппараты и др.) должны при определении их качества оцениваться с точки зрения «целеполагания их использования»¹⁰⁰. Например, при приобретении автономного объекта его владелец не предполагал, что последний с

¹⁰⁰ Летуа Т.В. Технологическое предпринимательство в контексте развития института деликтной ответственности // Университетские правовые диалоги «Право и предпринимательство»: материалы Международной научно-практической конференции. Часть 1. / под ред. В. В. Кваниной. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет. Юридический институт. 2022. С. 210.

течением времени будет, анализируя частную переписку в социальных сетях, направлять какие-либо письма от имени владельца. Расширяющиеся возможности самообучаемых программ создают условия, при которых возможно осуществление «действий», не просто не согласованных с их владельцем, но и против воли владельца. Следовательно, у потребителя должна иметься возможность вернуть товар – сложное техническое устройство, функционирующее на основе программ для ЭВМ, которое несмотря на отсутствие «традиционных» дефектов, способно причинить вред репутации, чести, достоинству и иным нематериальным благам в силу выхода за пределы предполагаемой потребителем цели их приобретения.

Кроме прочего, при приобретении автономного объекта установление недостатков в двухнедельный срок, зафиксированный в современном законодательстве (ст. 18 Закона о защите прав потребителей), весьма затруднительно, что может породить впоследствии ущемление прав потребителей, как например, в деле, где самопроизвольное отключение холодильника по мнению суда требовало выяснения того, является ли выявленный недостаток существенным¹⁰¹. Очевидная невозможность использования товара по основному назначению почему-то была проигнорирована судебными инстанциями. Однако в случаях дальнейшего развития цифровизации и постепенной автоматизации всех технических устройств вопросы качества их работы будут только усложняться.

Следующий момент, который требует своего особого внимания в условиях цифровизации связан с вопросами приоритета норм различных видов специальных деликтов при причинении вреда автономными объектам, связан с законодательным закреплением безвиновной ответственности владельца такого

¹⁰¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 августа 2019 г. № 18-КГ19-74 // Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей, утверждён Президиумом Верховного Суда РФ 14 октября 2020 г. URL: <http://www.vsrif.ru/documents/all/29317/> (дата обращения 10.11.2022 г.).

объекта во всех случаях, вне зависимости от того, какие конкретно действия производились объектом – подрядные работы или функции, охватываемые понятием услуга. В данном случае важен приоритет норм о деликтной ответственности владельца источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) над нормами об ответственности за вред, причинённый вследствие некачественности товара, работы услуги (ст. 1095 ГК РФ), поскольку последние могут охватывать только потребительские отношения, где деликвентом выступает профессиональный участник розничной торговли или проката, или возмездного оказания услуг населению. В случаях причинения вреда при эксплуатации автономного объекта, владельцем которого выступает физическое лицо, не зарегистрированное в статусе индивидуального предпринимателя возможность безвиновной ответственности, сохраняется лишь при квалификации деликта как совершённого в связи с повышенной опасной деятельностью. Потому нормы о генеральном деликте (ст. 1064 ГК РФ) ни при каких обстоятельствах не должны применяться к рассматриваемым деликтам.

Другой аспект, требующий своего внимания в условиях цифровизации связан с субъектами, осуществляющими свою деятельность посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Способность для юридических лиц реализовывать свои права опосредованно с использованием «цифрового пространства» в любой точке мира, заключать договоры с помощью систем искусственного интеллекта поднимает вопрос о месте осуществления фактической деятельности юридического лица, о его выступлении в гражданском обороте от собственного имени и несении деликтной ответственности. В связи с уходом ряда иностранных компаний с российского рынка, одностороннего отказа от исполнения своих обязательств,

вторичный негативный эффект для потребителей может наблюдаться при попытках возместить ущерб или компенсировать моральный вред по правилам российского деликтного права. Например, для отечественных юридических лиц действует норма об обязательной капитализации платежей по обязательствам о возмещении вреда и в случае отсутствия такой капитализации, либо нарушения её порядка Российская Федерация добровольно возлагает на себя такие обязательства (ст. 1093 ГК РФ), и потерпевшие не остаются без защиты. В условиях Интернет-торговли, когда, доставка товаров могла осуществляться в совершенно различные государства юридическим лицом, зарегистрированным ранее на территории какой-либо недружественной страны, правило п. 4 ст. 1202 ГК РФ о применимости российского права не работает. А личный закон юридического лица (п. 1 ст. 1202 ГК РФ) в случае ликвидации иностранной дочерней или зависимой компании может лишить российских граждан и организаций права на предъявление деликтных исков к таким компаниям. То же самое можно отметить и при попытках потерпевших воспользоваться правами, предоставленными ст. 1223.1 ГК РФ по выбору сторонами права, подлежащего применению к обязательству, возникающему вследствие причинения вреда. Этот существенный момент, осложнённый не только внешнеполитической обстановкой, но и торговлей в «цифровом пространстве», обуславливает постановку проблемы деликтной ответственности иностранных компаний в условиях Интернет-торговли и расплывчатости формулировки «основной или преимущественной территории деятельности» юридического лица.

В рассматриваемой сфере принят Федеральный закон «О внесении изменения в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав

потребителей» от 01 мая 2022 г. № 135-ФЗ, вступивший в силу 1 сентября 2022 г., который облегчает порядок предъявления требований по недопустимым условиям договора и расширяет их перечень, включая односторонний отказ от исполнения обязательства и выбор подсудности. Однако, нововведённые нормы в условиях отсутствия однозначного понимания и толкования приоритета положений ст. 16 Закона о защите прав потребителей и положений международного частного деликтного права могут не найти должного применения именно по спорам, связанным с деликтами, возникшими в сфере Интернет-торговли с иностранными компаниями. Кроме того, они не применимы к Интернет-торговле в предпринимательских целях.

В целом, учитывая неограниченность действия норм § 3 гл. 59 ГК РФ на отношения с участием граждан России и отечественных юридических лиц относительно формы (письменной, электронной) заключения сделок по купле-продаже или иных форм договоров, можно отметить готовность законодательства к защите прав потерпевших при причинении вреда дефектными товарами отечественного производства, приобретёнными посредством информационно-коммуникационной сети «Интернет».

Но дальнейшее развитие современных технологий, предполагающее коммодитизацию систем искусственного интеллекта и робототехники, пока не учитывается действующими нормами о деликтной ответственности. Между тем, одним из основных направлений развития робототехники и спроса на такие объекты является сегмент социального обслуживания населения, т.е. обслуживания лиц с ограниченными возможностями здоровья с использованием, например, роботов-сиделок. В перспективе, при расширении функционала и развития искусственного интеллекта, неоспоримо появится потребность наделения всё большими возможностями таких роботов, включая заказ продуктов и лекарств по назначению, вызов скорой помощи. В связи с этим возникают

два вопроса, затрагивающих сферу деликтной ответственности: можно ли будет взыскать вред, причинённый дефектными товарами, заказанными роботом, и можно ли будет компенсировать моральный вред собственнику робота в случаях причинения вреда самому роботу.

В первом случае, необходимо рассматривать робота как техническое средство для заключения гражданско-правового договора, подразумевая выражение воли его владельца в действиях робота и возможный ущерб взыскивать по имеющимся правилам. Это положение должно распространяться и в случаях приобретения какого-либо товара роботом против воли собственника, поскольку риски владения таким сложным объектом должен принимать на себя его собственник.

Во втором случае, колоссальное значение для будущей регламентации деликтных отношений имеет Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского»¹⁰² в котором Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на необходимость изменения положений гражданского законодательства, которые могут трактоваться судами исключительно в ключе невозможности компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав, в случаях не закреплённых в законе. Приобретение автономного человекоподобного робота в целях, не связанных с извлечением прибыли, обуславливает этическую проблему

¹⁰² Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110280014> (дата обращения 10.11.2022 г.).

привязанности владельца к данному объекту и способности человека испытывать нравственные страдания в случае причинения вреда роботу третьим лицом. Полагаем, что ч. 1 ст. 151 ГК РФ должна изменяться таким образом, чтобы предоставлять неограниченную возможность компенсации морального вреда в случаях причинения вреда любым правам потерпевшего. Иными словами, диспозиция указанной нормы не должна содержать конкретизацию прав: имущественных или неимущественных. В случае обращения в суд при причинении вреда имуществу (в том числе автономному роботу) будет действовать правило генерального деликта, при котором истец доказывает наличие вреда, противоправность и причинную связь. Но в отличие от компенсации морального вреда, инициируемой при причинении вреда неимущественным правам и нематериальным благам, в таких случаях нравственные страдания необходимо будет подтверждать соответствующей медицинской документацией, свидетельствующей о сильных душевных волнениях, неврологических или психических расстройствах.

Таким образом, дальнейшее развитие цифровой экономики ставит задачи совершенствования норм ГК РФ, путём расширения возможностей компенсации морального вреда, формирования новой парадигмы деятельности юридических лиц, не привязывая вопросы деликтной ответственности к праву страны преимущественной территории его деятельности.

Следующий блок вопросов связан с деликтной ответственностью за неправомерные деяния государственных и муниципальных органов и их должностных лиц, которая закрепляется ст. 8.1, ст. 16 Гражданского кодекса Российской Федерации части первой от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ, ст. 1069-1071 Гражданского кодекса Российской Федерации части второй от

26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Общие условия привлечения к ответственности включают: вред, противоправность, причинную связь и вину конкретных должностных лиц. За определённые негативные последствия, согласно перечню, содержащемуся в ст. 1070 ГК РФ, ответственность наступает независимо от вины.

Распространение достижений IV промышленной революции в правоохранительной сфере обусловило появление новой разновидности споров о возмещении вреда, в которых необоснованно (незаконно) привлечённые, в частности, к административной ответственности потерпевшие пытаются взыскать с государства свои расходы и компенсировать моральный вред.

В таких делах неоднозначность решений связана с тем, что:

во-первых, как совершенно точно замечено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 20 от 25 июня 2019 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» могут возникать сомнения в корректности работы автоматического технического средства, которое зафиксировало правонарушение (п. 26)¹⁰³;

во-вторых, исходя из формальных положений законодательства, регистрация правонарушения техническим средством не может свидетельствовать о виновности действия должностного лица, вынесшего на основании такой регистрации

¹⁰³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 20 от 25 июня 2019 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 9. С. 37.

постановление о привлечении к ответственности, впоследствии признанное незаконным.

Так, в определении судебной коллегии по гражданским делам Иркутского областного суда от 1 декабря 2021 г. по делу № 33-8614/2021 отмечается, что несмотря на несоответствие географических координат, указанных под фотографиями с координатами места нарушения; неверным указанием средней скорости движения транспортного средства, нахождения собственника автомобиля вне места регистрации нарушения сертифицированным комплексом автоматической фото-видеофиксации нарушений правил дорожного движения, действия сотрудника правоохранительных органов не могут быть признаны незаконными и отсутствует его вина. Кроме того, «привлечение к ответственности собственника в случае технической фиксации нарушения обусловлено объективным характером нарушения и презумпцией использования транспортного средства его собственником»¹⁰⁴. Подобная мотивировка имеет место и в определении судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 марта 2021 г., где указано, что сведений о том, что действия должностного лица правоохранительных органов были признаны незаконными, материалы дела не содержат, так как постановления вынесены на основе данных об административных правонарушениях, зафиксированных специальным техническим средством, имеющим

¹⁰⁴ Определении судебной коллегии по гражданским делам Иркутского областного суда от 1 декабря 2021 г. по делу N 33-8614/2021 по апелляционной жалобе МВД России, ГУ МВД России по Иркутской области на решение Кировского районного суда г. Иркутска от 22 июня 2021 г., по делу № 2-2380/2021 по исковому заявлению Б. к МВД России, ГУ МВД России по Иркутской области о взыскании убытков, компенсации морального вреда. URL: <https://zakony.online/doc/33-86142021-opredelenie-3d4f1480-d806-414f-857b-1d046870664a/>(дата обращения: 05.11.2022).

функции фотосъемки, работающим в автоматическом режиме¹⁰⁵ и в апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 24 апреля 2019 г., где истцу было отказано в удовлетворении требований о возмещении убытков и компенсации морального вреда в силу отсутствия вины должностного лица, вынесшего постановление о привлечении к ответственности на основе данных автономной камеры¹⁰⁶.

В правоприменительной практике имеют место и положительные решения, которыми удовлетворяются требования истцов о возмещении вреда и компенсации морального вреда. Например, в одном из дел апелляционная инстанция обратила внимание на то, что неоднократное вынесение постановлений о привлечении к административной ответственности были связаны с техническим сбоем – данные о разрешении парковаться не были выгружены в информационную систему. Ответчик настаивал на своей невиновности, однако суд указал, что должностные лица имели возможность прекратить незаконные действия и организация устранения технических сбоев находилась в ведении ответчика, так как он выступал заказчиком разработки информационной системы¹⁰⁷. В другом деле суд установил отсутствие в

¹⁰⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции г. Москва от 23 марта 2021 г. № 88-6527/2021г. по кассационной жалобе МВД Российской Федерации на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Рязанского областного суда от 02 декабря 2020 г. по делу по иску Н. к Минфину Российской Федерации в лице УФК по Рязанской области и МВД Российской Федерации о взыскании денежных средств по делу №2-1627/2020. URL: <https://ryazan.roskazna.gov.ru/upload/iblock/979/opredelenie-ot-23.03.2021.DOCX> (дата обращения: 05.11.2022).

¹⁰⁶ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 24 апреля 2019 г. по делу № 33-19415 по апелляционной жалобе истца Б.Н.Ю. на решение Замоскворецкого районного суда города Москвы от 17 сентября 2018 г. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/d4767852-5e7a-4b48-8bc1-1462dafb42fa> (дата обращения: 05.11.2022).

¹⁰⁷ апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-47823/2016 от 6 декабря 2016 г. по иску А. к ГКУ «Администратор Московского парковочного пространства» о взыскании компенсации морального вреда, понесенных

106

государственной информационной системе на момент совершения зафиксированного правонарушения данных о смене собственника автотранспортного средства, что привело к вынесению незаконного постановления о привлечении к административной ответственности. При таких обстоятельствах суд удовлетворил исковые требования потерпевшего к государственным органам о компенсации вреда¹⁰⁸.

Четкое разграничение деликтов на казусы, выявленные сотрудником правоохранительных органов и казусы, зарегистрированные автономными техническими средствами, было проведено в Определении судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 августа 2018 г. № 11-КГ18-18. В этом судебной акте указано, что правонарушение было зафиксировано старшим инспектором с использованием технического устройства с функцией видео-фиксации, что не может считаться случаем фиксации правонарушения с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки¹⁰⁹. Поскольку это так, то неправомерность действий органа внутренних дел в данном случае подтверждается вступившим в законную силу решением

расходов. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/7fd5ccc8-38a1-48a3-b339-05385b1229ef> (дата обращения: 05.11.2022).

¹⁰⁸ Решение по делу № 2-725/2019 от 22 марта 2019 г. Фрунзенский районный суд г. Ярославля по иску И. к ГИБДД УМВД России по Ярославской области, МВД России, УФК по Ярославской области, Министерству финансов Российской Федерации, Управлению ГИБДД УМВД России по Ярославской области, Управлению МВД России по Ярославской области о взыскании убытков. URL: https://yaroslavl.roskazna.gov.ru/upload/iblock/7bf/sud.akt-22.03.2019_389_27_11_2019_ver1.pdf (дата обращения: 05.11.2022).

¹⁰⁹ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 августа 2018 г. № 11-КГ18-18 по гражданскому делу по иску И. к МВД России, МВД по Республике Татарстан о возмещении ущерба, компенсации морального вреда по кассационной жалобе И. на решение Вахитовского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 5 сентября 2017 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 20 ноября 2017 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71945868/> (дата обращения: 05.11.2022).

суда, в соответствии с которым производство по делу о правонарушении прекращено ввиду недоказанности обстоятельств по делу, а потому вина должностного лица находит своё подтверждение.

Выработанная для публично-правовой отрасли практика привлечения к ответственности на основе данных, предоставляемых автономными техническими устройствами удобна и отвечает требованиям оперативности реагирования на правонарушения. Она вносит определённую лепту в формирование правомерного поведения граждан и организаций в силу эффективности выявления нарушений. Однако, формализм привлечения к публично-правовой ответственности не может быть автоматически интегрирован в частноправовую сферу.

Исходя из положений ст. 8.1, 1069 ГК РФ вина должностного лица как элемент, характеризующий психологическое отношение к совершённому деянию, не может быть установлена при вынесении постановлений о привлечении к ответственности на основе зафиксированного автономными объектами факта нарушения, и, следовательно, не может иметь место и при рассмотрении деликтных споров. Однако, такой подход не соответствует принципу справедливости. Несправедливость распространяемой практики видится, прежде всего, в несовпадении лица, действительно нарушившего закон, и лица, понёсшего убытки в целях опровержения не соответствующего действительности акта, а также в невозможности для потерпевшего возместить свои убытки, вызванные необоснованным актом государственного принуждения.

Несоответствующая духу и назначению деликтной ответственности правоприменительная практика выглядит ещё более угрожающе при попытках прогнозирования дальнейшего расширения и углубления процессов цифровизации

государственных услуг и функционирования государственных органов. В действующем законодательстве предъявляются достаточно строгие правила к осуществлению электронного документооборота, в том числе, связанного с обращениями граждан к государственным органам¹¹⁰. Квалифицированная электронная подпись, исходя из практики её применения не предоставляет её владельцам гарантии сохранности их персональных данных¹¹¹ и информационной безопасности, о которой упоминается в работе В. В. Долинской¹¹². Указанные моменты для деликтной ответственности означают объективную потребность повышения уровня защиты потерпевших по деликтам с участием государства. Особенно, учитывая предполагаемые перспективы расширения взаимодействия субъектов с государственными органами, в том числе с судебными органами, посредством цифровых технологий (включая системы искусственного интеллекта)¹¹³. Полагаем использование в качестве необходимого условия деликтной ответственности по ст. 8.1, 1069 ГК РФ вины является не отвечающей современным реалиям практикой. Вина, коль скоро она трактуется в отечественном праве исключительно в качестве субъективной стороны правонарушения, должна исключаться из условий ответственности в тех отношениях, где высок уровень формализма, обусловленный цифровизацией. Государство,

¹¹⁰ Долинская В. В. Информационное общество, информационные отношения и право // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Том 3. № 3. С. 32.

¹¹¹ Летуа Т.В. Договор, заключенный посредством сети Интернет, как основание возникновения гражданских прав и обязанностей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2012. № 2. ч.2. С.111-116.

¹¹² Долинская В. В. Развитие системы объектов гражданских прав в условиях цифровой экономики // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики-2020: сборник докладов по материалам Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону – Таганрог: изд-во Южного федерального университета, 2020. – С. 299.

¹¹³ См. подробнее Журкина О.В., Максименко Е.И. Новеллы судостройства в Российской Федерации: монография. Оренбург: ОГУ, 2022. – С. 37.

возместив вред в тех случаях, когда имело место несовпадение фактического причинителя вреда и лица, привлечённого к ответственности, получит право регресса для возмещения вреда уже с дохода действительного правонарушителя.

В предлагаемом варианте риски, связанные с введённой государством в качестве обязательной реалии современного развития экономики цифровизации будут ложиться справедливым образом на плечи инициатора такого реформирования. В противном случае теряется фундамент юридической ответственности как института, призванного восстанавливать справедливость.

Также одной из проблем дальнейшего развития деликтных отношений в отечественной юриспруденции является обеспечение должной защиты права на изображение, которое подвергается опасности нарушения особенно в связи с возможностью быстрого распространения изображения среди неограниченного круга лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». ГК РФ предусматривает возможность компенсации морального вреда по ст. 152.1 ГК РФ. В свете рассмотренных особенностей цифровизации, полагаем нормы о защите права на изображение, иных личных неимущественных прав и нематериальных благ, требуют дальнейшей проработки. Степень нравственных страданий потерпевшего напрямую зависит, в том числе, от количества лиц, ознакомившихся с информацией. И вредоносность для здоровья потерпевшего тем выше, чем масштабнее степень охвата распространения информации. В силу этого, считаем, нормы гражданского законодательства о компенсации морального вреда должны учитывать способ незаконного распространения личных данных. В частности, п. 2 ст. 1101 ГК РФ должен быть дополнен нормами о необходимости учёта при определении размера

компенсации морального вреда такого способа как распространение в сети Интернет, как предполагающего более тяжкие последствия для имущественной и неимущественной сферы потерпевшего.

В заключении рассматриваемой тематики отметим, что цифровизация экономики как положительная тенденция современности, требует определённых изменений гражданского законодательства, нацеленных на создание условий для эффективной защиты прав граждан и юридических лиц, заключающих различные сделки в личных и предпринимательских целях посредством сети Интернет, а также лиц, вступающих в деликтные правоотношения с государством. Возможные дополнения законодательства должны охватывать вопросы: деликтной ответственности государства в условиях цифровизации, установления приоритета национального регулирования деликтов в международном частном праве, усиления требований к качеству услуг, предоставляемых в цифровом формате и посредством программ для ЭВМ.

3.2 Специфика деликтной ответственности нотариуса в Российской Федерации: основные выводы из анализа судебной практики

В соответствии со ст. 17 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате¹¹⁴ (далее – Основы или Основы законодательства о нотариате) нотариус, занимающийся частной практикой, несет полную имущественную ответственность:

¹¹⁴ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2022) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.

– за вред, причиненный по его вине имуществу гражданина или юридического лица в результате совершения нотариального действия с нарушением закона, если иное не установлено статьей (ч. 1);

– за реальный ущерб, причиненный неправомерным отказом в совершении нотариального действия, а также разглашением сведений о совершенных нотариальных действиях (ч. 2).

Имущественная ответственность нотариуса: договорная или деликтная? О какой имущественной ответственности, являющейся по своей отраслевой принадлежности гражданско-правовой, идет речь в ст. 17 Основ: договорной или деликтной?

Действительно, главными видами гражданско-правовой ответственности по классификационному критерию основания ее возникновения являются 1) договорная и 2) внедоговорная (деликтная) ответственность. Основанием наступления договорной ответственности является неисполнение или ненадлежащее исполнение договора; она может быть увеличена или уменьшена соглашением сторон при соблюдении норм п. 2 ст. 400 и п. 4 ст. 401 ГК РФ¹¹⁵.

Внедоговорная (деликтная) ответственность является более строгим видом гражданско-правовой ответственности. Она возникает при причинении личности или имуществу потерпевшего лица вреда, не связанного с неисполнением или ненадлежащим исполнением нарушителем обязанностей, лежащих на нем в силу договора с потерпевшей стороной. В качестве исключения она может наступать в случаях, когда при исполнении договорных обязательств причинен вред жизни или здоровью гражданина (ст.

¹¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

1084 ГК РФ¹¹⁶), например, пассажиру при транспортной аварии (ст. 800 ГК РФ). Частным случаем деликтной ответственности является так называемая преддоговорная ответственность (ст. 434.1 ГК РФ).

Правовая природа имущественной ответственности нотариуса (договорная или деликтная) нигде в законодательстве прямо не закреплена. Не подчеркивается она и в постановлениях судов, в том числе высшей юрисдикции. Вместе с тем, правильное решение вопроса о правовой природе отношения имеет огромное теоретическое и практическое значение. Оба эти аспекта правовой природы имущественной ответственности нотариуса (соответственно и правовых норм, регулирующих эту ответственность) тесно переплетаются и дополняют друг друга. С одной стороны, только при четком теоретическом определении места обязательств по возмещению вреда нотариусом в системе других обязательств по российскому гражданскому праву, а также изучении и познании их правовой природы можно говорить о правильном регулировании и применении принятых правовых норм на практике. С другой стороны, правовая природа тех или иных обязательств, в конечном счете, определяется тем, какие требования к ним предъявляются практикой. Законодатель стремится путем правового регулирования определенных вопросов закрепить такое положение, которое в наибольшей степени соответствует интересам общества в данный период¹¹⁷.

В большинстве юрисдикций нотариусы отвечают за причиненный ущерб, но правовое обоснование его возмещения существенно отличается. Некоторые юрисдикции видят такой иск к

¹¹⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

¹¹⁷ Агибалова Е.Н. Деликтные обязательства: учебное пособие / Е.Н. Агибалова; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС. – Волгоград: Сфера, 2021. – С. 27-28.

нотариусу чисто деликтным, некоторые – договорным (например, иск из «договора, защищающего третьих лиц» в Германии)¹¹⁸.

Мы исходим из того, что российское законодательство предусматривает деликтную ответственность нотариусов за совершение нотариальных действий с нарушением закона или за неправомерный отказ в совершении нотариальных действий, а также разглашение сведений о совершенных нотариальных действиях, хотя практически во всех случаях вред, причиненный совершенными с нарушением закона нотариальными действиями или незаконным отказом в их совершении, не связан с непосредственным нанесением ущерба какому-либо лицу или имуществу, как того требует диспозиция ст. 1064 ГК РФ. Таким образом, деликтная ответственность нотариуса в Российской Федерации имеет свою специфику.

Специфика причиненного нотариусом вреда заключается в том, что подлежащие взысканию с нотариуса в силу ст. 17 Основ убытки в большинстве случаев можно отнести к категории «чисто экономических», хотя ни в ГК РФ, ни в Основах не упоминается категория «чисто экономические убытки». Так, в одном из дел суд установил, что истец приобрел квартиру, заплатив за нее 1000 000 рублей, у лица, которое не имело права ни продавать квартиру, ни получать за нее денежные средства, так как действовало по доверенности, которая была оформлена врио нотариуса от подставного лица, предоставившего паспорт гр. Г. и документы на квартиру. После признания договора купли-продажи недействительным и истребования квартиры из его владения в пользу истца со страховой компании судом был взыскан

¹¹⁸ Dr. W.H. van Boom. Pure Economic Loss. A Comparative Perspective, pp. 30-31. PURE ECONOMIC LOSS, W.H. van Boom, H. Koziol & C.A. Witting, eds., Wien/New York: Springer, 2004, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=555809> (дата обращения: 27.10.2022).

причиненный ему ущерб, штраф за невыплату денежных средств в добровольном порядке и расходы по оплате госпошлины¹¹⁹.

Согласно решению, вынесенному Алексинским городским судом Тульской области в 2018 г. № 2-367/2018¹²⁰, гр. К., похоронив свою мать и будучи единственным наследником, обратился к нотариусу Алексинского городского нотариального округа Тульской области за выдачей свидетельства о праве на наследство. Наследство гражданина состояло из вкладов, хранящихся в Алексинском отделении Сбербанка РФ, и их общая сумма равнялась 71 494 рублям. Получив свидетельство о праве на наследство, гражданин явился в соответствующее отделение банка, но в выдаче причитающейся суммы ему было отказано. Как выяснилось, нотариусом К-вой была совершена ошибка, в результате которой номера счетов матери К. оказались указаны в свидетельстве о праве на наследство другой наследницы, и последняя на основании нотариального документа получила деньги, причитающиеся на законном основании гражданину К. Впоследствии нотариус переписала неправильно составленное свидетельство, но факт выдачи уже случился, и его последствием оказался вполне конкретный имущественный вред в размере 71 494 рубля.

Приведенные дела показывают, что в отсутствие непосредственного вреда личности или имуществу потерпевшего у него фактически образуются «чисто экономические убытки».

¹¹⁹ Примечание: 560 000 рублей ранее были взысканы в пользу Истца приговором суда с Л., осужденной за организацию получения доверенности от подставного лица и заключения договора купли-продажи от имени гр. Г. Истец просил суд взыскать ущерб в сумме 440 000 рублей с нотариуса. В процессе рассмотрения дела в качестве соответчика привлечено АО «АльфаСтрахование», с которым у нотариуса был заключен договор страхования ответственности в порядке, установленном законодательством о нотариате. Учитывая условия заключенного между нотариусом и АО «АльфаСтрахование» договора страхования, суд счел, что надлежащим ответчиком является АО «АльфаСтрахование».

¹²⁰ Решение Алексинского городского суда Тульской области от 15 июня 2018 г. по делу № 2-367/2018. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HqxCqfleyuLn/> (дата обращения: 27.10.2022).

Характеристика чисто экономических убытков вытекает из природы вреда: чисто экономические (иначе – финансовые) потери противопоставляются в данном случае физическому вреду, который причиняется лицу или имуществу¹²¹.

Специфика противоправности при деликте нотариуса прослеживается через нарушение закона или обязанности, вытекающей из закона. Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2011 г., утвержденном Президиумом ВС РФ 7 декабря 2011 г.¹²², указано, что поведение нотариуса можно считать противоправным, если он при совершении нотариальных действий нарушил правовые нормы, устанавливающие порядок осуществления нотариальных действий, в результате чего произошло нарушение субъективного права.

Противоправными деяниями являются также: неправомерный отказ от совершения нотариального действия; разглашение сведений о нотариальных действиях.

В упомянутом выше решении Центрального районного суда г. Волгограда по делу № 2-4506/2021 указано, что «из положений ст. 42 Основ законодательства о нотариате следует, что на нотариуса при совершении нотариальных действий возлагается обязанность удостоверить личность гражданина, обратившегося за совершением нотариального действия, и проверить подлинность предъявленного им документа, удостоверяющего его личность. В системе общего права основанием деликтной ответственности при взыскании чисто экономических убытков является нарушение *duty of care* (обязанности заботы нотариуса в отношении третьих лиц). Считается, что между нарушителем и потерпевшим формируется

¹²¹ См. подр.: Туктаров Ю.Е. Чисто экономические убытки // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2006. – С. 138-168.

¹²² Бюллетень ВС РФ. – 2012. – № 2.

особое правоотношение, которое называется «близостью» (proximity). Одно из оснований для возникновения «proximity» – assumption of responsibility (принятие на себя ответственности), так как считается, что нотариус как лицо, имеющее специальные знания и навыки, принимает на себя ответственность за совершенные им нотариальные действия, а потерпевший полагается на особые навыки и знания нотариуса¹²³. В США зачастую нарушение обязанности заботы нотариуса в отношении общества выводят из регулирования Штатов¹²⁴.

В Германии возможность взыскания чисто экономических убытков с нотариусов видится в конструкции «договоров, защищающих третьих лиц». Считается, что нотариальные действия совершаются не только в интересах лица, обратившегося за совершением таких действий, но и в интересах иных лиц, которые получают определенные преимущества из таких нотариальных действий (например, могут добросовестно полагать, что нотариус установил личность лица, обратившегося за совершением нотариального действия)¹²⁵.

В связи с рассмотренными конструкциями ответственности в европейской доктрине обсуждается еще один вопрос – возможность взыскания убытков за экономическое ожидание наследования (в ситуации, когда нотариус по неосторожности откладывает составление завещания, а затем наследодатель умирает). В большинстве юрисдикций нотариусы в этом случае отвечают за ущерб, но правовое обоснование ответственности существенно

¹²³ C. van Dam. European tort law. Second Edition. Oxford, 2013. P. 106.

¹²⁴ См. напр.: Дело Villanueva v. Brown о нарушении нотариусом обязанности заботы в отношении общества (duty of care owed to the public as a notary) (The Legal Standard of Care for Notaries and Their Employers, 31 J. Marshall L. Rev. 735 (1998). P. 738). – URL: <https://repository.law.uic.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1627&context=lawreview> (дата обращения: 30.10.2022).

¹²⁵ C. van Dam. European tort law. Second Edition. Oxford, 2013. P. 211.

отличается. Основная идея заключается в том, что нотариус защищает не только своего клиента, но и выгодоприобретателей по завещанию. Между тем, некоторые юрисдикции видят такой иск чисто деликтным, некоторые – договорным (как вышеупомянутый иск из «договора, защищающего третьих лиц» в Германии)¹²⁶.

В результате проведенного анализа судебной практики нами не были выявлены случаи предъявления исков о возмещении нотариусом убытков, причиненных несоставлением своевременно завещания. Вместе с тем, проблемы удостоверения завещаний лиц, находящихся в медицинских организациях, в частности в период пандемии Covid-19, затрагиваются отдельными учеными, которые предлагают установить ответственность нотариуса за затягивание визита в медицинское учреждение¹²⁷.

Анализ судебной практики свидетельствует, что из-за смешения категорий противоправности и вины российские суды в некоторых случаях вменяют нотариусам повышенный стандарт поведения, связанный с несением ими профессионального риска за любое нарушение закона при совершении нотариального действия, что может привести к установлению безвиновной ответственности нотариусов.

Как было сказано ранее, в делах о возмещении вреда нотариусами анализируется лишь наличие или отсутствие нарушений законодательства о нотариате (наличие или отсутствие противоправности в действиях нотариуса). Вместе с этим, судебная

¹²⁶ Dr. W.H. van Boom. Pure Economic Loss. A Comparative Perspective, pp. 30-31. PURE ECONOMIC LOSS, W.H. van Boom, H. Koziol & C.A. Witting, eds., Wien/New York: Springer, 2004, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=555809> (дата обращения: 27.10.2022).

¹²⁷ Выступление доцента Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидата юридических наук, доцента С.Ю. Макарова на Международной научно-практической конференции на тему: «Нотариат в системе защиты социально-экономических прав», проводимой Институтом государства и права Российской академии наук (г. Москва, 23 марта 2022 г.).

практика констатирует, что нотариус несет профессиональный риск совершения нотариального действия с нарушением закона. Указанные выводы судов могут трактоваться как позволяющие взыскать с нотариуса убытки за нарушение закона при совершении действия без учета его вины, так как в наиболее «свежих» судебных делах нотариусам вменяется повышенный стандарт поведения, указывающий на несение ими профессионального риска за любое нарушение закона при осуществлении их деятельности¹²⁸. Нельзя не отметить, что такая трактовка в некоторой степени противоречит сложившейся мировой практике ограниченного взыскания чисто экономических убытков (в том числе, исключения безвинового взыскания чисто экономических убытков).

На наш взгляд, происходит подмена понятий противоправности как нарушения возложенной на нотариуса обязанности и вины, оцениваемой, как правило, объективно через стандарт поведения. Это приводит к безвиновой ответственности за чисто экономические убытки, что чрезмерно даже для профессиональных участников оборота. Приведем несколько примеров для иллюстрации указанного спорного аспекта деликтной ответственности.

В деле № 49-КГ20-25-К6¹²⁹ нарушением законодательства о нотариате стало неисполнение нотариусом обязанности по установлению личности Истца при оформлении доверенности. При этом Верховный Суд РФ указал, что «закон не предусматривает исчерпывающим образом методы и способы удостоверения личности и проверки подлинности документов, а также перечень применяемых при этом технических средств, оставляя вопрос о полноте и достаточности такой проверки на усмотрение самого

¹²⁸ См., напр.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 16 апреля 2019 г. № 49-КГ19-13 // СПС «КонсультантПлюс».

¹²⁹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 16 марта 2021 г. по делу № 49-КГ20-25-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

нотариуса, который несет профессиональный риск как ненадлежащего совершения нотариальных действий, так и необоснованного отказа в их совершении. При этом обязанность доказать надлежащее исполнение своих обязанностей возлагается на нотариуса <...>. Нотариус будет нести ответственность, если недостаточно внимательно установил личность лица, дееспособность которого отсутствовала».

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 за 2021 г., утвержденном Президиумом ВС РФ 7 апреля 2021 г., применительно к тому же делу № 49-КГ20-25-К6 указывается, что «суд апелляционной инстанции посчитал установленным, что нотариус могла и должна была обратить внимание на несоответствие личности обратившейся за совершением нотариального действия Ф. предъявленному ею паспорту на имя П., в частности, ввиду явного несоответствия возраста»¹³⁰.

Таким образом, ссылкой на отсутствие в законе перечня действий, образующих противоправность, применяется категория стандарта поведения, которая в свою очередь соответствует вине.

В определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 1 декабря 2020 г. по делу № 88-21765/2020 отмечалось, что «к нотариусу предъявлены повышенные требования как к лицу, осуществляющему публичные функции от имени государства по удостоверению бесспорных фактов, в том числе, нотариус должен иметь высшее юридическое образование и сдать квалификационный экзамен»¹³¹.

В деле № 2-4506/2021 Центральный районный суд г. Волгограда также отметил, что «закон не предусматривает исчерпывающим

¹³⁰ Бюллетень ВС РФ. – 2021. – № 7.

¹³¹ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 1 декабря 2020 г. по делу № 88-21765/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

образом методы и способы удостоверения личности и проверки подлинности документов, а также перечень применяемых при этом технических средств, оставляя вопрос о полноте и достоверности такой проверки на усмотрение самого нотариуса, который несет профессиональный риск ненадлежащего совершения нотариальных действий. При этом обязанность доказать надлежащее исполнение своих обязанностей возлагается на нотариуса.

Устанавливая личность Г. 09.08.1962 года рождения и ее соответствие паспортным данным, нотариус могла и должна была обратить внимание на несоответствие личности обратившейся за совершением нотариального действия К. предъявленному ею паспорту на имя Г., в частности ввиду явного несоответствия возраста (22.04.1982 года рождения)».

Справедливости ради надо отметить, что суд упомянутый повышенный стандарт поведения нотариуса использует не только для обоснования его противоправного поведения, но и для установления его вины: «Таким образом, суд полагает, что имеется вина врио нотариуса <...> поскольку нотариус, вопреки требованиям закона, не проявила необходимую для надлежащего исполнения своих обязанностей заботливость и осмотрительность, не установила должным образом личность гражданки, которая намеревалась выдать доверенность другому лицу на отчуждение своей квартиры, вследствие чего Б., полагаясь на удостоверенную нотариусом доверенность, уплатил покупную цену лицу, не имеющему права ни продавать квартиру, ни получать за нее денежные средства»¹³².

¹³² Решение Центрального районного суда г. Волгограда от 21.10.2021 по делу № 2-4506/2021. – URL: <https://судебныерешения.рф/63651783?ysclid=19r9vfrjib493724497> (дата обращения: 27.10.2022).

В противовес безвиновной ответственности российскими судами была высказана позиция о необходимости взыскания убытков с нотариуса исключительно при наличии его вины. Так, на виновный характер ответственности указывалось еще в 2012 году – согласно п. 4 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2012 г., утвержденного Президиумом ВС РФ 10 октября 2012 г.¹³³, денежные средства, внесенные должником на депозитный счет нотариуса и не полученные кредитором в связи с отзывом у банка лицензии на осуществление банковских операций и признанием его банкротом, не подлежат взысканию с нотариуса при условии соблюдения им требований абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ. Следовательно, о безвиновной ответственности в данном случае говорить не приходится.

Во Франции, имеющей принцип генерального деликта, ответственность нотариусов носит деликтный характер и вытекает из общей нормы ст. 1240 ФГК (в послереформенной редакции), согласно которой «*tout fait quelconque de l'homme, qui cause à autrui un dommage, oblige celui par la faute duquel il est arrivé à le réparer*» (все содеянное человеком, причинившим ущерб другому, обязывает того, по чьей вине он причинен, возместить ущерб). Между тем, особые ограничения выражаются в характеристиках вины как элемента состава деликта. Вина в случаях взыскания чисто экономических убытков как раз и выражается в нарушении определенного стандарта поведения – соблюдал ли причинитель вреда принципы «лояльности, честности и добросовестности»¹³⁴. В судебной практике при обсуждении стандарта поведения нотариуса иллюстрируется, что «нотариусы должны обеспечивать действительность и эффективность получаемых ими документов,

¹³³ Бюллетень ВС РФ. – 2013. – № 1.

¹³⁴ C. van Dam. European tort law. Second Edition. Oxford, 2013. P. 210.

будучи связанными обязанностью консультировать стороны. У них есть двойная обязанность: перед составлением документов они должны проверить факты и условия, необходимые для обеспечения их пригодности и эффективности. Затем от них требуется профессионально разъяснить сторонам объем составленных ими документов и ценность гарантий, которые могут быть им предоставлены, чтобы привлечь их внимание к последствиям и рискам документов, подлинность которых они удостоверяют»¹³⁵. Иллюстрация стандарта поведения через вину составляет особенность французского деликтного права, не имеющего противоправность как элемент состава из-за принципа генерального деликта.

В США указывают, что стандарт заботы определяется как обычная и разумная забота, или та степень заботы, выражаемая обычным благоразумным бизнесменом при выполнении обязанностей, вытекающих из закона¹³⁶.

Таким образом, полагаем, что нельзя говорить о необходимости установления безвиновной ответственности нотариуса, а стандарт поведения в таких делах не может подменять противоправность. Он должен использоваться для оценивания вины в делах об ответственности нотариуса в рамках его профессионализма.

Вместе с тем, в результате системного толкования ч. ч. 1 и 2 ст. 17 Основ можно сделать вывод, что в исключение из общего правила об ответственности нотариуса за вину, за вред, причиненный неправомерным отказом в совершении

¹³⁵ COUR DE CASSATION, CIVILE, CHAMBRE CIVILE 1, 22 FÉVRIER 2017, 16-13.096 (Cour d'Appel d' Agen, Chambrecivile, 21.08.2018, №17/00421).

¹³⁶ The Legal Standard of Care for Notaries and Their Employers, 31 J. Marshall L. Rev. 735 (1998). P. 735-748. – URL: <https://repository.law.uic.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1627&context=lawreview> (дата обращения: 30.10.2022).

нотариального действия, а также разглашением сведений о совершенных нотариальных действиях, ответственность нотариуса наступает независимо от вины¹³⁷. Однако ответственность нотариуса в таких случаях ограничена размером реального ущерба. Таким образом, в ч. 2 ст. 17 Основ предусмотрен усеченный состав деликта, когда ответственность наступает при отсутствии одного из условий гражданско-правовой ответственности, в данном случае вины.

Имеет специфику установление вины двух и более нотариусов вследствие признания недействительной дистанционно удостоверенной ими сделки. Дело в том, что в настоящее время в условиях цифровизации в современный нотариат активно внедряются новые виды нотариальных действий, совершаемых с использованием информационных технологий. В связи с этим Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ¹³⁸ Основы законодательства о нотариате были дополнены ст. 53.1 («Сделки, удостоверяемые двумя и более нотариусами»), а ст. 17 Основ дополнена ч. 5, согласно которой в случае удостоверения сделки двумя и более нотариусами ответственность нотариусов за причиненный по их вине вред вследствие признания сделки недействительной является солидарной, за исключением случаев признания ее недействительной в связи с несоблюдением одним из нотариусов требований ст. ст. 42 и 43 Основ. В этом случае нотариус, по вине которого сделка признана недействительной, несет ответственность, предусмотренную ч. 1 ст. 17 Основ.

¹³⁷ Епифанцева Т.Ю. Ответственность нотариуса за причинение вреда // Наследственное право. – 2020. – № 3. – С. 14-16.

¹³⁸ Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 52 (часть I). – Ст. 7798.

Таким образом, специфика заключается в том, что законодатель, закрепляя в ч. 5 ст. 17 Основ модель солидарной ответственности в качестве общего правила, исходит из невозможности при дистанционном удостоверении сделок установить виновное действие какого-либо из нотариусов в отдельности. Исключением, прямо предусмотренным в законе, является нарушение одним из нотариусов положений ст. 42 Основ («Установление личности гражданина, обратившегося за совершением нотариального действия») и ст. 43 Основ («Проверка дееспособности граждан, правоспособности юридических лиц, наличия волеизъявления заявителей, а также полномочий представителей»), что влечет применение к нему мер индивидуальной (личной) имущественной ответственности на началах вины.

Услуга удостоверения сделок двумя нотариусами без непосредственного контакта заинтересованных лиц стала особенно востребованной в период пандемии Covid-19, которая только способствовала развитию дистанционных услуг нотариата¹³⁹ и внедрению цифровых технологий в нотариальную деятельность. В этой связи урегулирование законодателем особенностей имущественной ответственности нотариусов при совершении таких сделок представляется своевременным и адекватным.

В других отраслях права, например, уголовном праве, под виной понимается субъективное психическое отношение лица к своему противоправному поведению и его последствиям, связанное с предвидением неблагоприятных результатов своего поведения и осознанием возможности их предотвращения. Однако в гражданском праве понимание вины специфично, поскольку

¹³⁹ Кириллова Е.А. К вопросу о расширении полномочий нотариуса в условиях цифровизации // Нотариус. – 2022. – № 2. – С. 31-33.

ответственность здесь имеет цель восстановить имущественные потери, компенсировать убытки. В связи с этим различие форм вины в большинстве случаев не имеет юридического значения. По справедливому замечанию Л.В. Щенниковой, подход отечественного законодателя к трактовке условия вины исходит из более точного понимания специфики ответственности в гражданском праве¹⁴⁰.

Российский законодатель, указывая вину как условие гражданско-правовой ответственности нотариуса, не упоминает о ее формах. В других странах, в частности бывших республиках Советского Союза, в законах о нотариате выделяют возможные формы вины. Так, в ст. 22 Закона «О нотариате и нотариальной деятельности» Республики Беларусь различается вина как умышленная, так и неосторожная¹⁴¹. Напротив, в Законе «О нотариате» Республики Армения (ст. 27) к ответственности может быть привлечен нотариус, допустивший нарушение умышленно¹⁴².

Анализ судебной практики показал, что в ряде случаев причинения вреда виновными действиями нотариусов ими были приняты все меры, чтобы снизить размер возмещения вреда и переложить часть своей вины на граждан. Так, супруги Х. обратились к нотариусу с целью нотариального оформления согласия на временный выезд их несовершеннолетнего сына за пределы Российской Федерации без сопровождения. С полученным и нотариально удостоверенным согласием родителей на выезд

¹⁴⁰ Щенникова Л.В. Социальная функция гражданско-правовой ответственности нотариусов // Нотариус. – 2020. – № 6. – С. 20-25.

¹⁴¹ См.: Закон Республики Беларусь от 18 июля 2004 г. «О нотариате и нотариальной деятельности» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2004. – № 120.2/1055.

¹⁴² Закон Республики Армения от 27 декабря 2001 г. № ЗР-274 «О нотариате» // Официальные ведомости Республики Армения. – 2002. – № 2 (177). – Ст. 2.

ребенок явился для прохождения пограничного контроля в Международный аэропорт «Домодедово». Но в пропуске через Государственную границу РФ ему было отказано, поскольку в оформленном согласии была обнаружена ошибка: вместо 2023 г. нотариус указала 1923 г. как год окончания действия согласия. Родители ребенка не сопровождали по уважительным и допустимым законом причинам. Несовершеннолетнего, не допущенного в пункте пропуска через государственную границу, поместили в комнату полиции аэропорта. Родители были вынуждены срочно выехать в Москву для оформления нового нотариального согласия и приобретения нового авиабилета. Соответственно родители понесли значительный ущерб в виде: расходов на проезд в г. Москва, оформление, в том числе, нового, без ошибок, согласия у нотариуса, приобретение нового авиабилета, проживание в гостинице, который они потребовали взыскать с нотариуса, допустившего ошибку. Исковые требования по возмещению вреда были удовлетворены. Имущественный ущерб был взыскан с СПАО «Ингосстрах». Однако принятое решение было оспорено в Апелляционную инстанцию, которая обнаружила вину в действиях самого родителя, подписавшего документ с ошибкой. В решении суда было указано, что возникновению ущерба родитель содействовал сам, подписав собственноручно заполненный нотариусом документ, не проверив его должным образом. Учет вины потерпевшего позволил Апелляционной инстанции снизить размер истребуемой суммы вдвое. Но, кассационная инстанция, рассматривая спор по делу о возмещении вреда, причиненного неправомерными действиями нотариуса, оставила в силе решение мирового судьи о взыскании суммы ущерба в полном объеме¹⁴³.

¹⁴³ См.: Постановление Президиума Верховного Суда Республики Мордовия от 20

Специфика причинно-следственной связи по делам о взыскании убытков с нотариусов. Мировая практика взыскания чисто экономических убытков выделяет особые критерии наличия причинно-следственной связи для данной категории дел. Между тем, в российской судебной практике отсутствует специальный подход к решению вопроса о наличии причинно-следственной связи по делам о взыскании убытков с нотариусов, суды ограничиваются адекватной причинностью.

Как мы отмечали выше, и российский, и зарубежный опыт отмечают особый статус нотариуса и его профессиональные навыки как юридически значимое обстоятельство по рассматриваемой нами категории дел. Указывается, что нотариус, как лицо, обладающее публичными полномочиями, действует не только в интересах тех, кто обратился к нему за совершением нотариальных действий, но и третьих лиц (в том числе лиц, интересы которых могут быть защищены таким нотариальным действием). Это может означать, что нотариус, совершая нотариальные действия с нарушением закона, должен предвидеть причинение вреда и таким третьим лицам.

Критерий предвидимости выделяется в зарубежной практике как необходимый для взыскания чисто экономических убытков. Так, в англо-американском праве известен трехступенчатый «тест Капаро», устанавливающий следующие основания для взыскания чисто экономических убытков: *foreseeability* (ответчик мог предвидеть, что наносит вред), *proximity* («близость» – связь, при которой действия причинителя вреда непосредственно влияют на потерпевшего), «*fair, just and reasonable*» (возложение обязанности

заботы должно быть справедливым и обоснованным)¹⁴⁴. Между тем, российские суды вопрос предвидимости как элемента причинно-следственной связи в рассматриваемой нами категории споров не комментировали.

Во Франции причиненный вред должен быть «личным, определенным и законным», а также находиться в прямой (непосредственной) причинно-следственной связи с поведением ответчика. В случае, если суд установит, что причинно-следственная связь носит лишь косвенный характер, иск о возмещении чисто экономических убытков не подлежит удовлетворению. Так, например, организатору концерта было отказано в удовлетворении иска к лицу, виновному в аварии, в которой пострадал певец, вследствие чего пришлось отменить концерт (в этом случае причинно-следственная связь была признана «косвенной»). Между тем, в другом деле, завод обратился с иском о возмещении убытков в связи с приостановкой своей деятельности к лицу, виновному в разрыве газопровода, и такой иск был удовлетворен (судом установлено, что завод приостановил деятельность из-за разрыва газопровода, и такая причинно-следственная связь была признана «прямой»). Так, несмотря на названные ограничения в характере связи, французскую модель можно считать наиболее щедрой на взыскание чисто экономических убытков¹⁴⁵.

Российские суды, по общему правилу, исходят из концепции адекватной причинности. Так, при установлении причинной связи между нарушением обязательства и убытками необходимо учитывать, в частности, то, к каким последствиям в обычных

¹⁴⁴ W.H. van Boom, H. Koziol & C. A. Witting, eds. Pure economic loss. Wien/New York: Springer, 2004. P. 112-115.

¹⁴⁵ C. van Dam. European tort law. Second Edition. Oxford, 2013. P. 210-211.

условиях гражданского оборота могло привести подобное нарушение. Если возникновение убытков, возмещения которых требует кредитор, является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7¹⁴⁶).

Специальные критерии определения наличия или отсутствия причинно-следственной связи по рассматриваемой нами категории споров не сформированы.

Вместе с тем, существуют дела, где установив факт виновных противоправных действий нотариуса, суд отказывает в удовлетворении иска ввиду отсутствия причинно-следственной связи. Так, определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 1 июля 2021 г. по делу № 88-14379/2021 установлено, что нотариус направил извещение о намерении продать долю в праве собственности на недвижимое имущество путем телеграммы, что является нарушением законодательства о нотариате. В дальнейшем судом был удовлетворен иск долевого собственника о переводе прав и обязанностей покупателя по договору купли-продажи доли в праве собственности на том основании, что при заключении договора купли-продажи было нарушено право истца на преимущественную покупку доли. Между тем, в качестве основания для признания права на преимущественную покупку доли нарушенным суд признал не нарушение нотариусом законодательства, а тот факт, что у указанного лица имелись уважительные причины для неполучения

¹⁴⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень ВС РФ. – 2016. – № 5.

телеграммы в связи с нахождением на лечении, в связи с чем положения ст. 165.1 ГК РФ о получении юридически значимого сообщения применены быть не могли. При таких обстоятельствах иск был отклонен в связи с отсутствием причинно-следственной связи.

Специфика объектов взыскания при гражданском правонарушении, совершенном нотариусом. В ч. 3 ст. 17 Основ подробно устанавливается, за счет какого имущества должен быть возмещен вред, и определяется очередность возможных объектов. Так, в первую очередь вред возмещается из страхового возмещения по договору страхования гражданской ответственности самого нотариуса. Во-вторых, при его недостаточности – за счет страхового возмещения по договору коллективного страхования гражданско-правовой ответственности, заключенному нотариальной палатой. В третью очередь, в тех случаях, когда страховые суммы не покрывают действительный вред, причиненный деяниями нотариуса, компенсация непогашенной суммы происходит за счет личного имущества нотариуса. Наконец, если и личного имущества недостаточно, законом предусмотрена возможность компенсации из специально образованного Федеральной нотариальной палатой компенсационного фонда. С учетом всех потенциально возможных объектов для взыскания трудно себе представить ситуацию, чтобы имущественный вред, причиненный российским нотариусом, не был возмещен.

Вместе с тем, суды иногда неправомерно исключают нотариусов из числа надлежащих ответчиков, не выясняют, действовал ли договор страхования в период совершения нотариусом нотариальных действий и с каким лимитом ответственности. Так, определением судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей

юрисдикции от 31.03.2022 было отменено апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 22.09.2021, дело направлено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Как установил суд, А.Т.М., Ц.Б.М., Б.О.В., К.В.Ю. как наследникам третьей очереди по праву представления к имуществу умершего Ц.И.В. были выданы свидетельства о праве на наследство по закону. При этом при выдаче свидетельств врио нотариуса Н. был неправильно определен размер долей в наследственном имуществе. Исходя из ошибочного распределения долей, наследники Ц.Б.М. и Б.О.В. получили часть денежных средств, хранившихся во вкладах наследодателя, при отсутствии на то законных оснований.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 22.09.2021 в пользу А.Т.М. было взыскано с Ц.Б.М. и Б.О.В. неосновательное обогащение в сумме 213 413 рублей 83 копейки и расходы по уплате государственной пошлины в сумме 5 334 рубля в равных долях. С Ц.Б.М. в пользу А.Т.М. были также взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами в сумме 1 031 рубль 25 копеек. В удовлетворении требований к врио нотариуса Н. А.Т.М. было отказано. Суд апелляционной инстанции, удовлетворяя иски А.Т.М. и взыскивая с Ц.Б.М. и Б.О.В. неосновательное обогащение в равных долях, не учел, что в праве на наследство в виде денежных средств у них разные доли, а также необоснованно исключил врио нотариуса Н., выдавшего свидетельства и ошибочно определившего большие доли ответчикам, из числа ответчиков как ненадлежащего ответчика. Ответственность за ошибки нотариуса, в результате действий которого были выданы свидетельства, которые были признаны

132

судом недействительными, суд переложил на ответчиков Ц.Б.М. и Б.О.В., полагая, что ответчики сами должны были определять свои доли в наследственном имуществе. Суд также не учел, что нотариус об ошибочности определенных долей в наследстве наследников не уведомлял. Суд не выяснил, действовал ли договор страхования в период совершения врио нотариуса Н. нотариальных действий.

При новом рассмотрении дела определением судебной коллегии по гражданским делам от 30.05.2022 САО «ВСК» привлечено к участию в деле в качестве соответчика. В апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 23.06.2022 по делу № 33-6662/2022 судебная коллегия пришла к правильному выводу, что ущерб А.Т.М. в виде недополученных денежных средств в сумме 213 413 рублей 83 копейки, находящихся на счетах наследодателя, должен быть возмещен за счет страховой компании САО «ВСК», застраховавшей ответственность нотариуса, поскольку убытки причинены неправомерными действиями врио нотариуса Н., выдавшего свидетельства о праве на наследство наследникам не соответствующие закону, исходя из ошибочного распределения долей. По мнению судебной коллегии, вины в причинении А.Т.М. ущерба со стороны других наследников нет, поскольку обратившись к нотариусу они рассчитывали на получение квалифицированной услуги по ведению нотариальных дел. В удовлетворении исковых требований А.Т.М. о взыскании неосновательного обогащения с Ц.Б.М. и Б.О.В., убытков с врио нотариуса Н. было отказано. Расходы по уплате государственной пошлины в сумме 5 334 рубля также были взысканы в пользу А.Т.М. с САО «ВСК». Ввиду того, что основания для наступления страхового случая установлены настоящим судебным

постановлением, САО «ВСК» не пользовалось чужими денежными средствами, поэтому в удовлетворении исковых требований А.Т.М. о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами с САО «ВСК» было отказано¹⁴⁷.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. В России складывается судебная практика, подтверждающая возможность взыскания убытков с нотариусов в ситуации, когда нет напрямую вреда личности или имуществу потерпевшего (чисто экономических убытков). При этом суды ссылаются на общие нормы об убытках и причинении вреда (ст. ст. 15, 1064 ГК РФ), а также на положения ст. 17 Основ законодательства о нотариате (специальная норма, закрепляющая обязанность нотариуса в установленных случаях возместить вред). Особая природа таких убытков как чисто экономических не принимается судами во внимание и фактически не влияет на возможность взыскания указанных убытков. Размер убытков определяется общими положениями об убытках (ст. 15 ГК РФ) с учетом ст. 17 Основ законодательства о нотариате.

2. Противоправность при деликте нотариуса определяется судами как нарушение обязанности, возложенной на нотариуса законодательством о нотариате. Она охватывает любое нарушение Основ законодательства о нотариате. В то же время, суды к нотариусам предъявляют повышенный стандарт поведения, заключающийся в том, что в силу специального статуса, а также знаний и навыков, нотариусы несут профессиональный риск совершения нотариального действия с нарушением закона. Между тем, возложение на нотариуса риска может привести к безвиновной ответственности, что противоречит мировой практике взыскания

¹⁴⁷ Архив Волгоградского областного суда.

чисто экономических убытков и подходу к объективному оцениванию вины.

3. Особый подход в определении причинно-следственной связи в рассматриваемой категории дел в Российской Федерации не выработан. Суды ориентируются на концепцию адекватной причинности – это общий подход для дел о взыскании убытков российскими судами. В проанализированных делах суды зачастую констатировали наличие прямой причинно-следственной связи между действиями (бездействием) нотариуса и причиненным ущербом. Между тем, зарубежные правовые порядки выработали иные критерии причинно-следственной связи для дел о взыскании чисто экономических убытков, применимость которых в России пока требует дальнейшего исследования.

4. На данном этапе взыскание убытков с нотариусов не сталкивается с проблемой обоснования возможности взыскания чисто экономических убытков как таковых в российском праве, речь идет в большей степени об определении стандарта поведения нотариуса, что является дополнительным подтверждением господства в России принципа генерального деликта.

Таким образом, в ст. 17 Основ достаточно подробно урегулирована имущественная ответственность нотариуса, устанавливая нормативно все необходимые условия, при которых она наступает, а также возможные объекты для наложения взыскания, системный анализ которых позволяет сделать вывод об урегулировании в ней в качестве специального деликта гражданско-правовой ответственности нотариуса, специфика которой предопределяется направлением развития судебной практики.

Глава 4. Планирование хозяйственной деятельности в условиях цифровизации и позитивная (социальная) ответственность субъектов

В рамках применения концепции позитивной ответственности, согласно которой происходит добровольное исполнение своих обязанностей субъектом права, следует вести речь о необходимости планирования своей деятельности субъектом предпринимательских отношений, которое позволит обеспечить непрерывность осуществления производства товаров и (или) их реализацию и в целом, предупредить нестабильность оборота и рост правонарушений. Кроме того, в современных условиях санкционного давления зарубежных стран на Россию перед государством остро встает необходимость структурной перестройки экономики, и в первую очередь нужен переход от модели либеральной рыночной экономики к модели мобилизационной экономики¹⁴⁸.

Одним из функциональных элементов государственного воздействия на экономику является государственное планирование хозяйственной деятельности. Однако, как образно выразился В.В. Ванин, к сожалению, либеральной «волной» реформ был «смыт» бесценный опыт планирования, наработанный в СССР; теоретические разработки в этой сфере, как юристов, так и экономистов, оказались невостребованными и постепенно «заглохли»¹⁴⁹. Даже в учебной литературе по

¹⁴⁸ Катасонов В.Ю. Государственная валютная монополия – ещё актуально? [Электронный ресурс] <https://www.fondsk.ru/news/2022/04/17/gosudarstvennaja-valjutnaja-monopolija-esche-aktualno-55994.html> (дата обращения: 20.10.2022).

¹⁴⁹ Ванин В.В. Правовые проблемы государственного программно-целевого планирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 4.

предпринимательскому праву, изданной в последние годы, отсутствуют специальные разделы, посвященные вопросам правового регулирования предпринимательской деятельности.

Вместе с тем, как справедливо отметил профессор Токийского университета Сабуро Окито, автор плана удвоения национального дохода Японии, «любое крупное преобразование должно быть тщательно подготовлено, то есть ему должна предшествовать разработка плана или программы преобразований»¹⁵⁰. Этот тезис применим к любому уровню управления народным хозяйством – к национальной экономике в целом, к отрасли, к отдельному предприятию, фирме, организации.

О важности функции планирования в западной литературе по бизнесу приводится такое утверждение: «Планирование – не самое главное, планирование – это все»¹⁵¹.

Планирование и план – термины многозначные, и поэтому в литературе можно встретить различные определения этих понятий.

Планирование как общее понятие – это процесс моделирования вариантов развития объекта (явления) на определенный период, оценки, сравнения, выбора и разработки промежуточных и конечных показателей реализации плана.

В свою очередь план – это разработанный на определенный период процесс реализации мероприятия (вида деятельности,

¹⁵⁰ См. об этом: Дрогомирецкий И.И., Кантор Е.Л., Маховикова Г.А. Планирование на предприятии: конспект лекций. [Электронный ресурс] <https://mybook.ru/author/evgenij-lazarevich-kantor/planirovanie-na-predpriyatii-konspekt-lekcij/read>. (дата обращения: 20.10.2022).

¹⁵¹ Хоскинг А. Курс предпринимательства: Практическое пособие: Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 1993. – 352 с.; Legal and Liability Issues that Should be Considered In a Business Plan [Electronic resource] <https://agecoext.tamu.edu/wp-content/uploads/2016/10/G.-Legal-and-Liability-Planning.pdf> (date of application:20.10.2022); McAuslan J.P.W.B. Planning Law's Contribution to the Problems of an Urban Society // The Modern Law Review. – 1974. – Vol. 37. N 2. – P. 134-153. [Electronic resource] <https://www.jstor.org/stable/1094339> (date of application:20.10.2022).

технологии, развития предприятия), включающий его цели, содержание и показатели.

Таким образом, сущность планирования заключается в научном обосновании предстоящих экономических целей развития и форм хозяйственной деятельности; выборе наилучших способов их осуществления на основе наиболее полного выявления требуемых рынком видов, объемов и сроков выпуска товаров и установления таких показателей их производства, распределения и потребления, которые при полном использовании ограниченных производственных ресурсов могут привести к достижению ожидаемых в будущем качественных и количественных результатов.

Процесс планирования проходит обычно несколько стадий (этапов). Принято выделять четыре основных этапа планирования: разработка общих целей, определение конкретных задач, выбор основных путей и средств их достижения, контроль за их исполнением.

Известный экономист Э. Шнейдер подчеркивал, что «экономическая политика также немыслима без планирования, как хозяйственная деятельность вообще. Каждый, кто принимает решения в сфере экономики, должен планировать. По этому пункту не может существовать двух мнений. Единственно, что важно и может быть предметом обсуждения, – вопрос о форме и видах государственного планирования»¹⁵².

Обязательным условием планирования является множество вариантов возможных действий, из которых следует выбрать какое-то одно наиболее эффективное с точки зрения планирующего субъекта. Отсутствие выбора означает, что решение уже кем-то

¹⁵² См. об этом: Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. – М.: 2005. – С. 189.

принято и его нужно выполнять или по крайней мере стремиться его изменить, если по мнению исполнителя оно недостаточно эффективно.

В планировании изначально заложено противоречие между тем, кто планирует, и тем, кто осуществляет принятое решение. Его разрешение возможно или путем установления обязательности принятого решения для исполнения, или путем предоставления права полностью отказаться от выполнения решения или хотя бы частично изменить его в случае возникновения непреодолимых обстоятельств, непредусмотренных планирующим субъектом при утверждении плана.

Хозяйственная деятельность осуществляется для удовлетворения потребностей людей. Планирование предполагает знание этих потребностей. В противном случае потребителям будут навязываться решения, не совпадающие с их запросами. Следовательно, другим неотъемлемым элементом процесса планирования является знание потребностей людей, которые предполагается удовлетворить¹⁵³.

В зависимости от распределения прав в области планирования между центральным государственным аппаратом и предприятиями различают два вида государственного планирования:

- авторитарное планирование (директивное планирование);
- индикативное планирование (от латинского «указывать»).

При авторитарном планировании координация хозяйственной деятельности производится государством путем прямого установления предприятиям заданий по выпуску продукции и сроков их выполнения. Реализация авторитарных планов обеспечивается средствами государственного воздействия.

¹⁵³ Мартемьянов В.С. Хозяйственное право зарубежных стран. – Москва: Издательство «БЕК», 1994. – С. 215-216.

Принятое государственное решение должно неукоснительно выполняться всеми участниками хозяйственной деятельности.

Центральным государственным органам приходится учитывать различные внутренние и внешние факторы, а также решать проблемы, которые объективно обуславливают координацию хозяйственной деятельности предприятий, основанной, как на государственной собственности, так и на других формах собственности. К ним относится обеспечение стабильности и роста занятости населения, роста производства, информационного обеспечения деятельности предприятий, уменьшение риска и неопределенности при осуществлении хозяйственной деятельности, борьба против тайных сговоров между производителями и предпринимателями, недобросовестной конкуренцией и т. д.

В этом заключается преимущество авторитарного планирования. Однако у него есть и недостатки.

При использовании исключительно директивного планирования уменьшается поток информации, идущей снизу вверх, от предприятий в центральный планирующий орган, который, не обладая полнотой информации, может принять и часто принимает экономически необоснованные и неверные решения. При этом ошибочное государственное решение тоже выполняется, что приводит к убыткам, размер которых значителен, так как государственное планирование действует на территории всей страны. В таких случаях государственное авторитарное планирование превращается из средства, предотвращающего экономические потери, в свой антипод, в действие, наносящее ущерб экономике страны.

Именно поэтому необходимо, чтобы предприятия не только собирали и передавали информацию в государственные органы, но и сами выполняли определенные расчеты и разрабатывали планы.

Как отмечает А.Ю. Школьников, директивное планирование должно существовать на верхних уровнях экономической системы, а внизу должно применяться индикативное планирование, предоставляющее определенную свободу предприятиям и предпринимателям. Если бы руководители СССР вовремя поняли, что темпы создания предприятий группы А (производство средств производства) уже можно снизить и больше развивать предприятия группы Б (народное потребление), то история пошла бы по другому пути¹⁵⁴.

При индикативном планировании из множества вариантов предприятия выбирают такие хозяйственные цели, которые им наиболее выгодны в данном плановом периоде. Однако предприятиям приходится учитывать множество различных условий, приспособляться к постоянно изменяющейся рыночной обстановке. Большинство из складывающихся обстоятельств предприятия сами изменить не могут, поскольку эти условия находятся не в их власти. В этом состоит недостаток индикативного планирования.

Следовательно, избежать недостатков государственного планирования возможно путем гармоничного сочетания различных видов планирования.

Надо отметить, что государства предпринимают много практических шагов по соединению элементов индикативного и авторитарного воздействия на экономические отношения. Наиболее известны две модели: французская и немецкая, получившая название контурного планирования. Причем обе модели имеют много общего: они исходят из необходимости планирования на

¹⁵⁴ Школьников А.Ю. Записки об экономике: государственный контроль и частная инициатива. [Электронный ресурс] <https://shkolnikov.info/articles/6-jekonomika/102340-zapiski-ob-jekonomike-gosudarstvennyy-kontrol-i-chastnaja-initsiativa> (дата обращения: 20.10.2022).

макроэкономическом уровне и максимальном развитии конкуренции на микроэкономическом уровне по принципу «конкуренция – насколько возможно, планирование – насколько необходимо»; допускают прямое воздействие на государственный сектор экономики; по отношению к негосударственным предприятиям используются средства государственно-экономического воздействия (налоги, кредиты, льготы и другие преференции) и исключается прямое административное воздействие; содержат прогноз экономического роста на долгосрочную и среднесрочную перспективу.

Определяя направления своей экономической политики на плановый период, государство через свои центральные планирующие органы может создавать обстановку, при которой частным предприятиям более выгодно включать в свои планы то, что соответствует целям государства. Иными словами, не обладая формальным правом утверждать планы частных предприятий, государственные планирующие органы тем не менее могут создавать для них такие условия, при которых цели государственных планов для предприятий более привлекательны, чем какие-либо иные хозяйственные цели.

Государство составляет план-прогноз, в котором определяются предполагаемые направления безубыточного развития экономики с максимальными для данного этапа темпами роста совокупного общественного продукта. Если предприятия будут следовать содержащимся в прогнозе рекомендациям, их продукция будет находить спрос у покупателей, они получат прибыль, смогут развивать свое производство. Планирование на предприятии заключается в установлении целей его деятельности на определенный период, путей их реализации и ресурсного обеспечения. Внутрипроизводственное планирование на

микроуровне позволяет находить ответы на фундаментальные вопросы, определяющие основное содержание как собственной деятельности конкретного предприятия, так и всей экономической системы в целом; эти вопросы заключаются в следующем:

1. Какую продукцию, товары или услуги следует производить на предприятии?

2. Сколько продукции выгодно предприятию производить, и какие экономические ресурсы следует использовать?

3. Как эту продукцию надо производить, какую технологию применять и как организовать производство?

4. Кто будет потреблять производимую продукцию, по каким ценам ее можно продавать?

5. Как предприятие может приспособиться к рынку, и как оно будет адаптироваться к внутренним и внешним изменениям рынка?

Из этих фундаментальных вопросов вытекает, что основным объектом внутрихозяйственного планирования на предприятиях служит взаимосвязанная система планово-экономических показателей, характеризующих процесс производства, распределения и потребления товаров и ресурсов.

Планирование, таким образом, заключается в выработке решений о том, в каком направлении и как вести хозяйственную деятельность. Индикативное планирование создает условия для гармоничного сочетания общегосударственных публичных интересов с частными интересами каждого отдельного предприятия. То, что в индикативном плане противоречит экономическим интересам предприятий, ими отвергается. При этом важно отметить, что планы предприятий реализуются посредством заключения договоров между субъектами. Получается, что договор в таком случае выступает важным инструментом планирования хозяйственной деятельности.

Необходимость индикативного планирования заставляет государственные органы обеспечивать прямо и косвенно следующие меры: создание и распространение плановой информации среди субъектов хозяйственной деятельности; координацию действий и обмен плановой информацией между такими субъектами. Кроме того, важно отметить, что методы авторитарного и индикативного планирования обычно не применяются в чистом виде отдельно друг от друга. В индикативном планировании всегда присутствуют некоторые элементы авторитарности и наоборот.

Директивное планирование предполагает обязательность плановых показателей и установление ответственности соответствующих субъектов за их невыполнение. Не случайно согласно подпункту 7 статьи 7 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹⁵⁵ одним из принципов стратегического планирования является принцип ответственности участников стратегического планирования, в соответствии с которым участники стратегического планирования несут ответственность за своевременность и качество разработки и корректировки документов стратегического планирования, осуществления мероприятий по достижению целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности России и за результативность и эффективность решения задач социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности России в пределах своей компетенции в соответствии с законодательством РФ.

¹⁵⁵ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3378.

Законодательное закрепление обязанности конкретных государственных органов разрабатывать планы или программы по определенным в законе направлениям развития, определение того или иного статуса этих планов и программ предполагает регламентацию широкого круга вопросов хозяйственной деятельности, с которыми сталкиваются все субъекты хозяйствования. В частности, планирование предполагает квотирование выпуска, импорта и экспорта отдельных видов продукции, регулирование государством цен на значительную часть товаров, определение обязательных требований к качеству товаров, предоставление льгот, дотаций, субсидий и т. п. Познание этого обширного нормативного материала требует изучения всего массива правового обеспечения государственного регулирования экономики.

Индикативное планирование предполагает установление в плане определенных показателей с целью достижения пропорциональности и планомерности развития. Вопрос об обязательности или необязательности индикативного планирования должен решаться исходя из юридической силы акта, в котором содержатся показатели¹⁵⁶. Обычно обязательные плановые акты с юридической точки зрения содержат нормы права, то есть являются нормативными правовыми актами.

Правовое регулирование отношений индикативного планирования осуществляется, в основном, в форме подзаконных нормативных актов. К основным чертам регулирования можно отнести следующие: не применяется прямое воздействие на предприятия путем установления прав и определения юридических

¹⁵⁶ Курбатов И.А. Государственное планирование как средство достижения целей социального государства. [Электронный ресурс] <https://wiselawyer.ru/poleznoe/79294-gosudarstvennoe-planirovanie-sredstvo-dostizheniya-celej-socialnogo-gosudarstva> (дата обращения: 20.10.2022).

обязанностей; предприятиям разрешено самим выбирать способы достижения рекомендуемых в плане экономических целей, вплоть до полного отказа от следования плановым целям; если возникают убытки и другие издержки при выполнении заданий индикативного плана, то они полностью относятся на предприятия, хотя государство в отдельных случаях может оказать временную финансовую помощь.

Итак, в заключение отметим, что сегодня стало очевидным, что для дальнейшего развития и вообще выживания нашей страны нет альтернативы государственному планированию. При этом централизованное директивное планирование на макроэкономическом уровне следует сочетать со свободой хозяйственной деятельности конкретного индивида и конкретного предприятия на микроуровне. Вопрос об идеальном сочетании указанных принципов и методов достаточно сложен, и поэтому при его решении нужно помнить, что то, что работало в интенсивно растущей, расширяющейся экономической системе, может совсем по-другому проявиться в замкнутой системе, в экономике, основанной на разделении знания и углублении труда. В то же время использование цифровых технологий значительно упрощает планирование хозяйственной деятельности.

Глава 5 Цифровизация уголовного судопроизводства: история, зарубежный опыт, проблемы и перспективы

5.1 Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве зарубежных стран

Сегодня информатизация и цифровизация общества имеют глобальные масштабы и затронули всех субъектов международного права. Под воздействием экономических, политических, идеологических и других факторов процессы внедрения цифровизации в структуру государства происходят по-разному: прогрессивно, революционно или, напротив, медленно и поступательно. Для усовершенствования различных сторон жизни общества, для экономии ресурсов и времени в широких масштабах используются цифровые технологии. Однако технологический прогресс всегда имеет обратную сторону – человеческий фактор. Такая двойственность и является причиной различной степени внедрения современных технологий в сферу уголовного судопроизводства. Рассмотрим несколько подходов к использованию цифровых технологий в судебном производстве по уголовным делам на примере ряда зарубежных стран.

Современной политика государства среди приоритетных направлений развития выделяет необходимость наличия качественного и эффективного обеспечения дистанционного формата обмена информацией. Благодаря заблаговременному вниманию международного сообщества к данной проблеме пандемийный кризис 2020 года был урегулирован и миновал намного быстрее.

В судопроизводстве большинства стран (и Россия не исключение) не ново использование видеоконференц-связи. Тем не

менее, меняются сами технологии (появляются всё более усовершенствованные) и активность их применения. Например, в Латвии в период пандемии электронная цифровая подпись позволила перевести судебное заседание в цифровой формат с использованием платформы Zoom. Вместе со Швейцарией был разработан проект обеспечения судебных органов всем необходимым оборудованием. Латвийско-Швейцарское соглашение не решило проблему нехватки помещений для осуществления правосудия в удаленном режиме, и данная проблема привела к усложнению отправления правосудия в стране. Главным назначением применения ИКТ в праве должно быть упрощение судебных процессов, чтобы получить доступное и справедливое правосудие.

Внедрение цифровизации в судебную систему Великобритании стало возможным благодаря прогрессивным взглядам местных ученых. Под руководством британского ученого Ричарда Сасскинда был разработан проект «Remote Courts Worldwide», его целью являлся сбор и анализ опыта применения цифровых технологий в отпращивании удаленного судопроизводства различных стран. Данные статистики подтвердили необходимость подготовки государств к изменениям в мире в сторону всеобщей информатизации. По окончании проведенного Ричардом Сасскиндом исследования были выявлены временные перспективы, которые необходимо преодолеть для полноценного функционирования судебной системы: краткосрочную (минимизация сбоев в работе судебных органов в удаленном формате, стабилизация и совершенствование специальных систем), среднесрочную (учет опыта удаленного судебного производства в целях повышения качества программ, существовавших до кризиса) и долгосрочную (радикальное изменение судебной системы,

построение новой технологически прогрессивной и устойчивой). Ученый смело заявляет, что «асинхронные слушания, искусственный интеллект и виртуальная реальность являются центральными столпами наших судебных систем»¹⁵⁷.

Для успешного проведения судебных заседаний в период пандемии коронавируса Правительство Великобритании принимает решение о введении руководства (регламента). В регламенте прописываются не только инструкции к проведению удаленного судебного разбирательства, но и право судьи выбирать формат заседания: очный, онлайн или гибридный. Исходя из собственного мнения и мнения правосудия судья, с учетом факторов, необходимых для принятия объективного решения по делу, определяет формат заседания.

Прорывом в процессе внедрения цифровых технологий в судопроизводство стало введение телефонной программы VTMeetMe, определившей проблему нехватки оснащенности оборудования в специализированных учреждениях как незначительной, также система значительно облегчила процесс подключения сторон уголовного процесса к судебному заседанию. Платформа Skype for Business предоставляет возможность бесплатного подключения к конференции с помощью распространения ссылки участникам уголовного судопроизводства. Участнику, перешедшему по данной ссылке, присваивается статус «гость».

Помимо разнообразия платформ для подключения также необходимо действовать согласно прописанному регламенту, который предусматривает инструкцию подключения к

¹⁵⁷ Susskind, R. (2020). The Future of Courts, In the Harvard Law School Center on the Legal Profession. The Practice, 6 (5), available at: www.thepractice.law.harvard.edu/article/the-future-of-courts/ (дата обращения: 17.11.2022).

конференции определенного лица, изоляцию помещения от внешнего воздействия, наличие исправного оборудования. Для участников конкретного судебного заседания разработаны индивидуальные инструкции, следовать которым необходимо, так как в них разъясняются проблемы подключения к разрешенным платформам. За обеспечением хранения записи судебного разбирательства следят помощники (модераторы) из Службы судов. В связи с увеличением спроса на проведение онлайн-заседаний были увеличены облачные хранилища платформ и разработаны регламенты и инструкции.

Относительно удаленного судебного заседания в США, в связи со спецификой судебной системы, решение о его применении принимается на уровне руководства штатов. Ряд слушаний по делам об условно-досрочном освобождении, при предъявлении обвинения, при разрешении срочных ходатайств и рассмотрении дела по существу, с марта 2020 года в США являлись основными видами удаленных судопроизводств по уголовным делам.

Опыт применения США видео-конференцсвязи не отличается от опыта других стран в применении таких платформ как Zoom и YouTube. Мнение о применении принципа гласности судебного разбирательства в подобных ситуациях не раз обсуждалось среди судей. С целью предоставления открытого доступа к судебному заседанию США предусмотрело подключение к заседанию через платформу YouTube. Однако, хранение, передача, ведение записи судебного заседания запрещены, в связи с чем необходимо удалять видео с платформы сразу по окончании разбирательства.

Республика Беларусь начала постепенное введение ИКТ в правосудие таким способом как обеспечение средствами видеоконференц-связи по рассмотрению дел гражданского судопроизводства. Исходя из опыта карантинного периода стало

ясно, что трудности отправления правосудия обусловлены неспособностью обеспечить здания судов необходимым оборудованием. В связи с этим, распространение удаленного правосудия ограничилось возможностью удаленного подключения сторон к разбирательству путем подключения через платформы Viber и Skype.

С точки зрения интеграции цифровых государственных услуг и цифровых технологий, использования Интернета, развития цифровых умений, развертыванию и уровню связи Нидерланды, по мнению Европейской Комиссии, оценивающей индекс цифровой экономики и общества (Digital Economy and Society Index (DESI)), занимают лидирующую позицию в области цифровизации. Одной из главнейших платформ в области права в Нидерландах с 2018 года считается сайт, посредством которого подаются дела для рассмотрения в цифровом формате, – веб-портал Верховного суда. На начальном этапе на платформу загружались уголовные дела либо дела о конфискации, а, начиная с 2020 года, направления судебных разбирательств значительно возросли. Веб-портал Верховного суда позволяет прокурорам, защитникам и другим участникам уголовного процесса просматривать, скачивать, а также подгружать (если у лица есть такое право) необходимые материалы. Независимо от времени, документы с портала доступны в полном объеме. Существенным изменением в процедуре рассмотрения дел стало назначение адвокатов-защитников с помощью платформы¹⁵⁸.

Как и любой другой процесс, введение удаленной работы имело как положительную, так и отрицательную стороны:

¹⁵⁸ Editorial lawyer's Guide. (2020). Supreme council criminal cases: fax required, In Lawyer's magazine, available at: www.advocatenblad.nl/2020/02/04/strafzaken-hoge-raad-post-en-fax-overbodig/

электронный формат общения являлся вынужденной необходимостью, но, в то же время появилась некая сила, способствующая стремительному развитию ИКТ и внедрению его в жизнь. Так же как и в других странах, безопасный способ ведения судебного производства был введен в Нидерландах. По мнению Е.К. Антоновича сообщество европейских стран в период начала цифровизации в сфере юриспруденции проявило надежность и устойчивость¹⁵⁹. Хотя наряду с положительными отзывами юристов о прогрессивности, оперативности процесса с использованием цифровых технологий, неизбежны утверждения и о высокой степени интенсивности цифровизации, вызывающей невозможность успеть за изменениями, в том числе меняющимися потребностями членов общества.

Принципы права на защиту подсудимого, гласности и равенства сторон послужили главными условиями внедрения ИКТ в судопроизводство Нидерландов. Принимая во внимание роль подсудимого, зависимого от решения суда, стоит отметить важность соблюдения принципа справедливого и открытого слушания, который, согласно мнению Европейского суда по правам человека, осуществляется в полной мере посредством участия через видео-конференцсвязь. Ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейской Конвенции) гласит, что использование в судебном разбирательстве видеоконференц-связи не противоречит принципам судопроизводства. Так, данное утверждение нашло законодательное закрепление в ряде таких нормативных актов, как: Европейская Конвенция о взаимной правовой помощи по

¹⁵⁹ Антонович Е.К. (2020). Электронное правосудие по уголовным делам в Нидерландах: современное состояние и перспективы // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. 136-149.

уголовным делам (ст. 9), Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами-членами Европейского Союза (ст. 10). Однако, несмотря на множество положительных сторон использования видео-конференцсвязи, мнение Европейского суда по правам человека о мотивированном подключении мы считаем рациональным. Так, удаленное производство может проводиться в тех случаях, когда в судопроизводстве необходимо обеспечить защиту общественной безопасности, свидетелей, обеспечение правопорядка¹⁶⁰.

В период пандемии правосудие европейских стран положительно встретило тенденцию информатизации. Вместе с тем, ученые-правоведы высказались о минусах удаленного судопроизводства, исключающего конфиденциальность защитника и подзащитного. Связь с защитником у подозреваемого, обвиняемого и (или) подсудимого обеспечивается конфиденциально в рамках досудебного и судебного производства. Обеспечение подзащитного электронным переговорным устройством, необходимым для связи с адвокатом-защитником, не представляет труда, и зависит от наличия бесперебойной мобильной связи. Соблюсти конфиденциальность в таком случае затруднительно, однако, именно при ее наличии гарантируется передача без утечек информации. В результате было принято решение использовать в комнатах для допросов и консультаций плексиглас – органическое стекло.

При проведении судебных заседаний с использованием видео-конференцсвязи возможны некоторые проблемы. Так, во время судебного заседания, длящегося ввиду ограниченности трансляции

¹⁶⁰ The case of Marcello Viola v. Italy (Application No. 45106/04). Judgment of the European Court of Justice of 5 October 2006 (extract). The judgment was published in the Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. No. 4/2007.

45 минут, суд не представил возможность подсудимому последнего слова перед вынесением приговора, что стало предметом бурного обсуждения общественности Нидерландов. Просветил ситуацию журналист Роб Зийлстра. В своем блоге он опубликовал информации о состоявшемся в окружном суде Гронингена уголовном деле по факту вымогательства. Судебное заседание происходило в удаленном формате и подсудимый, находясь в пенитенциарном учреждении, подключился по видеоконференцсвязи. Провести слушание в течение 45 минут, во время которого поддерживалось онлайн-подключение, не представилось возможным, а суд не отложил слушание и продолжил заседание без участия подсудимого, подключение которого прервалось в силу ограничения лимита времени, и позже окончил его. Право на последнее слово подсудимым использовано не было. Ущемление прав подсудимого, получившее широкую огласку в блоге, не оставило общественность и юридическое сообщество равнодушными. Ученые-процессуалисты пытались найти логическое объяснение произошедшему, выдвигали объективное мнение о нарушении принципа равноправия и состязательности сторон, о нарушении прав подсудимого, о несправедливом факте ограниченного времени подключения. Неофициальным заключением экспертов был сделан вывод об ограниченных возможностях технического подключения в пенитенциарных заведениях. Итогом стало признание вынесения первого приговора не действительным и пересмотра дела по решению Окружного суда Северных Нидерландов. Кроме того, с помощью органов прокуратуры произведено улучшение оснащения техническими средствами суды и увеличено времени судебного заседания при подключении к видео-конференцсвязи¹⁶¹.

¹⁶¹ Droogleever Fortuyn, S.(2020). Sessions in corona time: water with the constitutional
154

Пандемийный кризис вызвал негодование юридического общества не только в Нидерландах, но и по всему миру. Остро встал вопрос о необходимом количестве присутствующих на открытом судебном заседании и к участникам стали предъявляться определенные требования. Количество допускаемых к заседанию журналистов регламентировалось тремя персонами, в зависимости от исключительных случаях наличия в помещении пространства для большего количества представителей СМИ (в данном случае имеется в виду полутораметровая дистанция). Обязательным признано присутствие на заседании сторон уголовного процесса, прессы и в случае наличия мест – лиц, пожелавших присутствовать на заседании, если то не запрещено законом. Лица, пожелавшие присутствовать на заседании должны пройти предварительную электронную регистрацию, то есть заблаговременно известить судебный орган о своем желании. В случае положительного ответа лицо имеет право явиться в суд.

Наличие в разбирательстве текстовых носителей процессуальных документов вызвало недовольство среди адвокатов. Информацию на текстовых носителях стороны заранее предоставляли в суд, в связи с чем появлялось затруднение доступа к ним. Так, по мнению адвокатов, нарушался принцип публичности, а часть показаний могла быть не зачитана ввиду ограничения по времени¹⁶².

Ограничения по количественному составу открытого разбирательства сглаживались с помощью распространения ссылок на трансляции заседаний, опубликования судебного акта в СМИ.

wine, In Lawyer's magazine, available at: www.advocatenblad.nl/2020/06/24/zittingen-in-coronatijd-water-bij-de-rechtsstatelijke-wijn/

¹⁶² Droogleever Fortuyn, S.(2020). Sessions in corona time: water with the constitutional wine, In Lawyer's magazine, available at: www.advocatenblad.nl/2020/06/24/zittingen-in-coronatijd-water-bij-de-rechtsstatelijke-wijn/

Несмотря на трудности внедрения цифровых технологий, цифровизация продолжает активное внедрение во все сферы жизни общества.

Исходя из всего вышеперечисленного мы приходим к выводу о том, что практика применения удаленного отправления правосудия и эффективность государства по внедрению ИКТ в правовую сферу не однородны. Такие проблемы как неисправность оборудования, нехватка ресурсов, обрывы связи вызвали трудности в ведении удаленного судопроизводства. Человеческий фактор вызвал ряд таких проблем как: трата времени на объяснение подключения и управление платформой, уменьшение количества проведенных заседаний в силу задержек при подключении. В период пандемии, ввиду невозможности конфиденциальности общения адвоката и подзащитного, нарушается соблюдение права на защиту. Также возникает проблема подключения и наличия соответствующего оборудования для участия в заседании.

Обеспечение беспрепятственного доступа к отправлению правосудия, осуществляемого посредством видео-конференцсвязи, является одним из важнейших направлений правовой политики государства. Двигаясь по пути «проб и ошибок» при внедрении цифровых технологий в уголовное судопроизводство, мы тем не менее сможем построить информационно-развитое общество в будущем.

Важность развития национального законодательства в области регламентации правоотношений, связанных с применением цифровых технологий, в частности – процессуального; цифровых навыков населения всех стран; практики и правового регулирования удаленного правосудия; электронных государственных услуг; электронного документооборота, была доказана вынужденной изоляцией, повлекшей ограничения в

свободном передвижении. Мнения законодателей по поводу развития, набирающих популярность тенденций цифровизации, сходятся: совершенствование и апробация принятых нормативно-правовых актов – двигатель совершенствования и глобализации электронных форм жизни общества. В связи с этим, порядок производства электронных уголовных дел различных стран должен развиваться и иметь тенденции, обеспечивающие качественное использование ИКТ в суде.

У некоторых стран на сегодняшний день уже имеется опыт в регламентации законодательных предпосылок в области применения электронного уголовного дела (электронного производства по уголовным делам). При упоминании статистических данных по проблеме повсеместного внедрения ИКТ в масштабах мирового сообщества, необходимо отметить, что Европейская комиссия DESI в своем сообщении от 19 февраля 2020 года «Формируя цифровое будущее Европы» изложила тенденции и перспективы цифровой трансформации государств-членов. Комиссия при поддержке Фонда выстроила ряд приоритетных направлений с ориентацией на выстраивание национальных проектов цифрового развития, бюджет которого равен 560 миллиардов евро. Показатели информатизации Европейских стран и еще 18 стран, не являющимися странами Европы, представлены в виде 100-бальной шкалы. Лидерами по состоянию на 2020-2021 г.г. с показателями свыше 70 баллов являются Нидерланды (83), Финляндия (80), Швеция (73). Нижние позиции занимают Польша (11), Греция (13), Румыния (18). Достаточно высокие показатели, представленные в сравнительной таблице по индексу интеграции цифровых технологий среди стран, не входящих в ЕС, получили:

Швейцария (86), Израиль (76), США (73)¹⁶³. 28 баллов присуждено цифровому развитию российского правосудия, что свидетельствует о том, что мы находимся только в начале этого пути, в стадии разработки и начала применения первых результатов на практике.

В вопросе информатизации уголовного процесса Нидерланды занимают лидирующую позицию по отношению к другим государствам Европейского Союза (далее – ЕС), и, так как уровень применения цифровых технологий достиг определенных результатов, закономерным будет для дальнейших преобразований учитывать опыт данного государства как ориентир.

Серьезные изменения коснулись уголовно-процессуального законодательства Нидерландов с принятием в 2019 году нового Закона «О киберпреступности III». Так, согласно ст. 125p Уголовно-процессуального кодекса Нидерландов (далее – УПК Нидерландов), прокурор вправе требовать от поставщика услуг связи (провайдера коммуникационных услуг) принять все незамедлительные меры, в которых разумно возникает потребность, по обеспечению недоступности хранящихся или передаваемых данных, с целью прекращения преступной деятельности или предотвращения новых преступлений. Требование оформляется соответствующим приказом (постановлением), с предварительным разрешением следственного судьи, содержащим обязательное указание на: преступное деяние; факты и обстоятельства, подтверждающие, что недоступность данных необходима для прекращения преступления или

¹⁶³ European Commission (2020) International Digital Economy and Society Index – SMART 2019/0087 Luxembourg, Publications Office of the European Union, 57p. DOI: 10.2759/757411

предотвращения новых преступлений; конкретные данные, которые следует сделать недоступными¹⁶⁴.

Согласно ст. 126nba УПК Нидерландов при совершении тяжкого преступления, не терпящего отлагательств, проникновение следственными органами в цифровую систему возможно с письменного указания прокурора, а также по предварительному согласованию и одобрению следственного судьи. Эта деятельность облегчает работу следственных органов по поиску пользователя и его местонахождения, открывается возможность ведения записи с этого устройства, выявляются характеристики компьютерного устройства. В отдельной ст. 126zpa УПК Нидерландов выделены схожие процессуальные действия, однако преступление в ней имеет террористический характер.

В законодательном закреплении Уголовно-процессуальных актов Нидерландов такие понятия как: пользователь услуг связи, электронная подпись, провайдер коммуникативных услуг носят официальный характер. УПК Нидерландов также регламентирует порядок хранения и использования цифровой информации при производстве расследования по уголовному делу; записи, хранения и уничтожения конфиденциальной информации с использованием технических средств; производства допроса по видеоконференц-связи (ст. 131a), в том числе в рамках международного сотрудничества по уголовным делам (ст. 513a); применения информационных технологий при производстве следственных и других процессуальных действий в целях собирания доказательств. Использование приложения My Telio app или номера 0900 позволяет осуществить контакт защитника и обвиняемого.

¹⁶⁴ Netherlands Code of Criminal Procedure (2021). Available at: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001903/2019-08-01#BoekEerste> (accessed 30 July 2021)

Хранение больших данных и технологии их обработки широко применяются в уголовном судопроизводстве Нидерландов. Например, в электронном формате возможно применение и предоставление ордера адвоката или доверенность представителя, которые хранятся в общем доступе. Сегодня этот формат получает все большее распространение при производстве по уголовным делам. С 2007 года в Нидерландах действует Хартия электронного гражданина, благодаря которой обеспечен переход к публикации документов в электронном формате. Нидерланды в этом направлении являются абсолютными лидерами и стандартом в осуществлении цифровой реформы общества. Получать в электронном виде ходатайства участников, подавать жалобы стало возможным после внесения поправок в уголовно-процессуальный закон Нидерландов. В электронной форме могут подаваться: обращения потерпевшего, ходатайства о прекращении производства по уголовному делу; сообщения о преступлениях; жалобы на отказ в возбуждении уголовного дела, на незаконность производства процессуальных действий, в том числе изъятия компьютерной техники и других устройств, являющихся носителями цифровой информации; возражения обвиняемого против решения, принятого по уголовному делу; а также апелляция. Согласно ст. 51g УПК Нидерландов решение о возбуждении уголовного дела, как и другие документы, принимаемые уполномоченными на то представителями государственных органов, могут оформляться в электронном формате. Международные запросы о предоставлении правовой помощи также могут размещаться в электронной форме. В ст. 138e УПК Нидерландов присутствует регламент заверения этих документов электронной подписью.

Вышеописанные утверждения позволяют сделать вывод о наличии в правовой системе Нидерландов законодательных предпосылок института электронного уголовного дела, характерной чертой которого является присутствие удаленного оборота процессуальных документов.

Опыт Азербайджана в сфере информатизации показывает приверженность законодателя к прогрессивным сторонам развития общества. Так, обязательным условием ведения удаленного уголовного судопроизводства стало наличие звукозаписывающего прибора. Также, начиная с 2020 года, процесс протоколирования ведется под запись. 1 июня 2020 года президент Азербайджанской Республики издал указ, утверждающий Положение об информационной системе «Электронный суд». Создание системы стало необходимым в силу не только глобальной цифровизации, вынудившей догонять передовые страны в развитии, но и в силу необходимости защиты прав и свобод человека в изменяющейся обстановке, оперативности работы судей, обеспечении прозрачности уголовного судопроизводства. Положительной чертой введения системы также стал и перевод информации с текстового носителя в электронный. В связи с этим, в электронном формате подаются жалобы, ходатайства и другие процессуальные документы.

Поиск практики применения международных договоров, решений Европейского суда по правам человека, конвенций, а также судебных решений по уголовным, административным и гражданским делам становится намного быстрее и проще благодаря имеющийся в системе «Единой базы судебных решений». Благодаря информатизации доступность распределения бюджета, работников и штата судей, ведение судами, судьями и работниками юстиции отчетности о выполненной работе приобретает

упрощенную форму. Упрощение просматривается также и со стороны поиска необходимой информации непосредственно самими следователями, адвокатами, судьями и другим участникам процесса, дополнить параметры можно вплоть до личных характеристик подсудимого, но сама личность полностью раскрыта не будет. В связи с этим становится возможным предположить вероятное решение по делу и выстраивать желаемую тактику стороны защиты¹⁶⁵.

В модуле «Электронное уголовное дело» содержится информация по материалам уголовных дел, в частности, это: заявленные иски, запросы, решения суда и иные документы, составленные сотрудниками в ходе процессуальных предварительных расследований. Помимо информационной базы, система располагает множеством шаблонов по заполнению внутриведомственных писем, писем в другие органы, сопроводительные письма, процессуальные решения и т. д.¹⁶⁶.

Развитие уголовного судопроизводства в сфере информатизации и цифровизации продолжается не только из-за растущих потребностей субъектов права, но и благодаря необходимости рационализации человеческих факторов, экономии времени, материальных затрат. Развитые страны мира ведут исследования по вопросам разработки и внедрения информационных платформ, порталов, систем, со встроенным

¹⁶⁵ Dzhafarov, A. (2018) «Elektronnyj sud» – sistema, oblegchayushchaya rabotu sudebnoj vlasti i pravosudiya [«Electronic court» – a system that facilitates the work of the judiciary and justice], In Azerbajdzhanskij vzglyad [Azerbaijani view], available at: <https://vzglyad.az/news/122859/Азерб-Джафаров-«Электронный-суд»-система,-облегчающая-работу-судебной-власти-и-правосудия-.html>

¹⁶⁶ Editorial Baku worker (2021). Novyj modul' Minnalogov pozvolit peredavat' materialy po ugovolnym delam v sudy, podklyuchennye k sisteme «Elektronnyj sud» [The new module of the Ministry of Taxes will allow transferring materials on criminal cases to courts connected to the «Electronic Court» system], In Bakinskij rabochij [Baku worker] available at: <http://www.br.az/economy/2016111112155410.html> (accessed 30 July 2021)

искусственным интеллектом в уголовный процесс, то есть процесса его электронизации и цифровизации. Безусловно, эти процессы не могут сделать неэффективное функционирование национальной системы уголовного судопроизводства эффективным (если такая проблематика существует в стране), но позволяют существенно повысить качественные показатели действующей уголовно-процессуальной системы.

В разных государствах существует множество национальных проектов по информационным системам, содержащим все данные предварительного расследования и образующим электронный порядок формирования уголовного дела. Какие-то из них находятся еще в стадии разработки, какие-то уже внедряются в практику.

В целях повышения цифровой грамотности, уровня жизни, уровня информатизации общества, в Республике Казахстан в 2017 году поддержана идея по воплощению государственной программы «Цифровой Казахстан» в жизнь. С ее принятием существенные изменения коснулись уголовного судопроизводства. Самое существенное из них – это регламентация порядка ведения уголовного дела в электронном формате. Согласно ст. 42-1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК), предусмотрен бумажный и электронный формат как разновидности форм уголовного судопроизводства¹⁶⁷.

«Инструкция о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате» № 16268 (далее – Инструкция) от 3 января 2018 года утверждена в целях обеспечения эффективного применения электронного порядка производства по уголовному делу. С помощью информационной системы Единого реестра досудебных расследований (далее – ИС ЕРДР) производится

¹⁶⁷ Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (2021). Available at: <http://adilet.zan.kz/rus> (accessed 30 July 2021)

автоматическое заполнение уголовного дела в электронном виде. Электронный, как и бумажный, форматы производятся по решению лица, уполномоченного вести предварительное расследование по уголовному делу. Так, у правоприменителя есть право выбора в более удобной форме ведения расследования – электронной или бумажной. Отправной точкой производства по электронному формату служит шаблон, по которому оформляются документы в ходе следствия, после чего рассылаются уведомления о начале производства прокурору и другим участникам процесса. Участие в электронном производстве возможно лишь после приобретения электронной цифровой подписи. Для этого стороны уголовного судопроизводства регистрируются и проходят процесс биометрии в ИС ЕРДР. Доступ к получению электронных данных по конкретному уголовному делу открыт для участников в той мере, которая им позволена законодательством. Систему оповещений, производимой через SMS-уведомления, можно разделить на публичный и закрытый модули. Такое распределение зависит от масштаба распространения материалов судебного производства. Так, например, доступ к публично размещенным данным открыт для подачи и приема заявлений, ходатайств и жалоб, а получение закрытой информации возможно при участии в конкретном деле в роли одной из сторон уголовного производства. Распространение закрытой информации осуществляется посредством рассылки писем на мобильные телефоны и электронные почты. При этом, следует отметить, что передача уголовного дела в суд происходит в удаленной форме, так как информационная система уголовного судопроизводства имеет связь с ИС ЕРДР.

При переводе процессуальных документов в электронный формат сохраняется их высокое качество, читабельность и идентичность. Перевод документа в формат PDF позволяет

выполнить данные условия. Для упрощения проведения процессуальных мероприятий, на портале ИС ЕРДР расположены шаблоны различных протоколов. Система ИС ЕРДР экономит человеческие ресурсы, гарантирует законность, обеспечивает прозрачность правосудия. По процессуальным нормам УПК РК при наступлении определенного в законе срока становится невозможным подгрузить или уничтожить документ в системе, поэтому своевременное опубликование – гарантия справедливого правосудия.

По данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан в 2019 году в производстве органов уголовного преследования находилось 279 041 уголовное дело, из них электронный формат применялся по 47 130 уголовным делам (17 %); в 2020 году в производстве органов уголовного преследования находилось 193 678 уголовных дел, из них в электронном формате – 77 995 (40 %); в первом полугодии 2021 года в производстве уголовного преследования находилось 110 757 уголовных дел, из них в электронном формате – 68 476 (62 %). Статистика наглядно показывает процентное увеличение числа электронных уголовных дел, что подтверждает целесообразность внедрения цифровизации в уголовное судопроизводство¹⁶⁸.

¹⁶⁸ Committee on Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan (2021). Form No. 1-M «Report on registered crimes and the results of the activities of the criminal prosecution bodies» for 2019-2020 and the first half of 2021. The Republic of Kazakhstan. Available at:

https://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat?piref36_258157_36_223082_223082.ora_navigState=eventSubmit_doSearch%3D%25D0%259F%25D0%25BE%25D0%25B8%25D1%2581%25D0%25BA%26p_YEAR%3D2019%26p_MONTN%3D12%26p_AREA%3D190000%26p_REG%3D1900%26p_DEP%3D000%26page%3Dmode_report%26currPage%3D1&piref36_258157_36_223082_223082.ora_navigValues (accessed 30 July 2021).

Подводя итог, важно отметить, что актуальные проблемы использования электронных коммуникаций, дистанционных средств и автоматизированных информационных систем, искусственного интеллекта в деятельности судов, и в уголовном процессе в частности, вызывают дискуссии у ученых по всему миру. Однако, даже учитывая важность и необходимость информационного прогресса, открытость и доступность правосудия, удобство технологических новел, обеспечивающих эффективную информативность, не стоит забывать о приоритете человека над цифрой.

5.2 Развитие уголовного судопроизводства России в условиях современных цифровых технологий

Общемировые тенденции цифровизации и информатизации активно проникают во все сферы жизни человека, в том числе и в общественные отношения, регулируемые различными нормами права. И хотя этот процесс проходит неравномерно и с разной интенсивностью, и не зависит порой от желания лиц, участвующих в правоотношениях, однако его неотвратимость очевидна.

Уголовный процесс, являясь одной из самых консервативных отраслей права, с большой осторожностью относится к нововведениям в этом направлении. Российские ученые-процессуалисты ведут активную полемику об эффективности и доступности правосудия в условиях информатизации, а также о целесообразности внедрения каждого предложения, рассматривая их под углом защиты прав и свобод человека и гражданина. Не вызывает сомнений, что без научного фундамента любая концепция будет обречена на неудачу. Так произошло с реализацией Федеральной целевой программы (ФЦП) «Электронная Россия 2002-

2010 годы», направленной на «переход на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде федеральными органами исполнительной власти; обеспечение решения задач государственного управления с использованием элементов электронного правительства; развитие инфраструктуры электронного правительства»¹⁶⁹.

Период пандемии в 2020 году показал неспособность работы судов в цифровой среде. И хотя во исполнение Постановления Правительства РФ от 28 января 2002 г. были приняты Постановление Совета судей РФ от 11 апреля 2002 г. № 75 «Об информатизации судов»¹⁷⁰ и Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2002-2006 годы»¹⁷¹, которая предусматривала создание Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие», эффективность и доступность правосудия не проявились на первых этапах. Проведенные опросы на площадке «Право» показали, что пользователи отмечали отсутствие единой базы данных, неудобный интерфейс, сложности поиска информации на сайте, многочисленные ошибки в программе, отсутствие навыков работы с системой как у сотрудников суда, так и у граждан, пользующихся услугами этой системы, недостаточное техническое оснащение судов и др.¹⁷²

¹⁶⁹ Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе "Электронная Россия (2002-2010 годы)"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 4 февраля 2002 г. № 5. Ст. 531 / Информационно-правовое обеспечение «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/184120/#friends>. Дата обращения: 05.11.2022.

¹⁷⁰ [Постановление Совета судей РФ от 11 апреля 2002 г. № 75 «Об информатизации судов»](https://base.garant.ru/1776538/). Текст постановления официально опубликован не был. Режим доступа: <https://base.garant.ru/1776538/>. Дата обращения: 05.11.2022.

¹⁷¹ Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. N 1406 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013 – 2024 годы"» // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2013 г. № 1. Ст. 13.

¹⁷² См.: «Судебный интернет» и ГАС «Правосудие» – ваше мнение //

Однако, процесс информатизации и цифровой трансформации правосудия не останавливался, а напротив набирал обороты не только в техническом плане, но и законодательно. Гражданское процессуальное законодательство активнее включилось в процесс модификации.

В уголовном судопроизводстве также сделаны первые шаги в этом направлении, но сегодня этот процесс в России традиционно сведен пока к минимуму. По справедливому мнению профессора Л.А. Воскобитовой, «произвольная и безграничная цифровизация уголовно-процессуальной деятельности без учета ее природы, объективно присущих ей особенностей представляется недопустимой»¹⁷³. Ограничительная сущностная природа процессуального права, определяя основания и порядок деятельности, создает таким образом гарантии правовых установлений.

Полагаем, что позитивность и эффективность использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве возможно распознать путем их применения в качестве эксперимента, например, в отдельно взятом регионе или в суде, как это было с элементами ювенальной юстиции. При всей положительности целей и теоретической обоснованности последней, ювенальная юстиция не «прижилась» в российском судопроизводстве, хотя зарубежные аналоги вполне успешно функционировали на протяжении многих десятилетий. Важно понимать, что одним из первоочередных критериев допустимости нововведений в уголовный процесс является защита прав человека и предоставление гарантий соблюдения этих прав.

Право.RU.2011. 9 ноября. Режим доступа: <https://pravo.ru/edition/view/63866/>. Дата обращения: 05.11.2022.

¹⁷³ Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5. С. 94.

Цифровизация в уголовном судопроизводстве представляет собой процесс внедрения в уголовно-процессуальную деятельность цифровых технологий в виде технических устройств, приспособлений, позволяющих получать и обрабатывать информацию в цифровой форме, а также осуществлять ее хранение и передачу¹⁷⁴.

Первые упоминания, связанные с цифровизацией уголовно-процессуальной деятельности, в УПК РФ появились в 2001 году (ч. 3 ст. 376). Речь шла о возможности применения видеоконференц-связи в суде. На практике тенденция использования режима удаленной связи в суде начала складываться после решения Конституционного Суда Российской Федерации 10 декабря 1998 г. Было признано право осужденного участвовать в судебном заседании и изложить суду свою позицию по уголовному делу¹⁷⁵.

Однако даже после законодательной регламентации возможности применения этого технического новшества, активного внедрения в практику видеоконференц-связи не последовало. Полагаем, причин тому было несколько, среди которых первоочередной можно назвать недостаточную техническую оснащенность судов для проведения заседаний в таком режиме, а также ограничения закона в части возможности использования видео-конференц-связи исключительно в кассационной инстанции в случае поступления кассационной жалобы или представления и заявления осужденного

¹⁷⁴ Мищенко Е.В., Никурадзе Н.О., Марина Е.А. Уголовное судопроизводство в условиях глобальной цифровизации общества // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022. 15(8): 1084.

¹⁷⁵ По делу о проверке конституционности части второй статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Баронина: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 1998 года № 27-П // Собрание законодательства РФ. 1998. № 51. Ст. 6341.

присутствовать при рассмотрении жалобы или представления на приговор по уголовному делу.

2009 год можно считать переломным в направлении цифровизации в уголовном процессе. Изменения, внесенные в ст. 35 УПК РФ, регламентировали право обвиняемого участвовать в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи при решении вопроса о подсудности¹⁷⁶. Впоследствии последовал ряд таких изменений и дополнений, законодательно расширяющих применение систем видео-конференц-связи¹⁷⁷. Так, ст. 240 УПК РФ была дополнена частью 4, позволяющей суду допрашивать свидетелей и потерпевших путем использования систем видеоконференц-связи¹⁷⁸. Как показывает практика, в настоящее время суды активно используют возможности видеоконференц-связи. Динамику этой деятельности можно проследить по Отчетам Судебного департамента Оренбургской области «О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению

¹⁷⁶ О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2009 года № 346-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (часть I). Ст. 6422.

¹⁷⁷ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 45; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 20 марта 2011 года № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 13. Ст. 1686; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства: Федеральный закон от 23 июля 2013 года № 217-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (часть I). Ст. 4050; О внесении изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 251-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4252; О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 05 декабря 2017 года № 387-ФЗ // Российская газета. 2017. 8 декабря.

¹⁷⁸ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 20 марта 2011 года № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 13. Ст. 1686

уголовных дел по первой инстанции»: в 2018 году районными и городскими судами Оренбургской области видеоконференц-связь использовалась в судебных заседаниях 1639 раз, в 2019 году – 1948, в 2020 – 1768¹⁷⁹. Численные показатели ежегодно остаются высокими.

В соответствии со ст. 259 УПК РФ другим важным элементом цифровизации судебного заседания стало использование аудиопотоколирования и видеопотоколирования (кроме рассмотрения уголовного дела в закрытом судебном заседании в случаях, предусмотренных ст. 241 УПК РФ). Районными и городскими судами Оренбургской области аудиопотоколирование в 2018 году применялось по 2150 уголовным делам, в 2019 году – по 7143, в 2020 году – по 15977. Видео-потоколирование осуществлялось в 2018 году по 33 уголовным делам, в 2019 – по 100, в 2020 – по 338¹⁸⁰. Резкий скачок в использовании аудиопотоколирования отмечается в период пандемии коронавируса.

Следующий существенный шаг в направлении цифровизации уголовного судопроизводства затронул возможность использования электронных документов в суде. Так, ст. 474.1 УПК РФ позволила участникам уголовного процесса в форме электронного документа, подписанного электронной подписью, подавать в суд ходатайства, заявления, жалобы и представления путем заполнения формы, размещенной на официальном сайте соответствующего суда. В соответствии с частью 2 этой статьи суду предоставлено право выносить судебное решение в форме электронного документа,

¹⁷⁹ Судебная статистика. Отчеты Судебного департамента Оренбургской области «О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции». Режим доступа: <http://usd.orb.sudrf.ru/modules.php?name=map>. Дата обращения: 18.12.2022 г.

¹⁸⁰ Там же.

который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью. Копия такого судебного решения, по просьбе либо с согласия участника уголовного судопроизводства может быть направлена ему с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (ч. 3 ст. 474.1 УПК РФ).

Исполнение наказания в случаях, связанных с выплатой осужденным судебного штрафа или иного материального взыскания, также возможно путем передачи копии судебного решения и исполнительного листа в электронном виде. Такие документы подписывает судья усиленной квалифицированной электронной подписью (ст.ст. 393 и 446.4 УПК РФ).

Еще одна норма введена в УПК РФ Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ¹⁸¹ – ст. 81.1. Порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики. Электронные носители информации по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики наделены статусом вещественных доказательств. А в 2018 году в ст. 164.1 УПК РФ были законодательно определены особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий¹⁸². То есть сегодня УПК РФ использует такие категории как «электронные доказательства» и «электронные носители информации» и порядок их применения воспринимается правоприменителями как устоявшийся.

¹⁸¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.

¹⁸² О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8459.

В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает электронной формы ведения уголовных дел. Однако как показывает опыт зарубежных стран – это реальность, которая уже успешно апробируется. По нашему мнению, на современном этапе рациональное использование ИКТ в уголовном судопроизводстве не просто отвечает установленным приоритетам развития информационного общества в России, но имеет большое значение для обеспечения в правоприменительной деятельности оперативности, доступности, прозрачности. Цифровое развитие уголовного судопроизводства в России носит поступательный характер без «революционных» изменений, поскольку именно данный вид производства нуждается в особом подходе ввиду его специфики, обусловленной общественной опасностью преступных деяний.

Первые шаги в этом направлении уже сделаны и сегодня в работе правоохранительных органов активно используются правовые поисковые системы, различные базы данных (например, работа с Big данными), порталы госуслуг и др., официальные ведомственные электронные почты и т. п. Однако внедрение цифровизации в досудебное и судебное производство идет неравномерно. Судебная деятельность в большей степени информатизирована. Единое информационное пространство судов общей юрисдикции и созданный для её поддержки интернет-портал образуют государственную автоматизированную систему «Правосудие» (ГАС «Правосудие»). Ее функциональное назначение заключается в обеспечении судов справочной информацией, информацией о делах судебных участков мировых судей и федеральных судов общей юрисдикции, судебными решениями и актами Верховного Суда РФ. Также данная система содержит сведения: об органах судебной власти; о сроках, ходе и

состоянии дел; об оформлении судебных документов; о состоянии апелляционных и кассационных производств; о нерассмотренных делах; о составе судебных коллегий; о нагрузках судей; о правовой информации действующего законодательства; о судебной статистике; об административном управлении судов; о кадровом, финансовом и организационном обеспечении; судебную практику (включая базу данных судебных решений); о делопроизводстве и документообороте; о международном взаимодействии; об обращении граждан по вопросам форм и методов работы судебной системы.

По мнению судей, данная система значительно упорядочила и разгрузила деятельность судов, поскольку в автоматизированный режим были переведены такие функции как: документооборот; правовое обеспечение; эксплуатация сервиса обслуживания системы; обучение пользователей системы; проведение судебных заседаний с использованием видеоконференц-связи; формирование протокола судебного заседания на базе фонограмм; защита информации и другие.

Позитивно работа этой системы отразилась и на гражданах, вовлеченных в деятельность судов. ГАС «Правосудие» позволяет следить за движением дела, подавать обращения в судебный орган и получать результаты их рассмотрения, без посещения суда, а также участникам процесса иметь доступ к информации по делу.

В большем объеме возможности этой системы реализуются по гражданским делам, однако уголовно-процессуальный закон также содержит нормы, регламентирующие возможности использования этой системы¹⁸³.

¹⁸³ О подсистемах, обеспечивающих работу судов по рассмотрению уголовных дел, нами было более подробно рассмотрено выше.

Работа по усовершенствованию ГАС «Правосудие» не прекращается. Начиная с ее создания в 2006 году и по настоящее время автоматизированная система объединяет 27 подсистем, каждая из которых отвечает за определенный функционал и объект автоматизации. Цифровые инновации в судебной системе России внедряются с учетом специфики производства, потенциальных угроз и путей их устранения, сложности решений в ИКТ, возможностей материального обеспечения и др. Кроме того, такие системы строятся по принципу взаимосвязи организационных, правовых форм с фактическими ожиданиями, что также довольно сложно и требует как временных, так и интеллектуальных затрат.

Досудебное производство хотя и менее цифровизировано, однако здесь также нашла применение государственная автоматизированная система. Постановлением Правительства РФ от 15 декабря 2020 года № 2113 утверждено Положение о государственной автоматизированной системе правовой статистики¹⁸⁴ (далее – ГАС правовой статистики). В соответствии с этим Положением Генеральная прокуратура РФ, являясь оператором данной системы, ведет статистический учет заявлений и сообщений о преступлениях, состояния преступности и её раскрываемости, состояния предварительного расследования, прокурорского надзора; а также осуществляет автоматизацию формирования и представления отчетности органов прокуратуры.

ГАС правовой статистики включает: портал системы правовой статистики (сбор, обработка, хранение и использование информации, мониторинг и анализ сведений, подписание документов); специальное программное обеспечение

¹⁸⁴ Постановление Правительства РФ от 15 декабря 2020 года № 2113 «Об утверждении Положения о государственной автоматизированной системе правовой статистики» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 52 (часть I). Ст. 8810.

(документирование данных); закрытый контур системы правовой статистики, составляющей государственную тайну; портал технической поддержки www.gasps-support.genproc.gov.ru (обучение и повышение профессионального уровня компьютерной грамотности); портал правовой статистики www.crimestat.ru или правоваястатистика.рф (официальная статистическая информация); а также три подсистемы.

Подсистема нормативно-справочной информации, обеспечивающая централизованное формирование и ведение справочников и классификаторов, описание правил форматно-логического контроля статистических данных. Подсистема информационного взаимодействия, предназначенная для интеграции системы правовой статистики с другими информационными системами, в том числе с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Подсистема информационной безопасности, направленная на поддержание установленного уровня защиты информации, обеспечение регистрации, идентификации и аутентификации пользователей, а также разграничение прав доступа к функциям системы.

С учетом новых тенденций в сфере информационных технологий в Положении определены основные направления развития ГАС правовой статистики. Среди них – использование потенциала обработки больших данных; приоритетное расширение функциональности системы; повышение доступности и открытости информации для широкого круга заинтересованных лиц; расширение использования автоматизированных форм обработки информации и др.

Целесообразность цифровизации российскими учеными-процессуалистами сегодня не оспаривается, однако подходы к

направлениям и перспективам ее развития в уголовном судопроизводстве вызвали к жизни множество подходов – от консервативных, поддерживающих поэтапную параллельную цифровизацию, до радикальных, призывающих к активному внедрению технического прогресса в уголовно-процессуальную деятельность. Так, профессор Л.А. Воскобитова в поиске оптимального баланса между соблюдением, установленных в законе, гарантий защиты прав и интересов участников уголовного процесса и использованием цифровых технологий, считает целесообразным «метод экспериментального использования цифровых технологий, сопровождаемый необходимым правовым регулированием, в том числе предусматривающий согласие участников процесса на участие в таком эксперименте»¹⁸⁵. Суть этого метода на начальных этапах состоит в параллельном использовании цифровых технологий с традиционными формами работы. При этом в качестве важного условия она справедливо отмечает согласие участников соответствующего процессуального действия. Экспериментальный переход к цифровым технологиям также может осуществляться путем перевода на эту технологию сначала лишь отдельных, наиболее формализуемых аспектов процессуальной деятельности¹⁸⁶. Такой подход среди ученых-процессуалистов является приоритетным, тогда как цифровизация активно приветствуется судьями и сотрудниками правоохранительных органов ввиду оптимизации рабочих процессов и уменьшению нагрузки.

Такое различное отношение к цифровизации в уголовном судопроизводстве полагаем продиктовано многогранностью этого

¹⁸⁵ Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 95.

¹⁸⁶ Там же.

процесса, который включает в себя не только оснащение судов и силовых структур современной компьютерной техникой и системами видео-конференц-связи, но и новыми технологиями, позволяющими переводить информацию из аналогового формата в цифровую. В настоящее время оцифровка применяется практически во всех сферах деятельности, поскольку она позволяет значительно упростить операционную деятельность и максимально исключает ошибки в закреплении и передаче информации. По мнению ученых из Университета Северной Каролины «оцифровка – это больше о системе записи, в то время как цифровизация – это о системах взаимодействия и о системах понимания и использования оцифрованных данных»¹⁸⁷.

С проникновением цифровизации в уголовное судопроизводство ученые разработали правовую доктрину, в которой предложили научно-технические достижения условно разделить на технологии и технические средства. Технологии, по мнению А.Е. Федюнина, представляют собой «способ производства процессуальных действий, определенный порядок применения технических средств», а под техническими средствами предлагается понимать «определенные инструменты, орудия, приспособления, применяемые в уголовном процессе»¹⁸⁸. Такая позиция, бесспорно, заслуживает внимания, но дискуссия¹⁸⁹ продолжается и единая трактовка этих категорий до сих пор не представлена.

¹⁸⁷ Цит. по: Кудрявцева Т.Ю., Кожина К.С. Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. № 3 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-ponyatiya-tsifrovizatsii> (дата обращения: 17.12.2022).

¹⁸⁸ Федюнин А.Е. Правовое регулирование применения технических средств в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 69.

¹⁸⁹ См.: Аминев З.Ф. К вопросу о закреплении в уголовно-процессуальном законе понятия «технические средства». Правовое государство: теория и практика. 2018;(2(52)). С. 135-142; Литвин И.И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019; Иванов В.В., Цой В. А. Понятие, виды и правила применения технических средств в уголовном процессе // Technology and Language. 2021. № 4(2). С. 178

Соглашаясь с такой классификацией, отметим, что меньше всего возражений встречает внедрение технических средств, т.к. они способствуют составлению, хранению, поиску и копированию документов, а также обеспечивают телефонную и другие виды связи. Применение технологий представляется наиболее проблемным и требующим соблюдения определенных критериев. Прежде всего, такие технологии должны:

- обеспечивать и по возможности усиливать соблюдение правовых гарантий прав участников уголовного судопроизводства при производстве процессуальных действий;

- учитывать особенности уголовно-процессуальных отношений и возможности замены деятельности человека цифровыми аналогами;

- обеспечивать конфиденциальность информации по уголовным делам;

- создавать условия для получения достоверных результатов познания в целях обеспечения назначения уголовного судопроизводства;

- обеспечивать законные, обоснованные и справедливые решения.

Таким образом, цифровизация не должна ставиться в противовес следственной и судебной деятельности, а напротив, внедряться в уголовное судопроизводство, повышая его эффективность и соблюдая при этом выше перечисленные критерии.

Электронные документы, электронные доказательства и электронные носители информации уже стали привычными

словосочетаниями в уголовном процессе. Однако, стремительное развитие информационных процессов предлагает к использованию все новые и новые технологии. Прогресс движется намного дальше, поскольку уже рассматриваются вопросы использования искусственного интеллекта, роботов, способных заменить функции, традиционно выполняемые человеком в уголовном процессе¹⁹⁰. При этом среди ученых нет единого мнения о перспективах применения искусственного интеллекта в борьбе с преступностью. С. Рассел и П. Норвиг выделили четыре подхода к определению искусственного интеллекта, но во всех позициях прослеживается характеристика поведения человека как склонное к нерациональному, эмоционально неустойчивому, допускающему систематические ошибки в рассуждениях¹⁹¹. С такой позицией сложно согласиться. По мнению Д.В. Бахтеева «рациональность, как правило, понимают как соответствие некоторым правилам (нормативность). Правила, в свою очередь, – понятие идеальное, оно создается, оценивается и, при совпадении ряда факторов, выполняется в мыслительном процессе»¹⁹², то есть механизм работы искусственного интеллекта должен строиться на сочетании внутренних и внешних факторов, к которым следует отнести этику и нормы права. Полагаем, что с учетом современных научных достижений рано говорить о замене человека искусственным интеллектом в уголовном судопроизводстве. Конечно, огромный потенциал искусственного интеллекта открывает значительные перспективы развития в этом направлении, тем более, что есть основания говорить о явном его

¹⁹⁰ Попова И.П. Автоматизация уголовного процесса: зло или благо для общества? // Magistrate judge. 2019. № 11. С. 11.

¹⁹¹ Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. 2-е изд.: Пер. с англ. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2016. С. 35.

¹⁹² Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде: монография / под ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева, канд. юрид. наук Д.В. Бахтеева. – М.: Юрлитинформ, 2022. С. 9.

преимущество над интеллектом человека. Сегодня же роль искусственного интеллекта сводится к выполнению интеллектуальных операций, не связанных с принятием процессуальных решений. Оптимизировать и уменьшить нагрузку на судей и должностных лиц правоохранительных органов – вот задача, которую должен выполнять искусственный интеллект. На сегодняшний день справедливо можно говорить о таких формах использования возможностей искусственного интеллекта как системы поддержки решений, экспертные системы, нейросети, интеллектуальные производственные системы¹⁹³, системы обеспечения автоматизированного доступа к информации, определения соответствия документа требованиям, консультационно-справочной оценки и рекомендательных решений, исходя из следственной ситуации и т. д. Просчитать возможности искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве в будущем достаточно сложно, но возможно поэтапно решать задачи, поставленные временем и отвечающие современному развитию цифровых технологий.

В научной литературе в последнее время все активнее обсуждаются вопросы перспектив цифровизации уголовного процесса. Так, А.Ю. Афанасьевым разработаны элементы системы интеллектуального обеспечения уголовного процесса:

- профессиональная подготовка субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений;
- законодательное обеспечение уголовного процесса;
- научно-исследовательское обеспечение уголовно-процессуальной деятельности;

¹⁹³ Павлов С.Н. Системы искусственного интеллекта: учеб. пособие. В 2-х частях. Томск: Эль Контент, 2011. – Ч. 1. – С. 41-42.

– информационно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства;

– обеспечение уголовного процесса системами искусственного интеллекта¹⁹⁴.

Все выше представленные элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены и носят комплексный характер. Адресаты реализации этих направлений – высшие учебные заведения (преимущественно специализированные), законодатель (подготовка нормативных правовых актов, регламентирующих уголовно-процессуальную деятельность), ученые-процессуалисты и криминалисты (проведение научных исследований), специалисты информационных систем и технологий (разработка информационных и технических ресурсов), сотрудники правоохранительных органов и судьи (использование систем искусственного интеллекта). Заметим, что вершина всей этой поступательной деятельности – искусственный интеллект. Нисколько не принижая значимость в интеллектуальном обеспечении уголовного процесса предыдущих элементов, следует заметить, что именно за системами искусственного интеллекта кроется перспектива развития уголовного судопроизводства¹⁹⁵.

В этом аспекте особый интерес представляет вопрос использования искусственного интеллекта в осуществлении защиты по уголовным делам. Сложность реализации этой идеи состоит в

¹⁹⁴ Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? – 2018. – С. 10. Режим доступа: <http://www.iolr.org/wp-content/uploads/2018/07/%D0%90%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%8C%D0%B5%D0%B2-%D0%90.%D0%AE-%D0%98%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82....pdf>. Дата обращения: 1.12.2022 г.

¹⁹⁵ Афанасьев А.Ю. Там же. С. 11.

том, что досудебное производство и на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства не в полной мере обеспечивает равные возможности у стороны защиты и стороны обвинения. Алгоритмы использования различных информационных систем для правоохранительных органов и судов с одной стороны и адвокатов с другой – различны, и остаются в меньшей степени доступны для последних. Поэтому, по мнению Ю.В. Стрелковой использование искусственного интеллекта для стороны защиты в перспективе возможно в двух аспектах: «с точки зрения адаптации к его использованию иными участниками и в аспекте возможностей, которые функционал ИИ мог бы в перспективе открыть для адвоката-защитника»¹⁹⁶.

Опыт зарубежных государств в использовании результатов работы искусственного интеллекта показывает, что из-за ограниченности доступа защитника к информации и алгоритмам работы системы, у него фактически отсутствует возможность противостоять выводам и решениям. В такой ситуации ставится под сомнение приоритет прав личности в уголовном процессе и реализация принципа состязательности. Более того, полагаем, что в случае не урегулирования этого вопроса на законодательном уровне, пропасть между процессуальными возможностями стороны обвинения и стороны защиты еще больше увеличится.

Возможные перспективы применения адвокатом-защитником технологий искусственного интеллекта можно сформулировать следующим образом. Во-первых, автоматизированная обработка материалов уголовного дела смогла бы существенно сэкономить время для изучения иногда объемных уголовных дел, а также

¹⁹⁶ Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде: монография / под ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева, канд. юрид. наук Д.В. Бахтеева. – М.: Юрлитинформ, 2022. С. 151.

проанализировать и систематизировать полученную информацию для построения тактики защиты. Во-вторых, проблема сбора доказательств, которая в настоящее время остается для защитника актуальной, в случае введения «адвокатского расследования» разрешилась бы обеспечением его доступа наравне со стороной обвинения к инструментам искусственного интеллекта, а также к необходимым базам данных.

Резюмируя изложенное, отметим, что развитие уголовного судопроизводства в условиях глобальной цифровизации общества, безусловно, имеет положительные перспективы, однако этот процесс идет поэтапно и потребует от ученых системного изучения и научного анализа уже полученного опыта и возможных рисков в целях разработки алгоритмов, способных найти оптимальные возможности для выполнения назначения уголовного судопроизводства.

Список источников

Нормативно-правовые акты

Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (с изм. и доп.) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 24.07.2022 г.).

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102435144&backlink=1&nd=102074277> (дата обращения: 15.11.2022).

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.), ст. 3448.

Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч.1). Ст. 6228.

О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 45.

О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 20 марта 2011 года № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 13. Ст. 1686.

О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства: Федеральный закон от 23 июля 2013 года № 217-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (часть I). Ст. 4050.

О внесении изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 251-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4252.

Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». URL: <<http://www.pravo.gov.ru>>, 14.07.2015; Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст.4344.

О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон

от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.

О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 05 декабря 2017 года № 387-ФЗ // Российская газета. 2017. 8 декабря.

О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8459.

Федеральный закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <<http://www.pravo.gov.ru>>, 02.08.2019; Собрание законодательства РФ. 2019. №31. Ст.4418 (с изм.).

Федеральный закон от 24.04.2020 г. №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2022).; Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч.1). Ст. 5018.

Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на

период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст.5700.

Постановление Правительства РФ от 05.03.2018 г. № 228 «Положение о реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия». URL: www.pravo.gov.ru, 07.03.2018 г.; Собрание законодательства РФ. 2018. №12. Ст.1678.

Постановление Правительства Российской Федерации от 08.06.2018 г. № 656 «О требованиях к операторам электронных площадок, операторам специализированных электронных площадок, электронным площадкам, специализированным электронным площадкам и функционированию электронных площадок, специализированных электронных площадок, подтверждении соответствия таким требованиям, об утрате юридическим лицом статуса оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 19.06.2018; Собрание законодательства РФ. 2018. №26. Ст.3843.

Постановление Правительства РФ от 15 декабря 2020 года № 2113 «Об утверждении Положения о государственной автоматизированной системе правовой статистики» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 52 (часть I). Ст. 8810.

Приказ ФГУП «Почта России» от 21.02.2019 г. № 73-п «Об утверждении Политики по защите персональных данных клиентов – физических лиц ФГУП «Почта России» и дочерних организаций ФГУП «Почта России», зарегистрированных на территории Европейского союза» // СПС Консультант Плюс.

Положение Банка России от 27.12.2016 г. №572-П «О требованиях к осуществлению деятельности по ведению реестра

владельцев ценных бумаг». URL: <<http://www.cbr.ru/>>, 20.02.2017; Вестник Банка России. 2017. № 25 (с изм.).

Научная и учебная литература

Авдеенкова М.П. Конституционно-правовые санкции и конституционная ответственность // Государство и право. – 2005. – №7. – С. 85-89.

Агибалова Е.Н. Деликтные обязательства: учебное пособие / Е.Н. Агибалова; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС. – Волгоград: Сфера, 2021.

Алексеева И.Ю. Возникновение идеологии информационного общества // Информационное общество. – 1999. – №1.

Аминев З.Ф. К вопросу о закреплении в уголовно-процессуальном законе понятия «технические средства». Правовое государство: теория и практика. 2018. – 2(52). – С. 135-142.

Антонович Е.К. Электронное правосудие по уголовным делам в Нидерландах: современное состояние и перспективы // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 10. – 136-149.

Афанасьев М.Н. Императив постиндустриальной демократии – информационная открытость власти // Общественные науки и современность. – 2010. – № 3.

Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. – Красноярск: Изд-во Красноярск.ун-та, 1985.

Боброва Н.А. Общетеоретические и межотраслевые аспекты юридической ответственности: монография. – М: Юрлитинформ, 2019.

Булатов, А. С. Юридическая ответственность и правообразовательный процесс /А. С. Булатов. // Правоведение. – 1985. – № 2. – С. 57 – 61

Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность: очерк теории. – М., 1976.

Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд. – М., 2009.

Володенков С.В. Роль информационно-коммуникационных технологий в современной политике // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд. РАН. – Екатеринбург, 2018. – Т. 18, вып. 2. – С. 69-86.

Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. – 2019. – № 5.

Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. – 2021. – №4. – С.13-82.

Гражданское право: юридические факты: учеб. пособ. / отв. ред. В.В. Долинская, В.Л. Слесарев. (Сер. «Гражданское право» / науч. ред. В.Л. Слесарев). – М.: Проспект, 2017.

Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М., 2008.

Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. – М., 1972.

Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей // Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М., 2001.

Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. – М., 2005.

Долинская В.В. Субъективные права, их осуществление и защита // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – №11.

Долинская В.В. Гражданский оборот: понятие и проблемы в условиях цифровой экономики: §8 гл. II // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / Под ред. И.В. Воронцовой. – Казань: Отечество, 2020.

Долинская В.В. Предпринимательское право: Учебник (Допущено Министерством образования РФ в качестве учебника для студентов, обучающихся по специальности 0201 «Правоведение», 0202 «Право и организация социального обеспечения», 0603 «Финансы» (по отраслям). – 2-е изд. – М.: Издательский центр «Академия»; Мастерство, 2004. §7.1.

Долинская В.В. Информационное общество, информационные отношения и право // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Том 3. – № 3. – С. 27-36.

Долинская В.В. Информационные отношения в гражданском обороте // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – №4.

Долинская В. В. Развитие системы объектов гражданских прав в условиях цифровой экономики // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики-2020: сборник докладов по материалам Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону – Таганрог: изд-во Южного федерального университета, 2020. – С. 297-300.

Дюрягин И.Я. Право и управление. – М.: Юрид. лит., 1981.

Епифанцева Т.Ю. Ответственность нотариуса за причинение вреда // Наследственное право. – 2020. – № 3. – С. 14-16.

Журкина О.В., Максименко Е.И. Новеллы судоустройства в Российской Федерации: монография. – Оренбург: ОГУ, 2022.

Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. – Режим

доступа: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>

Иванов В.В., Цой В. А. Понятие, виды и правила применения технических средств в уголовном процессе // *Technology and Language*. – 2021. – № 4(2). – С. 109-124

Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде: монография / под ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева, канд. юрид. наук Д.В. Бахтеева. – М.: Юрлитинформ, 2022.

Истомин В. Г. Антимонопольное регулирование деятельности цифровых компаний и функционирования интернет-платформ в России и Европейском Союзе // *Law Enforcement Review*. – 2022. – Выпуск 6. – № 2. С. 120-133.

Йеринг Р. Борьба за право. – М., 1991.

Керимов Д.А. Культура и техника правотворчества. – М., 1991.

Кечекьян С.Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. – М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Кириллова Е.А. К вопросу о расширении полномочий нотариуса в условиях цифровизации // *Нотариус*. – 2022. – № 2. – С. 31-33.

Колосова Т.Е. Проблемы реализации охранительной функции государства в сфере защиты прав человека в цифровом пространстве. // *Актуальные проблемы государства и права*. – 2022. – Т. 6. – № 2. – С. 151-157.

Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. – М., 1991.

Комаров С.А., Чепус А.В. Позитивная юридическая ответственность: проблемы классификации // *Юридическая мысль*. – 2015. – № 5 (91). С. 35-42.

Кудрявцева Т.Ю., Кожина К.С. Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. № 3 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-ponyatiya-tsifrovizatsii> (дата обращения: 17.11.2022).

Курбатов И.А. Государственное планирование как средство достижения целей социального государства. [Электронный ресурс] <https://wiselawyer.ru/poleznoe/79294-gosudarstvennoe-planirovanie-sredstvo-dostizheniya-celej-socialnogo-gosudarstva> (дата обращения: 20.10.2022).

Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Алексеевич Л.В., Зенин С.С. Неприкосновенность частной жизни в условиях использования систем искусственного интеллекта для удаленной биометрической идентификации личности // Lex russica (Русский закон). – 2022 № 75(2). С. 121-131. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.183.2.121-131>

Лебедева Ю.Н. Новое в разграничении вопросов ведения России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 9. – С. 20 – 21.

Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву – М., 1981

Летуа Т.В. О коллизии принципов гражданского и корпоративного права // Журнал российского права. 2012. – 2012. – № 11.– С. 96-101.

Летуа Т.В. Договор, заключенный посредством сети Интернет, как основание возникновения гражданских прав и обязанностей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2012. № 2. ч.2. С.111-116.

Летуа Т.В. Тенденции развития деликтного права в условиях цифровизации // Конституционализация отраслевого законодательства Российской Федерации: материалы

Всероссийской научно-практической конференции с иностранным участием. – Тюмень, 2022. – С.404-414.

Летуа Т.В. Технологическое предпринимательство в контексте развития института деликтной ответственности // Университетские правовые диалоги «Право и предпринимательство»: материалы Международной научно-практической конференции. Часть 1. / под ред. В. В. Кваниной. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет. Юридический институт. 2022. С. 207-212.

Липинский Д.А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. – №6. – 2014. – С. 37-51.

Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Система права и система юридической ответственности: некоторые проблемы взаимосвязей и соотношения // Право и политика. – 2019. – № 9. – С. 29 – 47. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.9.30581

Лугманов Р.Р. Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 2. – С. 115-153.

Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. – М., 1968.

Малеин Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. Социологический и юридический аспекты. Л., 1983.

Маркин А.В. Ответственность и обязанность в структуре нормы права // Вектор науки ТГУ. – № 3(13), – 2010.

Мартемьянов В.С. Хозяйственное право зарубежных стран. – Москва: Издательство «БЕК», 1994. – С. 215-216.

Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. – 2015. – №10. – С.5-29.

Мищенко Е.В., Никурадзе Н.О., Марина Е.А. Уголовное судопроизводство в условиях глобальной цифровизации общества // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2022. – 15(8).

Михайлов С. В., Пономарева Н. В., Прудникова Л.Б. Блокчейн в современном правоприменении // Философия права. – 2019. – № 1 (88). – С. 60-64.

Мотовиловкер Е.Я. Основное разделение охранительных правоотношений // Вопросы теории охранительных правоотношений. – Ярославль, 1991.

Никитин А. В. Применение общих положений о подряде к договорам возмездного оказания услуг // Российский юридический журнал. – 2018. – № 4 (121). – С. 94-100.

Павлов В. И. Человек – право – государство – техника: трансформация ценностных оснований правового регулирования в современном мире. // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования: сборник научных трудов / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. – Минск: Академия МВД, 2019. – 356.

Павлов С.Н. Системы искусственного интеллекта: учеб. пособие. В 2-х частях. Томск: Эль Контент, 2011. – Ч. 1. – С. 41-42.

Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? – 2018. – С. 10. Режим доступа: <http://www.iolr.org/wp-content/uploads/2018/07/%D0%90%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%8C%D0%B5%D0%B2-%D0%90.%D0%AE.-%D0%98%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%90>

(дата обращения: 1.11.2022).

Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа: (кибер) государство для цифровой экономики. М., 2018.

Попова Е.А. К вопросу о применении технических и электронных средств в уголовном судопроизводстве / Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Пенза: Изд-во Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.). – 2021. – С. 71-74.

Попова И.П. Автоматизация уголовного процесса: зло или благо для общества? // Magistrate judge. – 2019. – № 11.

Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. – 2019. – №6. – С.29-36.

Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. 2-е изд.: Пер. с англ. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2016.

Ролинсон П., Ариевич Е.А., Ермолина Д.Е. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового режима в России и за рубежом // Закон. – 2018. – №5. – С. 63-71.

Рунец С.В. Публично-правовая ответственность // Бизнес в законе. – №3. – 2010. – С.11-12.

Сабо И. Основы теории права. – М., 1970.

Савин В.Н. Ответственность государственной власти перед обществом // Государство и право. – 2000. – № 12.

Собчак А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Известия вузов: Правоведение. – 1968. – №1. – С.49-57.

Современное конституционное право: отечественные и зарубежные исследования: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. правоведения; Рос. гос. ун-т

196

правосудия. Отдел конституционно-правовых исследований; отв. ред. Е.В. Алферова, И.А. Умнова (Конюхова). – М., 2019.

Теория государства и права: учебник для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М.: Издательство Юрайт, 2010.

Туктаров Ю.Е. Чисто экономические убытки // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2006. – С. 138-168.

Умнова И.А. Конституционные законы современного российского федерализма. М., 1998.

Усольцева Н.А., Усольцев Ю.М. Чат-бот как элемент правовой реальности // Юридическая наука. – 2020. – № 9. – С. 72-75.

Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. – 240 с.

Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М: Юрид. лит., 1974.

Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2007.

Хоскинг А. Курс предпринимательства: Практическое пособие: Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 1993. – 352 с.

Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: Дисс. ... д.ю.н. – Самара, 1998.

Чалых, И. С., Леонтьев, С. О. Юридическая ответственность депутатов Государственной Думы за нарушение процедуры

голосования / И. С. Чалых, С. О. Леонтьев // Современное право. – 2018. – № 1. – С. 34–39.

Черепяхин Б.Б. Об ответственности за вред, причиненный правомерной деятельностью // Известия вузов: Правоведение. – 1994. – № 5-6.

Щенникова Л.В. Социальная функция гражданско-правовой ответственности нотариусов // Нотариус. – 2020. – № 6. – С. 20-25.

Akrivopoulou, C. & Garipidis, N. (eds.), 2012, Human Rights and Risks in the Digital Era. Globalization and the Effects of Information Technologies, IGI Global, Hershey, PA.

Bell D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., Basic Books, Inc., 1973.

Cees van Dam. European tort law. Second Edition. Oxford, 2013.

Coccoli J. The challenges of new technologies in the implementation of human rights: An analysis of some critical issues in the digital era // Peace human rights governance (PHRG). – Venice, 2017. – Vol. 1, № 2. – P. 223–250.

Droogleever Fortuyn, S. Sessions in corona time: water with the constitutional wine, In Lawyer's magazine, available at: www.advocatenblad.nl/2020/06/24/zittingen-in-coronatijd-water-bij-de-rechtsstatelijke-wijn/

Dzhafarov, A. (2018) «Elektronnyj sud» – sistema, oblegchayushchaya rabotu sudebnoj vlasti i pravosudiya [«Electronic court» – a system that facilitates the work of the judiciary and justice], In Azerbajdzhanskij vzglyad [Azerbaijani view], available at: <https://vzglyad.az/news/122859/Азерб-Джафаров-«Электронный-суд»-система,-облегчающая-работу-судебной-власти-и-правосудия-.html>

Editorial lawyer's Guide. (2020). Supreme council criminal cases: fax required, In Lawyer's magazine, available at:

www.advocatenblad.nl/2020/02/04/strafzaken-hoge-raad-post-en-fax-overbodig/

Vasily V. Tarakanov, Agnessa O. Inshakova and Vladimira V. Dolinskaya. Information Society, Digital Economy and Law // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / Editor Elena G. Popkova (Studies in Computational Intelligence). – Springer, 2019. P.3-15.

Nwaneri C. Ready Lawyer One: Legal Issues in the Innovation of Virtual Reality // Harvard Journal of Law & Technology. 2017. Vol.30. P.601-627.

Study on property law and non-contractual liability law as they relate to contract law, ed. Christian von Bar and Ulrich Drobnig. P. 135. – URL: https://www.academia.edu/1131084/Study_on_property_law_and_non_contractual_law_as_they_relate_to_contract_law (дата обращения: 27.10.2022).

Susskind, R. (2020). The Future of Courts, In the Harvard Law School Center on the Legal Profession. The Practice, 6 (5), available at: www.thepractice.law.harvard.edu/article/the-future-of-courts/ (дата обращения: 30.10.2022).

J. Marshall L. The Legal Standard of Care for Notaries and Their Employers, 31. Rev. 735 (1998). P. 735-748. – URL: <https://repository.law.uic.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1627&context=lawreview> (дата обращения: 30.10.2022).

W.H. van Boom. Pure Economic Loss. A Comparative Perspective, pp. 30-31. PURE ECONOMIC LOSS, W.H. van Boom, H. Koziol & C.A. Witting, eds., Wien/New York: Springer, 2004, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=555809> (дата обращения: 27.10.2022).

Научное издание

Юридическая ответственность
и цифровизация: проблемы права и процесса

Монография

Под редакцией

Летуны Т. В.

Издатель

Оренбургский государственный университет
Подписано в печать 21.02.2023 г.

Отпечатано

в Оренбургском государственном университете
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 12,5.
Тираж 500 (1-й завод 100) экз. Заказ № 0175

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13
Тел.: 8(3532)912221
E-mail: 912221@bk.ru